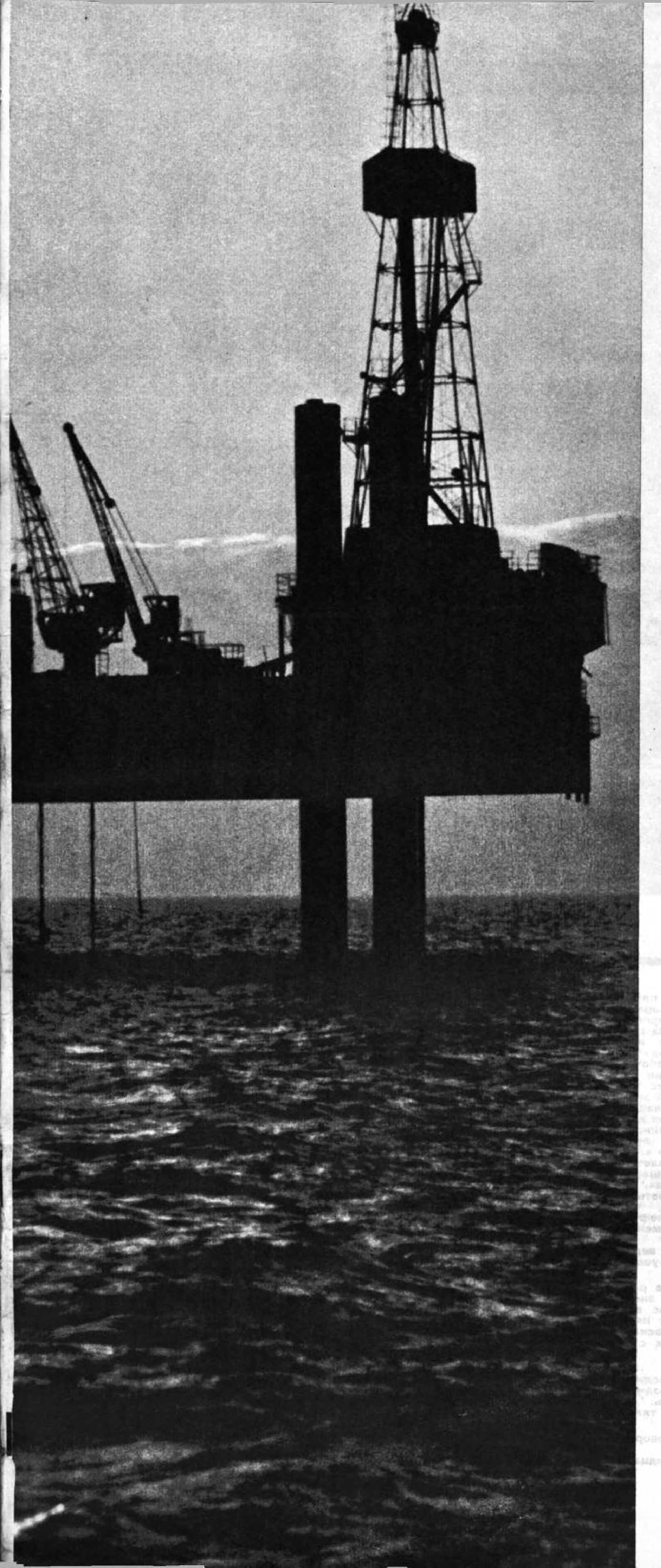

ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Буровой мастер А. А. Грачев

КОРАБЛЬ НА ЧЕТЫРЕХ НОГАХ

Марк БАРИНОВ,
Фото Б. КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Ни вблизи, ни издали «Апшерон» не похож ни на что. Строго говоря, это — судно. Но что бы вы сказали, если в открытом море встретили бы судно, стоящее на четырех ногах?! Да еще так, что его днище, облепленное ракушками, находилось бы метрах в десяти над вашей головой!

Когда вы плывете к «Апшерону» и из-за горизонта появляется это гигантское, как бы парящее над морем сооружение, ваше первое желание: протереть глаза или ущипнуть себя за ухо.

Катер делает плавный полукруг, с опаской приближаясь к своему четырехногому родственнику. Высоко, высоко на палубе «Апшерона» стоят люди, смотрят, как мы копошимся в волнах. Прямо перед катером вырастает огромная стальная колонна — одна из четырех ног. Наш кораблик «вскрикивает», выпускает клуб пара и пятится назад. Высадка весьма своеобразна. Внезапно над головами появляется нечто, напоминающее воронье гнездо, свитое из стальных прутьев. Оно плавно опускается на нашу пляшущую палубу. Оказывается, гнездо прицеплено тросом к лебедке и сейчас крановщик наверху метит попасть рядом с нами. Толчок, удар — и вот он, лифт для вознесения в небеса!

На широкой палубе «Апшерона» нас обступают рабочие. Пожилой мужчина в двух свитерах и брезентовом плаще деловито справляется:

— Возвращаться сейчас будете или через пять дней?

— Именно пять, а денек, скажем, побыть у вас нельзя? — улыбаюсь я.

— Меньше никак,— серьезно отвечает он.— Шторм идет, товарищи корреспонденты. Если через полчаса не уедете, поздно будет. На четверо суток задувает, не меньше. Чувствуете?

...Мы остались на «Апшероне» и прожили на нем четверо с половинной суток. И все это время ревел и ярился под нами холодный Каспий.

Я поселился в двухместной каюте, хозяином которой был тот самый пожилой мужчина, старший буровой мастер Алексей Афанасьевич Грачев. Это его официальная должность. А фактически он тут и капитан, и судовой врач, и учитель, и наставник. Словом, отец всей семьи буровиков-разведчиков, которая насчитывает ни много ни мало пятьдесят человек. Половина из них — тут, в море, на вахте. Другая половина — на берегу, отдыхает. А если шторм, тогда уж с графиком не считаются. И потому на столе в каюте Грачева рядом с табелем выхода на работу лежат метеосводки, журнал погоды. Иной раз не хуже жонглера приходится мастеру манипулировать штормами и вахтами, чтобы всем поровну вышло...

После традиционного азербайд-

жанского чая Грачев ведет меня на палубу. Я чувствую: не терпится мастеру рассказать об «Апшероне».

Структурное разведочное бурение, особенно в море, требует огромных затрат на постройку стальных свайных оснований, на монтаж вышек и оборудования, организацию хранения материалов, устройство быта рабочих. И все эти усилия для того, чтобы, получив результат, через полгода снова размонтировать вышку, оборудование, оставить в море ненужный стальной остров и начинать сначала на другом месте. Ведь им совсем не надо бурить до нефти. Они изучают лишь структуру залегания пород, а уже потом по их указаниям намечаются точки бурения на нефть.

Инженер Матвей Мочалов из бакинского института «Гипроморнефть» сконструировал удивительную установку. На корабельном плоскодонном корпусе смонтирована вышка и все агрегаты. В трюмах — запасы топлива и бурильных растворов. В рубках и под палубой — отличные двух- и четырехместные каюты бурильщиков. А по бортам с четырех сторон — колоссальные стальные опоры, которые можно поднимать и опускать. Такова она, пока первая в стране, плавучая буровая установка «Апшерон»,— ПБУ.

И вот плывет она по морю. Стоп! Здесь точка бурения. Брошены якоря, включены двигатели, опускаются опоры, врезаются, углубляются в грунт на три, пять, семь метров, и встает над морем, поднимается из волн «Апшерон». Еще час, и бурение начато! За год жизни ПБУ узнали — нет, в нее влюбились все — от министра до самого молодого новичка-рабочего. «Апшерон» уже пробурил 7 скважин и на каждой принес государству по 30 тысяч рублей экономии. Скорость создания скважины с помощью ПБУ в 2,5 раза выше, чем с морского основания, а стоимость бурения на 33,5 процента дешевле. Вот что такое «Апшерон»! Сейчас заканчивается монтаж младшего брата «Апшерона», более мощного «Хазара». В разгаре строительство третьей установки — «Азербайджан». Через несколько лет морская нефтеразведка совершенно изменит свое лицо.

...Поздний вечер. Лежу на верхней койке, покуриваю и слушаю Алексея Афанасьевича.

— Тридцать шесть лет я в разведке. Представь себе: степь, зной, сорок пять в тени. А у нас все оборудование на себе. Я лет пять керны и буры на спине таскал. Придем на точку, установим станок и бурим... Вручную.

— Вручную?!

— Ну да. Вдвоем. Так и бродили по степям. Потом, много позднее, техника кое-какая появилась.

— Но ведь трудно, очень тяжело так...

Он долго молчит, потом говорит задумчиво:

— Привык, что ли... Тридцать шесть лет. А ведь посмотри: любой промысел бакинский, на весь мир знаменитый, кто начинал? Мы, разведчики!

В словах этих — гордость рабочего человека, великого в труде своем.

Разговор наш движется неторопливо, с паузами.

— В море вышли. Сперва Нефтяные разведывали, потом сюда перебрались. Бакинский архипелаг — сложный, опасный. Вулканы тут. Газ, лава... Как-то бурили на острове Наливном — недалеко тут. Рванул грифон. Вместо скважины — кратер. Вышка, оборудование, материалы — все в землю провалилось. Метров на тридцать. От вышки одна макушка торчать осталась.

— А люди?

Он молчит, потом спокойно отвечает:

— А люди, что ж... Увел я людей, как только газопроявление началось. Вулкан, он хитер, да и мы не дураки, кое-что понимаем...

Грачев задумался, потом постучал кулаком по стенке.

— А эта штука что надо! До двадцати метров глубина моря, а она стоит себе, шторм не шторм, и бурит тысячи на две! И живем, сам видишь, как в санатории...

...В салоне обычный завтрак: чай, сахар, хлеб, масло, сыр, повидло. Здесь колпит — коллективное питание. «Колпитчик», он же радист, лицо, доверенное вести хозяйственные дела и расчеты, закупает на базе, в магазине, на базаре продукты для вахты и выдает их поварихе. Та готовит три раза в день, и в конце вахты «колпитчик» производит расчет. Приходится с каждого по рублю — рублю двадцать в день. Все довольны.

Завтракают обычно человек семь-восемь, остальные на вахте или спят после вахты. Смотрят утреннюю программу телевидения. На экране — маленькая девочка. Общее оживление, все обращаются к одному из присутствующих. Хохочут. К сожалению, не могу оценить азербайджанского юмора. Но тот, к кому обращены шутки, поясняет мне через стол:

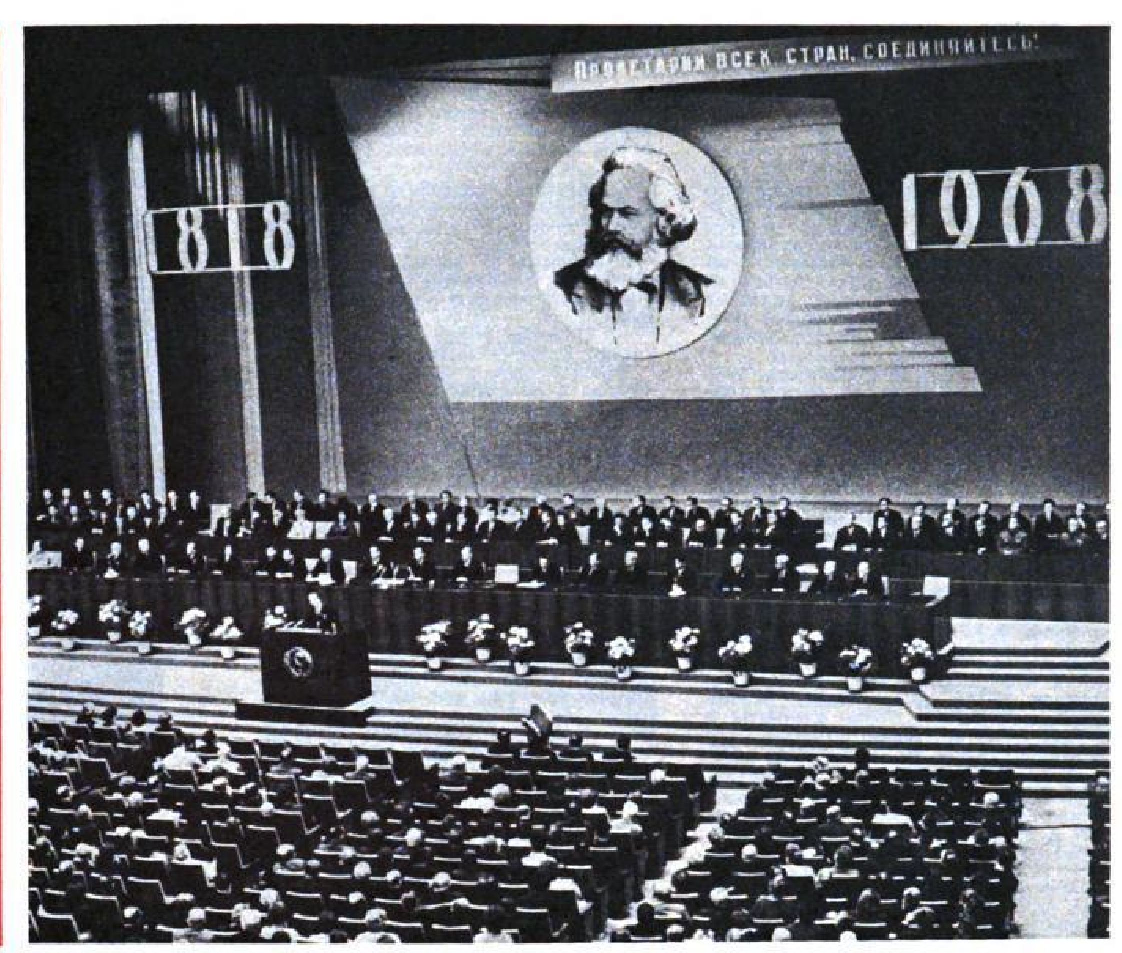
— Они говорят, что у меня снова родится дочка...

— А у вас уже есть дочка?

— Есть. Шесть дочерей...

Посмотришь на веселого, добродушного отца шестерых дочерей, и трудно поверить, что за спиной этого бесстрашного человека ужасы ураганов, когда вышки рушатся в море, а жизнь людей висит на волоске, грозные зимние пожары, когда плавятся стальные конструкции и раскаленное железо падает на раздробленные ледяные поля... Они все тут в салоне такие — веселые, добродушные шутники, и у всех жизнь полна отнюдь не веселыми приключениями. Русские, азербайджанцы, армяне — все они одинаково хорошо говорят и по-русски и по-азербайджански. Все одинаково, с яростным азартом сражаются в нарды — игру, распространенную

ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ, ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

150-летие со дня рождения Карла Маркса — большой праздник трудящихся всего мира, всего прогрессивного человечества. Но особо торжественно был отмечен этот день в Стране Советов, где впервые в истории учение великого мыслителя и пламенного революционера претворено в жизнь.

5 мая в столице на площадь Свердлова, к памятнику Карлу Марксу, пришли тысячи москвичей, чтобы отдать дань глубокого уважения и признательности основоположнику научного коммунизма. Вокруг памятника — корзины цветов, алых гвоздик. Красный цвет — цвет революции...

К памятнику пришли руководители партии и правительства, чтобы возложить венок и цветы. На лентах венка надпись: «Карлу Марксу — основоположнику научного коммунизма, вождю международного пролетариата от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР».

В Кремлевском Дворце съездов 5 мая состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения Карла Маркса. В зале — представители трудящихся, главы дипломатических представительств социалистических стран, иностранные корреспонденты. В президиуме — тепло встреченные собравшимися товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И.В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, М. С. Соломенцев.

В президиуме также ветераны ленинской партии А. А. Андреев, А. В. Артюхина, А. И. Микоян, Ф. Н. Петров, Л. А. Фотиева, Н. М. Шверник. Здесь же — член Политбюро ЦК Французской коммунистической партии Раймон Гюйо, кандидат в члены Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии, министр внутренней торговли Болгарии Пеко Таков, правнуки Маркса — Робер, Фредерик и Поль Лонге.

Торжественное заседание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии В. В. Гришин.

С докладом «Карл Маркс — гениальный учитель и вождь рабочего класса» выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Фото А. Гостева.

на Востоке. Все они — дружная семья разведчиков, геологов, моряков, в которой все общее: и труд, и язык, и судьба.

— Сейчас Бочкарев будет работать. Пойдемте! — приглашает Алексей Афанасьевич.

Поднимаемся в рубку, где вместо штурвала и машинного телеграфа во всю заднюю стену протянулись пульты с кнопками и сигнальными огнями. Я уже видел этого высокого парня, старшего электрика «Апшерона» Василия Бочкарева. «Это наш Атлант. Держит на своих плечах весь «Апшерон»: 600 тонн,— говорит Грачев.— Сейчас небольшой крен получился, грунт под правой передней опорой дал осадку. Вася выправлять будет».

Бочкарев в последний раз бросает взгляд на приборы и поворачивает тумблер. И тут я вижу, как заработала автоматика. Вспыхивают разноцветные огоньки, колеблются стрелки на приборах, что-то пощелкивает, подвывает в металлических шкафах. В недрах «Апшерона» глухо гудят двигатели, и все металлическое сооружение плавно, едва заметно движется. Включен второй тумблер, и новые звуки вплетаются в пение механизмов. Проходит минута, и все стихает. «Апшерон» стоит идеально ровно.

В рубку входит бурильщик Санган Салаев. Он что-то шепнул Грачеву, и я вижу, как меняется лицо Алексея Афанасьевича. Тревога? Нет, сосредоточенность и озабоченность.

— Пожалуйста, не курите на верхней палубе,— коротко роняет он, обращаясь ко мне, и выходит вместе с Салаевым.

Некоторое время из рубки я наблюдаю за ним. Вот он на палубе. Что-то говорит рабочим, которые неторопливо, но сноровисто управляют какими-то механизмами. Нет, вероятно, ничего не случилось, уж очень все спокойны.

А потом меня затащил к себе в каюту Абдуллали — тот самый, у которого шесть дочерей. Он техник-геолог, и его задача — подготовка и систематизация для дальнейших лабораторных исследований проб пород, взятых из скважины. Я держу в руках эти каменной плотности колонки синеватой глины, взятой из глубины двести, триста, пятьсот, восемьсот метров. Они для меня все одинаковые, но Абдуллали рассказывает о каждой из них подробно и увлеченно, и его певучие фразы с мягким азербайджанским акцентом звучат, как стихи.

На палубе снова встречаю Грачева.

— Повариху прихватило: радикулит...— говорит он на ходу.

Вечером беседуем на врачебные темы. У Алексея Афанасьевича небольшая медицинская библиотечка.

— Вот сейчас шторм. Ни самолет, ни вертолет, ни корабль к нам не проберутся. Приходится и врачом тоже...— Он неторопливо, со вкусом рассказывает, что надо делать при бронхите, при болях в печени, как унимать кровь при травме, успокаивать боль во время приступа ревматизма. И чуть смущенно говорит:— Мне бы врачом быть...

Под шум шторма хорошо спится, даже, пожалуй, лучше, чем в Москве, дома. Утром, едва поднявшись, спрашиваю Грачева, почему не бурят скважину. Он смотрит на меня, потом, как всегда спокойно, поясняет: «Скважина дала газопроявление». И сразу вспомнилось грачевское предупреждение: «На палубе не курите».

Люди «Апшерона» пробурили восемьсот метров и неожиданно наткнулись на мощный газоносный пласт. Газ рвется наружу со страшной силой. Его удерживают давлением специального сверхтяжелого раствора. Люди непрерывно подкачивают его в скважину и внимательно следят за поведением газа. В сущности, мы сидим сейчас на вулкане.

— А если не удержите?

— Удержим! — отвечает Грачев.— Ведь нам надо пройти дальше в глубину. Разведка не окончена.

— А если не хватит раствора?

Вот тут я, оказывается, попал в точку. Алексей Афанасьевич хмурится, думает, потом отвечает: «Хватит дней на пять—семь. Сейчас крановое судно ни за что не подойдет. Значит, надо каждый килограмм экономить». Больше я не расспрашиваю.

— Пошли пить чай. Остынет,— говорит Алексей Афанасьевич.

Ничего чрезвычайного так и не случилось. Разведчики с «Апшерона» пройдут газоносный пласт и добурят скважину.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 20 (2133)

Основан 1 апреля 1923 года

11 МАЯ 1968

О. КУПРИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

РАЗГОВОР НА „ВЫ"

В кармане у меня лежало письмо, пришедшее в «Огонек» из Праги и написанное русским человеком Поповым. Он электрик, давно живет в Праге, рассказывает об одной истории, которая произошла 9 мая 1945 года. В письме указаны телефон и адрес. Надо будет позвонить. А история... Вот как описывает ее Попов:

«Только что голова колонны танков вышла на площадь, как к толпе, где мы стояли, подъехал легковой военный автомобиль. За ним еще два грузовика с бойцами. В легковой машине с места водителя поднялся офицер, кажется, капитан, и спросил по-русски: «Товарищи, кто из вас знает, где в Праге находятся филиалы авиационных заводов «Юнкерса»?» Я крикнул, что знаю, где эти заводы, сел в машину рядом с капитаном, и через несколько минут мы были уже на месте. Для охраны завода капитан выделил бойцов, затем спросил у меня, где можно купить что-нибудь съестное для его солдат. Было уже поздно. Какие магазины могли быть открыты в такой час в городе, только что освобожденном от фашистов?

Я вспомнил о старинной колбасной фирме «Хмель», о старом управляющем этой фирмы, с которым был знаком. Управляющий любил со мной говорить о России, он вообще любил русских. Однажды, когда мы уже хорошо знали друг друга, он рассказал мне о тайниках, в которых рабочие завода спрятали от немцев лучшие изделия довоенного времени. Управляющий сказал, что эти тайники они откроют в день освобождения Праги от фашистов.

Об этом я и вспомнил, когда капитан спросил меня, где можно купить питание для солдат.

Ворота завода были украшены цветами, советскими и чехословацкими флагами. Навстречу нам выбежал старик управляющий. Я представил ему капитана. Он встретил его со слезами на глазах и благодарил меня, что я привел таких дорогих гостей. Управляющий сетовал, что завод их стоит в стороне и никто к ним еще не заходил, а он приготовил богатое угощение. Мы вошли в зал. По одной стене стоял длиннющий стол, персон на пятьдесят, со знаменитыми изделиями фирмы «Хмель».

Я рассказал управляющему о цели нашего визита. Он все понял сразу и распорядился приготовить восемь корзин колбасы. Капитан хотел платить. Куда там! Управляющий счел бы за оскорбление, если капитан не принял бы подарка».

Это было 23 года назад. Тогда Чехословакия вступила на путь строительства нового, социалистического общества. В каждом городе, в каждом поселке, где мне довелось побывать, я видел это. Люди вспоминали май 1945 года, день рождения новой республики, наш праздник Победы и национальный праздник народов Чехословакии. И на заводе бывшей фирмы «Хмель» был такой же разговор.

Сюда я попал только через две недели. В большом зале стоял длинный стол. 9 мая 1945 года именно в этом зале, за этим столом чествовали советского офицера. И сейчас стол не был пустым. Инспектор производства Владимир Зика устроил небольшую дегустацию. Ветчина, колбаса, сосиски и пиво. Сосиски с красноватым фаршем — добавлен красный перец — отменное блюдо.

Я спросил о тайниках, замурованных в скалах во время войны, о встрече первого советского офицера.

— Об этом знает хорошо Франтишек Худи,— сказал Зика.

И мы пошли в цех специальных колбас и консервов. Мастер Франтишек Худи, пожилой человек, в белом берете и белом халате, увел нас в крохотную конторку, отгороженную от шумного цеха стеклянной стеной.

— Да, тайники были,— рассказывал он,— туда мы спрятали консервы. А советских солдат мы угощали колбасой. Свежей, хорошей колбасой. В апреле сорок пятого завод наш не работал. Никого тут не было. А пятого мая, когда у нас в Праге началось восстание, мы пустили один цех. Одиннадцать человек на всем заводе работало. А колбасой снабжали все баррикады. Так что когда пришли ваши, их уже было чем накормить. Был большой праздник. Победа! Мы ее так долго ждали. Мы, старики, хорошо помним войну. И ваших солдат. Моя тетя, она в Словакии жила, взяла одного раненого к себе домой и вылечила.

Это была последняя встреча в Чехословакии. На следующий день я улетел в Москву. И последняя запись в моем блокноте была о войне.

Но в первые часы на чешской земле я не вспоминал о событиях, которые происходили тут два с лишним десятилетия назад. Хотелось поскорее увидеть Прагу, побродить по ее улицам. В гостиничном номере я пробыл всего несколько минут.

Внизу в небольшом баре обосновалась шумная компания молодежи. Пили пиво, смеялись, что-то громко обсуждали. Я отдал дежурному ключ от номера.

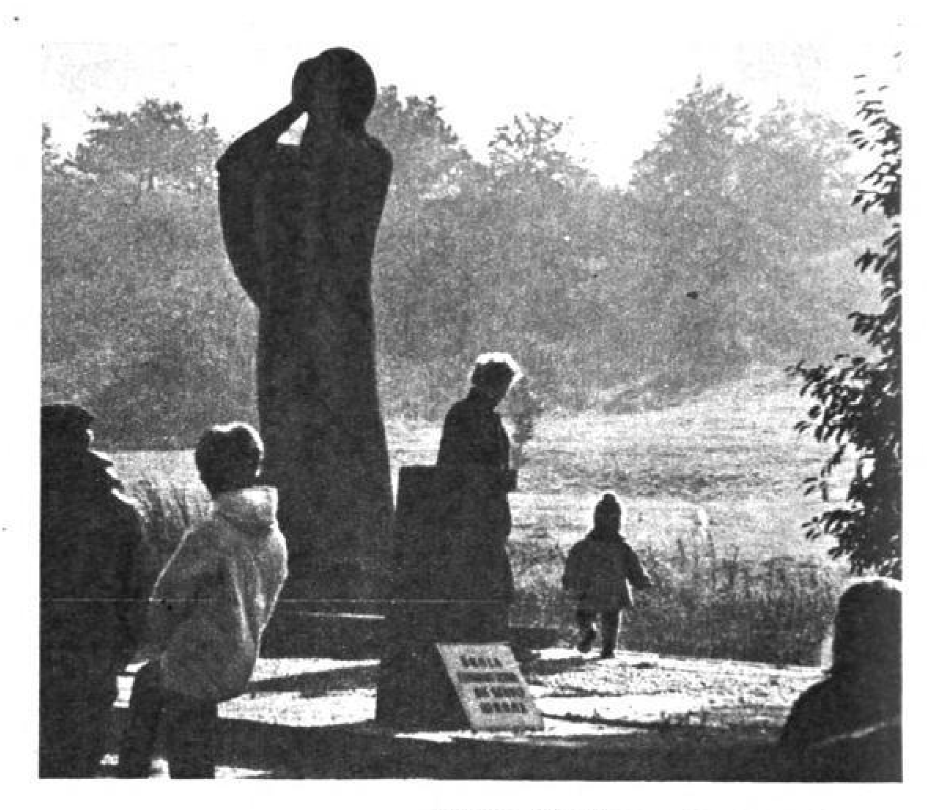
— Кто это? — спросил, кивнув на тех, что сидели в баре.

— Туристы. Западная Германия,— ответил дежурный.

— Руссиш?— послышалось у меня за спиной.

Оглянулся. Высокий парень лет двадцати с интересом смотрел на меня. Я ответил ему: дескать, да, русский. И пошел к выходу, а высокий парень — в бар.

Большие окна бара выходили на улицу. Когда я проходил мимо, высокий парень, подняв занавеску, стоял у окна и указывал своим приятелям на меня. «Интересно, о чем они сейчас там говорят?» — думал я, шагая по пражским улицам. А вдруг для некоторых из них я был первым русским, которого они увидели собственными глазами? Этот парень и его приятели были моложе меня лет на пятнадцать. Их еще не было на свете, когда немецкий народ пережил самую большую свою трагедию. О войне, последние залпы которой отгремели здесь, в Праге, они знают по книжкам да по рассказам отцов. А я, быть может, видел их отцов, если они были в той колонне военнопленных, которая прошла через Москву в 1944 году. Я хорошо помню тот день и другой день, солнечный, майский. Помню то мгновение, когда ночью меня вдруг разбудила гармошка. Люди высовывались из дверей заспанные, злые и кричали в лестничный проем:

Лидице. Тут была когда-то школа.

Всегда волнующее событие — свадьба.

— Кто там с ума сошел?

— Включайте радио! — орал во всю глотку неизвестный музыкант, продолжая терзать гармошку.

Черная тарелка репродуктора с рваными краями громовым голосом Левитана принесла в нашу московскую квартиру самую главную новость: Германия капитулировала, мы победили! Помню, как качали в тот день на улицах каждого военного. И, видимо, заразившись вот этим восторженным отношением к человеку, одетому в военную форму, мы, мальчишки, качали суворовца, невесть каким образом забредшего в наш двор. Помню, перепуганный парень обеими руками держал форменную фуражку и только причитал: «Я же не воевал. Я же не воевал!» А мы подкидывали его в небо с азартом и с завистью. И в общем-то было действительно обидно, что мы, двенадцатилетние, совсем не причастны к такому событию, как победа.

И вдруг в Праге двадцать с лишним лет спустя на меня смотрели, быть может, с тем же интересом, как я когда-то на солдат, возвращавшихся победителями. Впрочем, нет, с интересом, но с другим. Это точно. Чего было больше в этом интересе — уважения или страха, благодарности или злобы? Во всяком случае, для тех парней и девчат из Западной Германии я олицетворял ту страну и тот народ, которые смогли остановить победный марш фашизма, родившегося у них на родине. Никогда прежде я не придавал такого значения своей собственной персоне. Даже остановился около зеркальной витрины магазина, чтобы посмотреть, каким они увидели, быть может, первого в своей жизни русского. Нет, на богатыря из Трептов-парка я был совсем не похож. Кепка, очки... Вид совсем не представительный. Жаль.

И я отправился бродить по улицам и площадям. Знаю, что не буду оригинальным, но скажу: пленительный, неповторимый город — тысячелетняя Прага! Пожалуй, ни в одном другом городе я не ощущал такой удивительной связи времен. Тут самая обычная прогулка оборачивается путешествием по векам и эпохам. В Пражском кремле можно в полном смысле слова потрогать рукой работу каменщиков X века, часами любоваться стремительными контурами готики чешского средневековья в Малой Стра́не, нанести визит в эпоху Возрождения на Градчанах... И так, шаг за шагом, через целое тысячелетие до самых современных кварталов. От величественных развалин десятого века до модерна двадцатого.

Вероятно, у пражан в характере любовь и своеобразные приятельские отношения со всякой стариной. Сам город настраивает на это. На Староместской площади я был свидетелем довольно забавного события. Собственно, событие обычное, но всегда волнующее — свадьба. Но обставлено оно было так. Сначала на площади появились музыканты. Одеты они были пестро: наимоднейшие джинсы и чопорные старинные цилиндры. Затем прибыли гости — этакие щеголи прошлого века в клетчатых пиджаках и котелках. Музыка — полнейшая мешанина старинных свадебных мелодий, вальсов столетней давности, твистов и шейков наших дней. В остальном все было, как бывает всегда: жених очень смешно смущался, а невеста прятала лицо в букетике цветов.

Вокруг новобрачной пары туристы, вероятно, со всех континентов планеты, щелкали фотоаппаратами, улыбались и что-то кричали на разных языках жениху и невесте. Наверное, поздравления и пожелания счастья. Он и она, как мне сказали,— студенты. Сейчас они войдут под своды древнего Тынского костела, и орган, сработанный почти триста лет назад, будет играть для них свадебный марш.

Полдень. Бьют знаменитые куранты с ратушной башни. Эти куранты отсчитали уже пять столетий. Завидная живучесть и завидная точность у этих часов. Все пять веков служат минутам и секундам.

Для человека минуты и секунды не одинаковые повороты шестеренок — каждая неповторима, все разные: радостные, горькие, трогательные, смешные, трагические. И вечные. Потому что вечны человеческие дела. Вон тот великолепный памятник отважному Яну Гусу, созданный архитектором Л. Шалоуном полвека с небольшим тому назад, или эти куранты замечательного часовых дел мастера Гануша, жившего на пять столетий раньше нас. Стоят посреди площади американцы, индийцы, норвежцы, австрийцы, немцы и восторгаются человеческим мастерством и бессмертием.

Наверное, точно так же ярким майским днем 1945 года стояли тут советские солдаты и смотрели еще на один уголок земли, отвоеванный у фашизма. И радовались победе. И вспоминали своих друзей, погибших в последний день войны. Быть может, еще одного Сережку с Малой Бронной или Витьку с Моховой. Или Ираклия с проспекта Руставели. Или Миколу с Крещатика.

Неизвестно, куда бы пошла история, не внеси эти парни своих кардинальных поправок в ее ход у стен Москвы, под Ленинградом, на легендарном волжском берегу и на выжженных полях между Курском и Орлом. И неизвестно, какие бы минуты отсчитывали часы на ратушной башне в Праге, если бы мои соотечественники не подняли над Берлином знамя Победы.

Раскатывается по площади звон курантов. Мирный, тихий день старого города. Вон жених и невеста, нет, уже молодожены, вышли из храма и садятся в машину, чтобы ехать куда-то праздновать большое событие в своей жизни. Студент в канотье стрекочет кинокамерой, сделанной в подмосковном Красногорске.

— Как работает кинокамера? — спросил я у канотье, когда свадебный экипаж тронулся.

— О, у вас хорошая аппаратура. И дешевая,— ответил он.

— И часы вы делаете хорошие. Очень точные часы,— сказал его приятель, вскинул руку и показал «Полет» производства Первого Московского часового завода.

Оба легко говорили по-русски, с небольшим акцентом.

«У вас...», «вы делаете...» А я ни разу не был в Красногорске, и на Первый часовой еще не случалось заходить. И все-таки «у вас» — это и у меня. У меня на Родине.

— Вы были в Лидице? — спросили они.

— Был. А что?

— Нет, просто так. Русские обязательно ездят в Лидице.

— Вас это удивляет?

— Нет. Мы знаем, у вас таких Лидиц было очень много. И вы и мы в Лидице, наверное, переживаем одно и то же.

Да, наверное... Высокий, черный, обуглившийся крест, увитый колючей проволокой. Каменная фигура плачущей женщины на том месте, где когда-то стояла школа...

Чувства дружбы и братства проявляются по-разному. Русские в Лидице вспоминают сожженные фашистами русские села, чехи в Ленинграде несут венки и букеты цветов на Пискаревское кладбище и думают о своих героях, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом.

Я не хотел писать о войне, но мне повсюду напоминали о ней.

— Наш Карлов университет — старейший в Центральной Европе,— говорил мне мой друг журналист Милослав Тиллер.— Во время войны оккупанты украли учредительную грамоту 1348 года. Теперь она опять в Праге.

— О, наше пльзеньское пиво,— говорил мне случайный знакомый в одной из многочисленных пражских пивных,— это тоже национальная гордость. Во время оккупации немцы хотели получить секрет его изготовления. Чего они только не делали — так и не узнали.

— Самым страшным днем для комбината было 10 ноября 1944 года,— рассказывал инженер обувного комбината «Свит» Ладислав Крауз.— Исход войны был уже предрешен. И тогда американские бомбардировщики совершили этот варварский налет на город. Позже мы узнали, что командиром той эскадрильи был один из крупнейших американских обувных магнатов. Бомбардировка никакого военного значения уже не имела, это был просто удар по конкуренту. Шестьдесят процентов станков было уничтожено за один день. Но конкурент, как видите, оказался живучим. В восемьдесят стран идет наша продукция.

На улицах Праги я видел много мемориальных досок, под ними венки и небольшие букетики живых цветов — память о бойцах, погибших за освобождение Праги во время восстания 1945 года. Точно такие же букетики и венки на могилах советских солдат и офицеров на холме Славин в Братиславе, у подножия исполинского памятника советским воинам-освободителям.

— Из Москвы? Это же великолепно! — Голос звучал в телефонной трубке с неподдельным восторгом.— Я сейчас заеду за вами. И сразу — ко мне. Жена будет очень рада. Я вам все, все расскажу.

Это был Попов. Тот самый Попов, который прислал письмо в «Огонек».

И правда, был отличный обед. И интересный разговор.

— Мы почти каждый год ездим в Россию,— говорила жена Попова. Она чешка, но по-русски объяснялась абсолютно свободно.— Вы знаете, я плакала в Московском Кремле. Я не могу без волнения вспоминать Россию. Как она изменилась за последние годы! Вам это трудно заметить. Со стороны виднее...

Мне очень хотелось узнать, почему Поповы смотрят на Россию со стороны.

— Из России я уехал давно. Так получилось... молод был. Воевал против большевиков, на стороне белых. Вы, вероятно, знаете из истории. Тогда, в двадцатом году, вы сбросили нас в море.

И снова «вы сбросили нас»... Я никого не сбрасывал в море. Меня тогда не было на свете. Но я был горд, когда со мной беседовали вот так — на «вы». В этом есть большой смысл, если вдуматься. Пусть я не дрался на Перекопе с Врангелем, пусть не ходил в отчаянные атаки под Сталинградом, но если бы там все произошло иначе, то и я был бы совсем иным, и мой народ, и весь мир. Но там все произошло так, как должно было произойти. И все, что произошло там и в сотнях других мест за последние полвека, имеет к каждому из моих соотечественников самое непосредственное отношение.

История страны, ее радости и беды живут в каждом из нас. Только не всегда мы это замечаем.

ПРЕМИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Секретариат правления Союза журналистов СССР присудил премии Союза журналистов за 1967 год:

С. М. Балбекову — экономическому обозревателю газеты «Правда» — за серию статей на экономические темы; Э. В. Беляевой — редактору главной редакции музыкальных передач Центрального телевидения — за текст и подбор изобразительного и музыкального материала телепередач «Музыкальный киоск»; Я. К. Голованову — научному обозревателю «Комсомольской правды» — за статьи; А. И. Гудимову — специальному корреспонденту «Экономической газеты» — за книгу репортажей «Тайна чужой профессии»; П. Д. Корзинкину — редактору-составителю второй книги «В редакцию не вернулся...»; В. Ф. Проскурову — редактору ганцевичской районной газеты «Савецкае Палессе» Брестской области — за очерки; З. Я. Пархомовскому, С. А. Руденко (Пантелеймон Корягин) — фельетонистам «Известий» — за «Удивительные истории»; Н. М. Семенову — народному художнику РСФСР — за серию рисунков, опубликованных в «Крокодиле»; Е. К. Терещенко — старшему редактору отдела Всесоюзного радио — за документальную радиоповесть «500 вахт»; И. Р. Туннелю — фотокорреспонденту «Огонька» — за фоторепортаж «Ленинград — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции»; М. А. Харшак — редактору многотиражной газеты «Турбостроитель» Металлического завода имени XXII съезда партии (г. Ленинград) — за репортажи; Л. И. Шинкареву — собственному корреспонденту «Известий» по Восточной Сибири — за сборник очерков «Путешествие по острову АЕ».

* * *

Московская журналистская организация подвела итоги традиционных творческих конкурсов в честь Дня печати.

Премия имени В. Воровского за лучшую работу в области международной журналистики присуждена собственному корреспонденту «Известий» в США С. Кондрашову за серию репортажей и очерков.

Премии имени М. Кольцова удостоен победитель конкурса за лучшие репортаж и интервью специальный корреспондент «Правды» П. Барашев.

Премии «Лучший репортер года» присуждены Т. Агафоновой («Комсомольская правда») и О. Куприну («Огонек»).

Дипломами конкурса репортеров награждены Ю. Дмитриев («Труд»), А. Хоробрых («Авиация и космонавтика»), А. Шлиенков («Неделя»).

Специальный диплом присужден отделу информации газеты «Известия» за подготовку и выпуск книги «Репортаж с места события».

Первая премия конкурса на лучший очерк присуждена А. Старкову («Огонек») за очерк «Я оказался живой...».

Вторых премий удостоены Ю. Апенченко («Правда») и коллектив авторов из газеты «Советская Россия» — Ю. Грибов, А. Лазебников, О. Опарин.

Третьими премиями награждены Л. Кузнецова («Труд») и А. Харитонова («Сельская жизнь»).

Диплом конкурса очеркистов присужден Е. Микулиной за книгу «Ищу себя».

За лучшую работу в области научной журналистики первая премия присуждена Г. Блоку (АПН) — за цикл статей о развитии Сибири.

Второй премии удостоен А. Варшавский («Знание — сила»), третьей — Ю. Бережной («Советская Россия»). Почетными дипломами награждены Ю. Альперович («Московский комсомолец»), Г. Зеленко («Знание — сила»), М. Ребров («Красная звезда»).

На конкурсе фельетонистов вторых премий удостоены А. Суконцев («Правда») и Ю. Алексеев («Литературная газета»). Третьи премии присуждены В. Митину («Крокодил») и Е. Цугулиевой («Крокодил»).

ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОДОК!

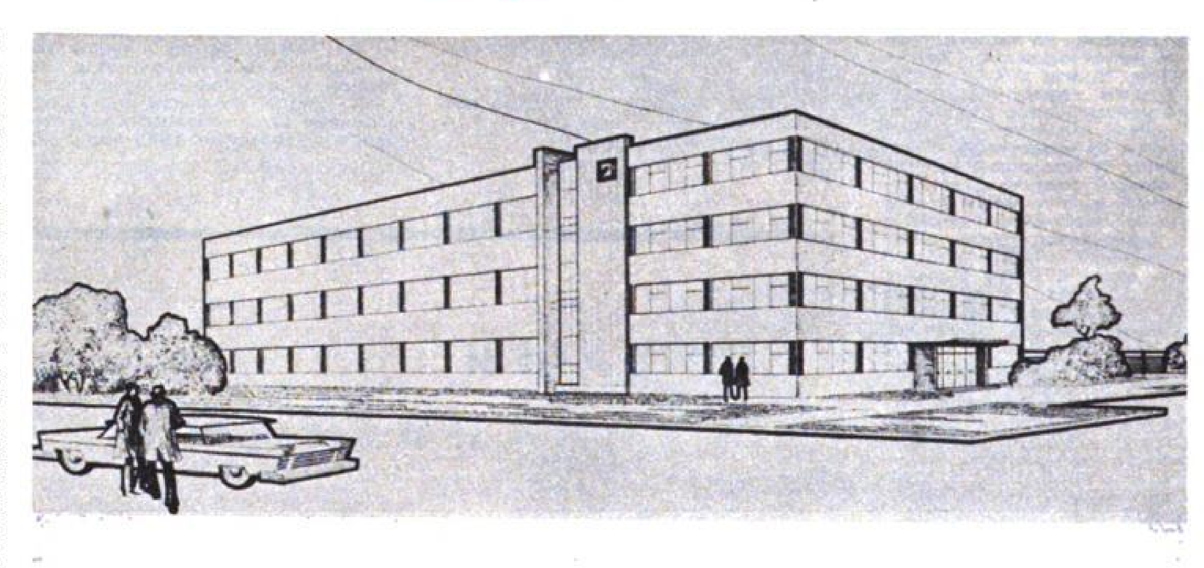
К. ЮРЬЕВ

Медынь. Маленький город в Калужской области. Вокруг сиреневая щетина леса. По шоссе мчатся серебристые цистерны-молоковозы. Куда-то идут ребятишки с балалайками и мандолинами. Тишина, идиллия. Древний герб на столбе у въезда — на голубом поле шестнадцать золотых пчел. История не раскрывает медынской геральдики. Одни утверждают, что она означала шестнадцать волостей уезда, другие — что тут намек на былые промыслы: Медынь — мед. Третьи уверены, что это символизирует характер медынцев: трудолюбивы, как пчелы, злы и дружны, когда чужак потревожит их труд. Вероятно, правы все понемногу. Во всяком случае, совершенно достоверно, что в Отечественную войну 1812 года медынцы сражались бок о бок с казаками Платова и партизанами Дениса Давыдова, которые действовали в этом краю. Бились медынцы и в Великую Отечественную, и в рядах армии под Юхновом, и в партизанских отрядах. А когда уходили лихие годины, городок жил тихой, замедленной жизнью.

— До революции здесь было две бакалейные лавки, одна лавка мануфактурная, булочная да бараночная,— рассказывает Иван Сергеевич Дроздов, на глазах которого прошли последние семьдесят лет из пятисот восьмидесяти двух, прожитых городом.— А из промышленности — две спичечные фабрики, одна маленькая, другая, Зимина, побольше — сто человек на ней работало...

Шли пятилетки, вырастали крупные промышленные центры, колхозы меняли жизнь сел. Только вот маленьким городам не везло, о них не то что забыли, а как-то оставались они в стороне от главного течения времени. Правда, и тут кое-что менялось — в Медыни, например, появилась мебельная фабрика, льно- и молокозаводы, строительный участок, управление сельхозтехники, леспромхоз. И все же часть молодежи, в частности выпускники школ, уезжала в Москву, Калугу, Рязань: там большой спрос на работников любой квалификации. Без дела никто не оставался, но Медыни-то обидно: почему уезжают?

И тогда районный комитет партии решил: создадим у себя современное производство. Секретарь райкома Виктор Степанович Анискевич отправился в Калугу, потом в Москву. Спорил, доказывал, убеждал. Впрочем, принципиальных возражений и не было, обком партии идею поддержал.

Такой будет Медынская швейная фабрика.

В Медынь приезжали представители столичных предприятий, обещали «Нью-Васюки» и бесследно исчезали. Но секретарь оказался человеком напористым, боевой закалки (он один из защитников Брестской крепости). Нашлись у него единомышленники в столичном швейном объединении «Москва», которые согласились создать в Медыни свой филиал. Прибыла целая комиссия во главе с генеральным директором И. Я. Кременецким. За полтора месяца пропыленное и прокопченное здание бывших мастерских превратилось в светлые, чистые цеха, с новеньким, с иголочки, оборудованием. Было это в марте прошлого года.

Беседую с главным инженером (она же пока и начальник филиала) Фаиной Петровной Сошниковой.

— Швейная наша и новая и молодая. А машины — таких и в Москве на фабриках редко увидишь. И трудовые книжки почти у всех новехонькие — люди-то только начинают свою рабочую жизнь. Девчатам по 18—20 лет. Думаете, с ними легко? Сначала прогуливали ужас как! Возьмешься их прорабатывать, говоришь: как не стыдно, ты же рабочий класс? А она в рев. А мне-то каково? Мне самой только двадцать пять, в прошлом году институт окончила. Молодой специалист. Вот и покрутись тут. Ну с прогулами управились, теперь девчата даже загордились — фирма-то наша называется «Москва», значит, не провинция мы, а столичное предприятие! Меньше года прошло, а уже шьем нейлоновые рубашки. Это всем нравится — материал красивый. В этом году дадим миллион рубашек. Цифра! Но и это — только начало. Сейчас нас около четырехсот, а через два года будет полторы тысячи — построим здесь новую швейную фабрику. И вот нашим-то четыреста к тому времени будут уже опытными мастерами и станут основой большого коллектива. И специалистов своих подготовим — двадцать наших девчат учатся в заочном техникуме...

А при новой фабрике будет все, что требуется для жизни,— и клуб, и столовая, и детский комбинат, и два общежития — и будем шить четыре миллиона сорочек в год... Вот тогда приезжайте, посмотрите, какой станет Медынь.

Это будет. А что уже есть? Какие изменения произошли в городе с той поры, как появилась тут фабрика?

Хожу по районным организациям, собираю цифры — они складываются в столбики:

Всего жителей — 8 000
Из них: учащихся 2 062
пенсионеров 1 000
занято в производстве 2 662.

2 662 и 400 — вроде удельный вес швейников не велик. А на торговый оборот влияние оказали заметное: вырос он за год почти на полмиллиона рублей. Появился большой спрос на холодильники, стиральные машины, на хорошие телевизоры и радиоприемники, на модные кофточки и женскую модельную обувь.

И еще немного статистики. Из выпускников школ уехали из города в 1965 году — 125, в 1966-м — 105, в 1967-м — 150. Но в 1967-м вернулось обратно и поступило на швейную более сотни! И продолжают возвращаться. За пять дней моего пребывания в городе в филиал приняли еще пятнадцать вернувшихся домой девушек.

В 1966 году в Медыни родилось 84 ребенка, а в 1967-м — 90. Только со свадьбами что-то неясное: в 1966-м было их 66, а в 1967 году на десять меньше. Может быть, парней стало не хватать? В городе и об этом думают. Решено расширить мебельную фабрику, вдвое увеличить численность рабочих, в основном мужчин. Для этого нужна реконструкция. Предстоит «сражение» с Министерством деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, которое хотя и обещало этот вопрос решить, но почему-то пока не торопится. А возможности есть: свой леспромхоз, сырья хоть отбавляй, лес отсюда в другие области вывозят.

Одно потянет за собой другое — будут расширяться строительные организации, туда тоже нужна мужская сила. А с ростом промышленности и сфера обслуживания должна расти, и растет уже. Кстати замечу, что и в других районных центрах Калужской области тоже созданы филиалы московских предприятий легкой промышленности. Проблема решается широко.

...Играет в окнах по-весеннему яркое солнце. Подсиненный им нейлон отливает нежной голубизной.

На стене висит большой лист бумаги, и шустрые буковочки рассказывают о жизни девичьего коллектива: концерт самодеятельности, вечер отдыха, агитпоход, лекция, доклад, коллективный выезд в Калужский драмтеатр.

Сидит за машиной девчушка, строчит простую тряпочку, учится делать ровную строчку. Новенькая. Выстукивают свои песенки машины, шелестит нейлон, щебечут голоса — светлый девичий улей гудит, как веселая, звонкая струна.

НАШ СОБЕСЕДНИК

О РЕФОРМЕ, ПАРАДОКСАХ И ПРОЧЕМ

Этот разговор шел в Ленинграде, на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина. О встрече условились накануне. В кабинете, куда мы вошли, на столе грудой лежали таблицы с какими-то цифрами.

Нашим собеседником был

В. Г. ФИРСОВ, директор завода.

ДИРЕКТОР. Речь, разумеется, пойдет об экономической реформе?

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Почему обязательно о реформе?

ДИРЕКТОР. Журналисты говорят со мной обычно о реформе. И я отлично понимаю их. Завод в числе первых сорока трех начал работать по-новому. Есть у нас в этом деле двухгодичный стаж, так что можно обобщать и анализировать. Вы ведь за этим пришли? (Мы кивнули: дескать, да, за этим.) Ну вот, видите. Я даже таблицы заранее приготовил. И знаю, какой вопрос вы зададите первым: «Какие изменения...» и так далее. Не ошибся?

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Не ошиблись. Именно об этом мы и хотели спросить, хотя заранее знали ваш ответ: «Изменения большие...» и так далее. Только хотелось немного конкретизировать этот ответ. Говоря о хозяйственной реформе с точки зрения отдельного предприятия, часто начинают с перечисления всех благ, которые получили завод или фабрика с переходом на работу по-новому. Хотелось бы взглянуть на реформу опять-таки с точки зрения одного предприятия, но в ином направлении: насколько выросла отдача завода государству?

ДИРЕКТОР. Вопрос резонный. Только не стоит противопоставлять два эти направления — нам и от нас. Тут полнейшее единство, причем гораздо более глубокое, нежели может показаться на первый взгляд. Все блага, которые получает заводской коллектив, зависят самым непосредственным образом от того, насколько велика и высококачественна отдача предприятия, выражаясь вашим языком. Если точнее — насколько рентабельно наше производство и как идет реализация нашей продукции. Это общие положения. Давайте посмотрим, что же произошло за последние два года конкретно на заводе имени Ленина. Что мы дали государству из того, что раньше дать не могли.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Не могли или не было материальных стимулов?

ДИРЕКТОР. И то и другое. Хозяйственная реформа заставила принципиально по-новому взглянуть на собственную работу. У нас появился фонд развития производства. Он образуется за счет части амортизационных отчислений, сюда же добавляются отчисления от прибыли и еще отчисления от реализации лишних станков и машин, а также лишнего запаса материалов. Прежде — нужно мне или не нужно — станки и материалы я брал. И рассуждал очень просто: запас карман не тянет. К тому же на большем количестве станков я бы дал больше вала. Теперь я (говорю «я» в смысле, так сказать, обобщенного хозяйственника) смотрю на те же самые станки совсем иначе.

Во-первых, мне нужны только те станки, на которых можно выпускать лишь ту продукцию, которую у меня купят, а не какой угодно вал. Первый пункт заводского плана — объем реализованной продукции, второй — номенклатура плюс качество. Так что только за количеством гнаться нынче невыгодно. Во-вторых, держать лишние станки стало весьма накладно. За них, как и за работающие, надо платить — шесть процентов от стоимости основных фондов. Если эти лишние продать, то уж не нам платить за излишки, наоборот: мы получаем отчисления от реализации лишних станков. Кому это выгодно? И государству и заводу.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. И большая выгода для государства?

ДИРЕКТОР. Судите сами. В первый же год реформы мы продали лишних станков на 770 тысяч рублей. Говоря языком военных, станки эти из резерва перешли на передовые позиции промышленности. Выгода для государства большая, если учесть, что не один наш завод поступил подобным образом. В тот же год мы решились на совершенно невероятный по былым временам шаг: отказались от нового оборудования, которое нам предлагали. Даже от многих токарных станков отказались. Представляете? Нет, вы не хозяйственники и не сможете до конца понять, насколько это было необычно даже для нас самих. Настоящая революция в психологии! Сделал бы лет пять назад какой-нибудь директор такое, его бы за сумасшедшего сочли. Отказаться от новеньких станков! Да еще вдобавок продать основные материалы на 1 миллион 800 тысяч рублей. Именно на эту сумму мы продали.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Однако запасливые вы были люди. Каким же образом можно было раздобыть столько лишнего? Почти на два миллиона...

ДИРЕКТОР. Не подумайте, что это результат наших, как говорится, организаторских способностей. Все упирается в планирование. В данном случае — в нормы поставок. Бывает, столько привезут материалов, что хватит их заводу на несколько десятков лет. Но меньше ни один поставщик не даст. Поставлять маленькими партиями ему невыгодно. Вот и копятся материалы. Я ими сыт по горло, а кому-то они необходимы позарез. Раньше бы приберег, теперь не резон скряжничать. И опять, как видите, большая выгода государству.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Один теоретический вопрос. Известно, что экономика так или иначе влияет на психологию человека. Известно также, что изменения в экономике происходят гораздо быстрее, чем ломка устоявшихся жизненных представлений. С точки зрения потребительской все понятно: если завод работает рентабельно, это известно каждому не только по сводкам в многотиражке, но и по цифре в ведомости на получение премии. А вот знает ли каждый рабочий, что лично он должен сделать для повышения рентабельности своего предприятия? Прочно ли уложились требования хозяйственной реформы в сознании каждого? Произошли ли за последние два года какие-либо заметные изменения в сфере психологической?

ДИРЕКТОР. На ваш теоретический вопрос я могу ответить вполне практически. В 1965 году мы уплатили штраф за перерасход городской воды 53 тысячи рублей. В 1966-м — 16 тысяч. В прошлом году этот штраф резко сократился — до 1 500 рублей. Примерно то же отношение к электроэнергии. Полгода прошло вовсе без штрафа. Небывалый случай!

Есть у рабочих лицевые счета экономии. По металлу, по электроэнергии, по инструменту и прочее. Но если говорить о психологических нюансах, то, пожалуй, самый яркий пример — экономия металла. В 1966 году сэкономлена 1 321 тонна, а в минувшем году — 1 940 тонн. Вот вам психология! Психология наших кузнецов. Раньше кузнец отрубал нужную заготовку и швырял остаток металла в лом. Теперь он не каждый кусок швыряет. Прикидывает сначала: нельзя ли и этот кусочек в дело пустить? Сколько стоит та деталь, для него не секрет, а дальше и высчитать нетрудно, какой процент за экономию причитается тому, кто сэкономил.

Но это еще не все. Теперь рабочий заинтересовался припусками. До реформы, когда он на тонну вала работал, то старался приготовить заказчику такую поковочку, чтобы тот ее с завода еле-еле выволок, потяжелее. Теперь любой понимает, что выгоднее делать деталь с минимальным припуском. И именно психология привела вот к чему: рабочие потребовали ввести на прессах автоматику, чтобы работать на предельных припусках и знать, что автомат вовремя его остановит и не допустит брака.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Значит, хозяйственная реформа внесла уже изменения и во взаимоотношения людей на производстве. Относится ли это только к рабочим или ко всем, включая директора?

ДИРЕКТОР. Безусловно, ко всем. Взаимоотношения эти возникли не сразу, но становление их шло довольно быстро и, я бы сказал, жестко. Вот тут в таблице есть одна очень любопытная графа: «Непоставка продукции в срок». Обратите внимание на цифры. Вроде бы парадокс получается. В 1965 году, когда работали по-старому, штрафов заплатили 18 тысяч. А в первый год реформы вдруг проштрафились на 66 тысяч.

Но никакого парадокса тут нет. Все очень ясно. Реформа первый жестокий урок дала: работаешь по-новому, так изволь быть аккуратным и неси ответственность за сроки. Раньше опозданий у нас было гораздо больше, но выгоды штрафовать нас ни у кого не было. Директора заводов больше уговаривали друг друга. Теперь, когда многие предприятия перешли на новую систему, отношения изменились кардинальным образом: опоздал — плати. И весь тут сказ. Штраф прямехонько идет на текущий счет завода, который обманули. Тут никаких уговоров и задушевных бесед. Наш главный потребитель — Металлический завод — тоже перешел на новую систему, и штрафует он нас за малейшую задержку, хотя мы с ним под крылышком одного главка живем. Раньше, будь ты хоть «подданным» другого министерства, тебя все уговаривали. Теперь не до уговоров — неумолимо действует хозрасчет: не уложился в заданные сроки — расплачивайся!

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Прежде — мы не раз были тому свидетелями — все заводские коллизии весьма ярко проявлялись на оперативках. Ораторы обычно выступали весьма резко, короче говоря, полемика шла на высоких нотах. Вероятно, сейчас тон подобных совещаний иной?

ДИРЕКТОР. Я бы не сказал. Тон, быть может, остался прежним, но разговоры совершенно иные. Раньше каждый начальник цеха громко требовал: давай станки, иначе не будет вала. Теперь наоборот: даешь ему, а он с тем же жаром отказывается.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Простите, но какая выгода для завода навязывать какому-либо цеху ненужные там станки? Или директору просто надо куда-то пристроить станки, которые ему дали помимо его воли?

ДИРЕКТОР. Нет, я-то ненужного не возьму. Я тут о другом: начальник цеха мыслит, как видите, так же, как и я, — не надо лишнего, долой перестраховочные запасы. Но раз уж заговорили о подобном конфликте, добавлю такой пример. Поставляем мы Металлическому заводу крупные заготовки. Там они проходят обдирку, то есть снимают с них определенный слой металла. И вдруг обнаруживается, что где-то в литье мы допустили небольшой брак: маленькая раковина или что-то в этом роде. Брак, конечно, там исправят, коли он маленький и всю заготовку в целом не портит, но с нас возьмут весьма солидный штраф. Нашему заводу, естественно, это невыгодно. Вывод? Надо самим заниматься обдиркой. Купили оборудование. Хотел я его поставить в один из цехов — начальник цеха категорически против. Раньше бы он взял его с распростертыми объятиями: большие, тяжелые заготовки — это же роскошный вал! Теперь у него в цехе два штатных экономиста. Они и подсчитали: невыгодно. Мне так и говорят: рациональней обдирочный цех построить, учитывая, что хозяйственная реформа фонд развития производства дала.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Разве не прав начальник цеха?

ДИРЕКТОР. В том-то и дело, что прав. И я тут на заводе всем наобещал цех построить. И обманул. Не хотел, а обманул. Я понимаю: в любом новом деле, да еще к тому же в таком громадном, как переход на новую систему планирования и стимулирования, не все сразу идет гладко.

В первый год работы по-новому завод имел в фонде развития производства какую-то определенную сумму. Отлично. Мы ею воспользовались, кое-что сделали и подсчитали: в будущем году, исходя из прежних нормативов, в том фонде у нас появится сумма чуточку по-

больше. Значит, можно построить цех обдирки. Хорошо. Купили оборудование, начали готовиться. А норматив нам срезали более чем в два раза. Так и пришлось мне стать обманщиком.

Это очень большая и острая проблема—дать предприятию норматив отчисления в фонд развития производства постоянным на более-менее длительный срок, хотя бы года на три, чтобы мы могли планировать свою собственную жизнь.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Тут вы, вероятно, можете предъявить претензии планирующим органам. Но, мы думаем, и их надо понять. Нормативы первого года были еще в большой степени экспериментальными. Видимо, на первых сорока трех предприятиях, перешедших на новую систему, эти нормативы и проверялись. Насколько мы помним, действие этих нормативов заранее было ограничено одним годом?

ДИРЕКТОР. Никаких претензий к планирующим организациям у меня нет. Я убежден, что с государственной точки зрения они абсолютно правы. Они планируют с заглядом в будущее страны. Это хорошо. Но я, директор завода, хочу тоже знать перспективы развития своего предприятия. И потому прошу: дайте мне норматив на длительный срок. Если мы будем знать, что года три наши нормативы никто не тронет, мы поведем свою жизнь по-другому. Где-то будем себя урезать, где-то повольнее заживем, точно рассчитаем, что и когда построить. Короче говоря, будем увереннее планировать свое будущее. В первом году проведения хозяйственной реформы было вполне резонно дать предприятиям нормативы на год. Теперь, по-моему, следует сделать и следующий шаг. Опыт уже есть, и многое ясно. А нам и в этом году дали показатели опять на год. Новая система планирования принимает на свою орбиту сотни и тысячи предприятий, и мне думается, что проблему, о которой я говорю, нужно решить побыстрее.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Не слишком ли вы торопитесь?

ДИРЕКТОР. Уж очень хочется ощутить реформу во всем ее многообразии. Многого мы пока еще, к сожалению, не можем сделать. Чтобы было понятно, о чем речь, приведу пример. Есть на заводе материалы, которые сейчас нам не нужны, а потребуются через полгода. Продавать их боязно. Тогда я обратился в органы материального снабжения, к нашему ленинградскому главе по этой части товарищу Семенову. Говорю ему: есть у меня возможность дать тебе взаймы дефицитные материалы, чтобы они не лежали даром, чтобы с банком неприятностей не было за то, что храню сверхнормативы. Даю взаймы! Но через полгода обязательно мне верни. Через полгода они мне будут просто необходимы. Что же ответил товарищ Семенов? «Первую,— говорит,— часть просьбы я с удовольствием выполню — возьму, но вот чтобы отдать — это уж, извини, не получится. Никто мне обратно твоих материалов не отдаст. Если ты можешь без них прожить полгода, проживешь и больше». Естественно, ничего я ему взаймы не дал. А вообще-то выгодно было отдать. С возвратом, конечно. И заводу выгодно и государству. Уверен, что в будущем такая операция станет обычным делом.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Вероятно, у вас возникало много трудностей, связанных с тем, что Невский завод был в числе первых, перешедших на работу по-новому?

ДИРЕКТОР. И были и есть. Но мы благодарны новой системе. Мы благодарны правительству, что нашему заводу было доверено вступить на этот путь одному из первых. Много сделано за два года. Мы не касались в этой беседе вопросов социальных, бытовых, культурных. И об этом «Огоньку» стоит особо рассказать. Тут хозяйственная реформа позволила сделать громадный шаг вперед. Но главное — работать стало интереснее, размах шире и много, много планов.

Беседу вели корреспонденты «Огонька»
О. ВАСИЛЬЕВ и К. ЧЕРЕВКОВ.

ИНТЕРЕСНЫЕ СУДЬБЫ

J'ai été particulièrement impressionné de me trouver sur cette Place Rouge symbolisant pour le monde entier le triomphe de la première révolution socialiste

Karl-Jean Longuet

«Я был особенно взволнован тем, что оказался на этой Красной площади, символизирующей для всего мира триумф первой социалистической революции».

Карл-Жан Лонге

La conservation des documents de K. Marx au service des Archives de l'Institut Marx Engels et Lénine est des choses les plus impressionnantes

Robert Longuet

«Хранение документов К. Маркса в архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина едва ли не самое впечатляющее из того, что я видел».

Робер Лонге

L'aide la meilleure que l'on puisse apporter aux pays sous-développés consiste à les aider à former rapidement des élites qui sont la meilleure chance de ces pays

Paul Longuet

«Наилучшая помощь, которую можно оказать развивающимся странам, состоит в том, чтобы быстро создать для них кадры — самую реальную надежду этих стран».

Поль Лонге

Je souhaite aux lecteurs de la Revue Ogoniok Santé et Bonheur

Longuet 68

«Желаю читателям журнала «Огонек» много здоровья и счастья».

Фредерик Лонге

Маркс. Это имя дорого миллионам советских людей. Вполне естественно, что мы питаем интерес ко всему, что связано с именем основоположника научного коммунизма и, разумеется, к людям, близким великому немецкому ученому. В связи с празднованием стопятидесятилетия со дня рождения Карла Маркса в нашей стране гостили его правнуки — Робер, Карл, Фредерик и Поль Лонге. Их дед — участник Парижской коммуны Шарль Лонге — был женат на старшей дочери Маркса, Женни. У каждого из Лонге своя судьба, своя профессия. Робер — адвокат и журналист, Карл — скульптор, Фредерик — художник, а Поль — агроном. В предыдущем номере «Огонька» мы рассказали о судьбе Фредерика и поместили несколько репродукций с его последних акварелей, сделанных в местах жизни Карла Маркса.

Вместе с Карлом Лонге и его женой мы идем из гостиницы «Россия» в Кремль. Карл, уже побывавший в Кремле, настолько потрясен увиденным, что хочет лично показать все своей жене.

Семья Карла Лонге живет в Париже, в квартале Сен-Жермен де-Пре, в доме, где когда-то жил Бальзак. Карл рассказывает, что в одной из книг великого романиста он встретил описание этого дома и комнаты со стрельчатым окном — той самой, в которой он работает. Но дом дорог Карлу и другими воспоминаниями. Во время второй мировой войны в оккупированном Париже через дочь Плеханова Карл установил связь с участниками движения Сопротивления. В доме К. Лонге и в его ателье неоднократно заседал штаб одной из партизанских групп. Карл и сейчас помнит пароль, по которому он пускал к себе подпольщиков,— «терракота»...

С Робером Лонге и его женой я встретился в гостинице «Россия». Через час мы должны быть на открытии выставки Фредерика Лонге в Музее имени Пушкина. А пока Робер рассказывает:

— Еще в первые годы адвокатской практики мы с отцом защищали известного французского куплетиста Монтэгюса, которого хорошо знал В. И. Ленин. Русские большевики, проживавшие в Париже, часто приглашали его на свои встречи. И Монтэгюс с удовольствием шел к русским петь свои сатирические куплеты.

Но, помимо интереса к юриспруденции, с ранних лет меня одолевала страсть к путешествиям. Особенно меня интересовала северная Африка, и в частности Марокко. Я отправился туда впервые еще студентом. Там я был поражен нищетой народа. Наверное, именно тогда я раз и навсегда решил бороться с колониализмом. В 30-х годах вместе с друзьями я основал ежемесячник «Магриб», в котором мы выступали за предоставление независимости странам северной Африки. И какая была для меня приятная неожиданность в моей недавней поездке по Марокко, когда оказалось, что меня помнят марокканцы по этому журналу!

В конце 50-х годов Робер часто ездил в Алжир. Фронт Национального освобождения просил его защищать алжирцев в судебных процессах, сфабрикованных колонизаторами. Работали сутками, разумеется, без всяких гонораров.

Во время войны Робер оказался в Соединенных Штатах. Чем только он там не занимался! Его арестовала американская полиция и пять часов допрашивала, пытаясь выбить из него признание в принадлежности к коммунистам. «Ведь вы же родственник Маркса»,— говорили они.

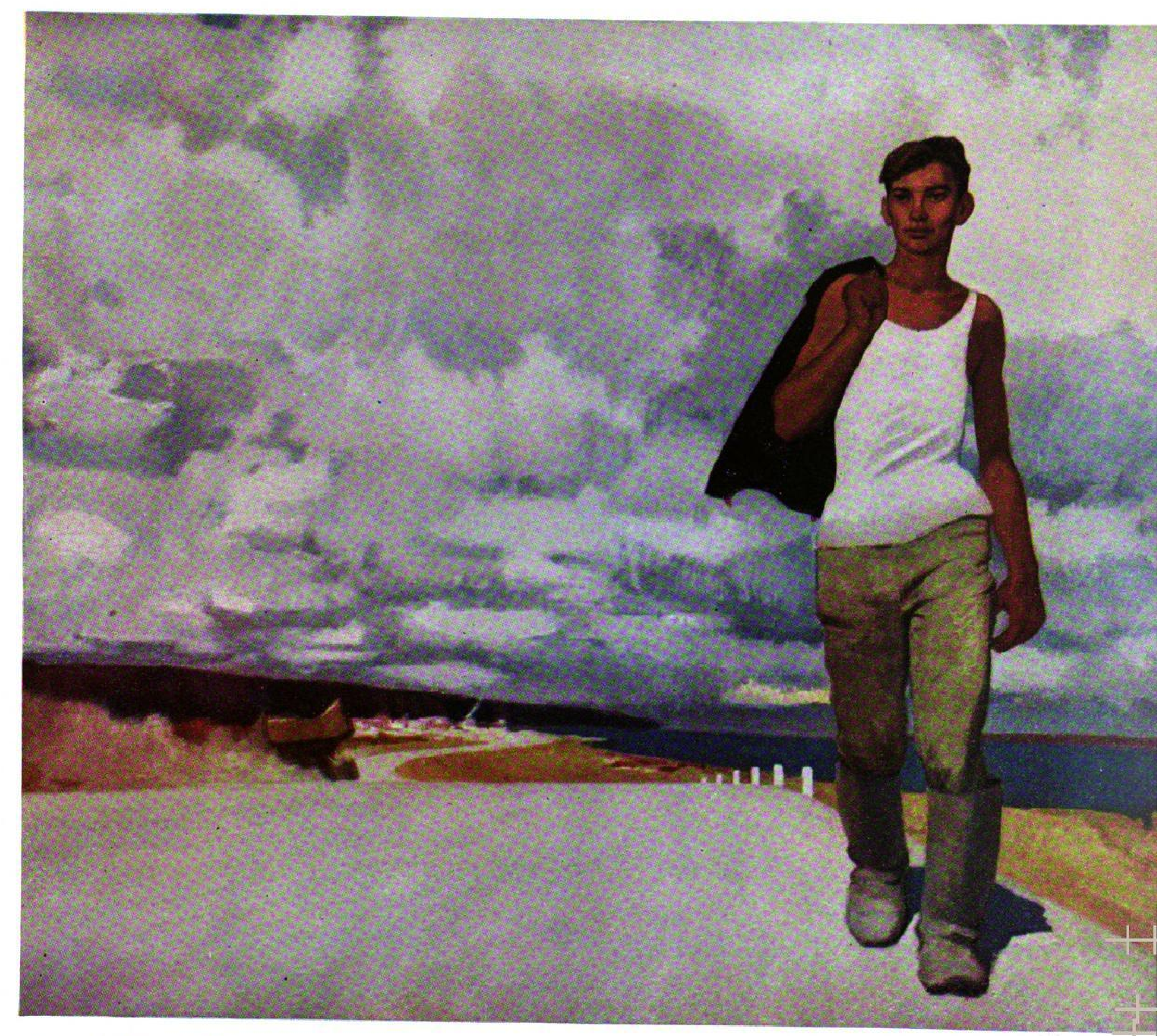
Антифашизм Робера Лонге был, очевидно, хорошо известен. В первый же день оккупации Парижа немецкие фашисты арестовали мать Робера Лонге.

— Настоящая женщина,— с гордостью говорит Робер.— Три дня немцы тщетно добивались от нее моего адреса.

Поль Лонге стал специалистом по тропическим культурам. Двадцать пять лет работал он агрономом на Мадагаскаре. Выучил мальгашский язык — язык жителей острова, завоевал их авторитет. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Поль стал единственным министром-иностранцем в первом правительстве Мадагаскара. Поль проработал министром шесть лет. Теперь он вернулся во Францию, оставив на Мадагаскаре преподавателями сына и дочь.

Нелегкие, но интересные судьбы у правнуков Маркса.

А. ИГНАТОВ

А. Левитин. (Ленинград). ДОРОГА.

«Огонек». 1968.

Г. Брусенцов. (Ашхабад). **НА ЗЕМЛЕ.**

В МОСКВЕ В МАЕ ВПЕРВЫЕ БУДЕТ ПРОВОДИТЬСЯ ДЕНЬ ЧАЯ.
РЕДАКТОР ГРУЗИНСКОЙ ГАЗЕТЫ «СОПЛИС ЦХОВРЕБА» («СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ») **МИХАИЛ ДАВИТАШВИЛИ** ПРИГЛАШАЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА» СОВЕРШИТЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ИДЕАЛЬНОГО ЧАЯ

Он согреет в стужу и освежит в зной, взбодрит и порадует, сохранит здоровье и вылечит от многих болезней: содержащийся в нем вяжущий на вкус танин укрепляет стенки кровеносных сосудов, коварно подтачиваемых старостью, улучшает работу мозга, сердечно-сосудистой системы и мускулатуры. Он содержит многие витамины. Он регулирует жизнедеятельность организма, приводя к норме различные отклонения. Он — это чай, главный напиток земли: его пьют две трети человечества.

Что взять за основу его совершенства? Мировой славой пользуется черный байховый (сыпучий) чай тропических стран — Индии, Цейлона, Индонезии. Он как бы задает тон и служит своеобразным эталоном для дегустаторов. Но его преимущества не абсолютны. Существует еще три основных вида чая, прекрасных по качеству и притом совершенно своеобразных,— красный, желтый и зеленый. Японцы, например, пьют и экспортируют в основном зеленый байховый чай, причем некоторые знатоки особенно любят пенящийся напиток из самых молодых побегов — усучу или густой, как суп, койчу. На родине чая, в Китае, пьют в основном желтый и зеленый чай. Зеленый любят многие американцы, африканцы, жители наших среднеазиатских республик. Он лучше черного утоляет жажду, сильнее тонизирует, в нем гораздо больше танина, особенно самой ценной его франции, той, что укрепляет сосуды, убивает микробы, выводит из организма страшный стронций-90. Гораздо больше в нем и витаминов. Зеленый байховый чай высших сортов — превосходнейший по вкусу и аромату, бесценный по полезности напиток!

В общем, лично я советовал бы каждому по возможности расширить круг своих чайных знакомств, приучиться пить и черный чай и зеленый. Неплохо было бы нашей промышленности освоить производство и красного и желтого — они тоже имеют свои высокие вкусовые и биологические достоинства.

Но в пределах каждого вида чай бывает лучше или хуже. Дегустаторы-титестеры оценивают его 10-балльной системой, по ступенькам в четверть балла. Высшие советские сорта — «Букет Грузии», «Букет Азербайджана», «Букет Краснодара» — получают оценку в 5—5,5 балла. Когда в Индии наши специалисты пробовали лучший чай, какой могли им там предложить, они оценили его в 6—6,5 балла. В 7, 8, 9 баллов ценится чай высших и «высочайших» сортов Индии и Цейлона, выпускаемый в совершенно ничтожных количествах. Потребитель и у нас и за рубежом практически его не знает. Десять баллов — это уже не чай, а радужная мечта, расплывчатый титестерский идеал.

Однажды в Грузию из Индии пришла необычайная посылка — ящик чая с ослепительной оценкой «9». Чай чаев... С трепетом душевным вкушали его наши специалисты. Это был темно-коричневый молочно-мутный напиток великолепного вкуса и совершенно удивительного по силе и прелести аромата. Нельзя ли нам научиться делать точно такой же?.. Практически нельзя. Чайному кусту Индии нужны особые почвы и климат, более короткий, чем в Грузии, световой день. А главное (хотя не все считают это главным), требуется особая индийская обработка сырья с такими специфическими тонкостями, которые только исказили бы (если не испортили!) принятую у нас в Грузии технологию. Нет, мы должны идти своим собственным путем!

Чай, который дает стране наша республика, пользуется доброй славой. Некоторые любители (но не знатоки) предпочитают ему импортные сорта индийского или цейлонского чая, но это уж от лукавого: наш чай соответствующей категории ничем не хуже. Особенно хорош «Букет Грузии», с ним не сравнится никакой другой, имеющийся у нас в продаже. Для «Букета» срывают с куста не три, как обычно, а только два верхних, самых нежных, лепестка побега с почкой, и только в лучшую пору сезона, и только при хорошей погоде (если лист собран в дождливый день, «Букета Грузии» из него не получишь). На фабриках он формируется из отобранной в многократных сортировках лучшей части сырья. У «Букета Грузии» очень приятный бархатисто-терпкий вкус, тонкий, сильный, уникальный аромат, яркий интенсивный настой. Лучше всего удается такой чай с куста селекционных сортов, выведенных академиком Ксенией Ермолаевной Бахтадзе.

Я не хотел бы подрывать всю чайную коммерцию наших «Гастрономов» или уважаемых иностранных фирм, но читателям «Огонька» могу по секрету сказать: тот, кто не пил «Букета Грузии», не знает, что такое настоящий чай. Говорю это не ради рекламы, не в полемическом задоре, а как объективный наблюдатель, и говорю с грустью. Мы мало пьем чай такого класса, как грузинский «Букет», потому что мало его выпускаем и плохо знаем.

Чай вообще можно пить с лимоном, ромом. Класть лимон или подливать ром в «Букет Грузии» — кощунство. Сказать про такой чай, что он «приятный», или «полезный», или «вкусный», или «ароматный», или «горьковатый»,— значит не сказать о нем ничего. Наш «Букет» — чай высшей категории, напиток совершенно невыразимого сочетания чудесного вкуса с чудеснейшим ароматом, и лишь в длинном трактате можно описать все его биологически ценные качества.

Увы, в наших ресторанах, чайных, буфетах, поездах редко бывает чай самых высших сортов, еще реже — правильно заваренный и почти никогда — достаточно крепкий. Далеко не всегда царит идеальная чайная гармония и за нашим семейным столом. Мало-мальски приятный? Кое-как полезный? И на том спасибо!

Что и говорить, отрадно пить грузинский «Букет», извлеченный из сырья, как радий из руды. Но жаль, что он составляет только 0,2 процента нашей чайной продукции. Очень хорош сорт «Экстра», но и он по части размаха производства не далеко ушел от «Букета»: около 5 процентов всей чайной продукции. А наша задача — сделать наилучший чай предметом широкого потребления, найти принципиальный секрет высшего качества.

Задача необычайно трудная. Речь идет о сложном биохимическом процессе. Прежде чем зеленый лист станет черным чаем, его завяливают, скручивают, ферментируют, сушат — и всем этим операциям сопутствуют сотни и тысячи сложнейших химических превращений, исходных веществ, зависящих от головоломных комбинаций минут, градусов, процентов влажности, конструктивных особенностей оборудования. Дело особенно осложняется тем, что разные части побега реагируют на переработку по-разному: то, что полезно для верхнего листка, может оказаться вредным для нижнего, и существующая общая, компромиссная технология ущемляет интересы всех заинтересованных сторон.

Кто найдет нужный ключ? Может быть, славный ветеран нашего чайного дела Иван Андреевич Хочолава?

Профессор Хочолава, биохимик-технолог, высказал простую и дерзновенную мысль: «Нужна раздельная переработка!» В своих опытах он перерабатывал все листки и стебельки побегов отдельными группами, стараясь подыскать для каждой самый лучший режим. Перед исследователем открылась возможность составления идеальной комбинации из лучших элементов, точнее, множество идеальных комбинаций для каждой разновидности куста и каждого вида чая с оптимальным использованием всего сырья!

И вот настал день, когда титестеры в числе других зашифрованных образцов попробовали и тот, о котором знал кое-что только профессор Хочолава. Они сделали большие глаза, призадумались... Они дали ему оценку «7»!

Тому, кто знает и любит 5-балльный «Букет Грузии», трудно представить себе что-то еще лучшее. А что же сказать про 7-балльный? Может быть, наши титестеры не оценили его в 10 баллов только потому, что дальше шести с половиной по опыту службы считать еще просто не научились?..

Чай профессора Хочолавы, полученный из трехлистных побегов обычного массового урожая средних грузинских кустов, дал 47 процентов сорта, соответствующего «Букету Грузии» и «Экстре», и некоторую долю того небывалого 7-балльного, которому не найдено еще достойное имя.

Недавно при Всесоюзном научно-исследовательском институте чайной промышленности в Анасеули создана специальная лаборатория, в которой профессор И. Хочолава с группой сотрудников работает над воплощением в жизнь своей идеи. Ее небывалая смелость и трудность осуществления — в том, что чайная флешь должна быть расчленена на листья и стебелек. И для этой огромной работы нужно придумать какую-то хитрую машину.

Что будет, если результаты хотя бы этих первых опытов Ивана Хочолавы воплотятся в продукцию наших фабрик? А то, что чай двух наивысших категорий, составляющий сейчас пять процентов всей чайной продукции, станет у нас повседневным напитком и станет тем «сверхмногобалльным» чаем-шедевром, о котором мы знаем только из специальной литературы.

В Тбилиси состоялся новый весенний праздник Грузии — Праздник чая. В Доме чая веселая чайная викторина доставила приятные минуты ее участникам и многочисленным телезрителям. Но, пожалуй, приятнее всех было победителям викторины — народной артистке СССР Сесилии Таканишвили, грузинскому академику Авлипию Зурабашвили и известной киноактрисе Лейле Абашидзе. Они получили призы.

Фото Г. Габуния.

В Доме чая посетителей обслуживают не официантки, а студентки Тбилисского университета, и называются они лаборантками Дома чая.

На снимке: студентка Г. Липартелиани.

Фото С. Киладзе.

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ...

АТОМНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ НА СТОЛЕ

Миниатюрная атомная станция «МИГ-67».
Фото автора.

Это одна из самых миниатюрных изотопных атомных электростанций. Размером, да и передней панелью, прибор скорее напоминает рижский транзистор. И весом немногим разнится: вся станция — пять килограммов. А генератор того легче — всего в полкилограмма! Такую установку просто переставить со стола на стол. Необременительна она и в экспедициях: «походное электричество». Вставляют в расположенные внизу клеммы обычную вилку — готово, можно начинать работу...

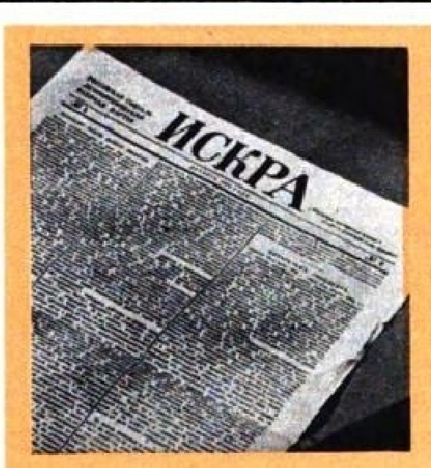
«МИГ-67», как называется эта микроатомная установка, предназначен прежде всего для питания экспериментальных лабораторных установок. Изотопный генератор заряжается плутонием-238 — энергия его распада и преображается при помощи полупроводниковых термоэлементов в электричество. Мощность крохотной электростанции невелика, до ватта, но для некоторых работ достаточна. При этом «МИГ-67» обладает значительной энергоемкостью и много лет может служить без перезарядки горючего,— знай меняй термоэлементы, срок службы которых около двух лет.

Новый «МИГ-67» — младший в семье миниатюрных атомных электроустановок, разработкой которых занимаются в нашей стране несколько лет. Семейство это началось с «беты» — теперешнего ветерана. Затем появилась более современная модификация «бета-с». Она работает на излучении стронция-90 + иттрия-90. Специалисты конструировали «бету» как источник электропитания для приборов автоматических станций наблюдения за космическими лучами, для метеопостов, расположенных далеко от обжитых мест, в труднодоступных высокогорных районах, на Крайнем Севере.

Компактные электрогенераторы на полонии, стронции, цезии, кюрии,— эти удивительные создания XX века,— не требуют повседневного наблюдения. Срок службы некоторых приборов без перезаправки — до десяти лет! Зная это, несложно подсчитать, что применение «беты-с», например, за такой срок принесет экономию в 50 тысяч рублей. Атом учится экономить...

К. КОСТИН

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ИСКРЫ» № 1

На снимке вы видите часть первой страницы «Искры», переизданной в наше время.

Первый номер ленинской «Искры», отпечатанной в Лейпциге 24 декабря 1900 года,— реликвия. Его найдешь в немногих музеях и архивах. Прошедший через десятилетия, небольшой газетный лист с тремя колонками широкого — теперь не часто так верстают газету — набора. Заголовки — «Насущные задачи нашего движения», и вторая статья — «Вильгельм Либкнехт». Все набрано по старой орфографии...

Когда я был в Лейпциге, первым делом отправился в типографию, ставшую музеем, прославленную на весь мир тем, что в ней набиралась и печаталась «Искра» № 1. А недавно я держал в руках первый номер «Искры»,— мне его подарили немецкие товарищи. На обороте полосы,— точь-в-точь такой же, как та, что выставлена в Центральном музее В. И. Ленина,— написано: «Памятный подарок...». Он сделан советским людям Министерством культуры ГДР.

Как возникло это второе, сегодняшнее издание «Искры» № 1? Кто ее печатал? Руководитель одного из отделов Министерства культуры Германской Демократической Республики тов. Дитцель сообщил нам:

— Рабочие, которые печатали эту копию в Лейпцигской типографии, не являются, может быть, детьми и внуками тех, кто печатал первый номер «Искры» в 1900 году. Но они унаследовали идеи, которые В. И. Ленин через «Искру» нес всем трудящимся.

Недавно в Центральном музее В. И. Ленина появился новый экспонат — копия Лейпцигской типографии...

Типография газеты «Искра» в Лейпциге, а также ее копия, установленная сейчас в Центральном музее В. И. Ленина в Москве, пишет товарищ В. Ульбрихт, являются символом традиционной солидарности, дружбы и взаимопомощи, боевого содружества немецкого и советского рабочего класса.

Т. СИДОРОВ

Весна трудового семестра

Во всесоюзном штабе студенческих строительных отрядов.
Фото автора.

270 тысяч «бойцов» студенческих строительных отрядов разъедутся этим летом во все концы страны. Когда в одних отрядах горнист затрубит подъем, в других уже близок отбой. Сотни жилых домов, животноводческих ферм, больниц, магазинов, клубов, школ, сотни километров шоссейных и автомобильных дорог будут отмечены в зачетных книжках третьего трудового семестра. Этим летом студенты построят столько, сколько построили за все прошедшие девять лет.

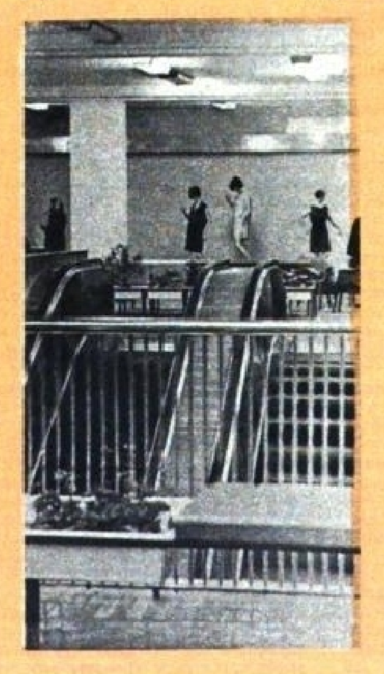
Вот только некоторые из адресов строек: Красноярская, Саяно-Шушенская, Усть-Илимская гидроэлектростанции, Волжский автозавод в городе Тольятти, железные дороги Гурьев — Астрахань, Тюмень — Сургут, Тавда — Сотник, новостройки на полуострове Мангышлак и в других районах.

В североказахстанском совхозе «Булаевский» рядом с улицами Университетская, Историческая, Томская встанут новые студенческие улицы с еще не придуманными названиями. Рапорт об этих улицах придет уже осенью из совхоза «Студенческий» — так решено переименовать совхоз, где десять лет назад физики МГУ положили начало движению студенческих строительных отрядов.

Скоро у студентов начнется горячая пора: экзамены, зачеты. А впереди — десятая весна трудового семестра.

В. ТИХОМИРОВ

ДОМ НАРЯДОВ

В одном из салонов Дома мод.
Фото автора.

Залиты солнцем стеклянные витражи шестиэтажного здания. На фасаде: «Ленинградодежда. Дом мод». Ступеньки эскалаторов выносят людской поток в светлые салоны. На Кировский проспект смотрят их окна.

...Приглашают в демонстрационный зал посмотреть последние модели одежды. Движется хоровод фасонов — удобная домашняя одежда, вечерние туалеты.

— Три тысячи моделей весенних нарядов подготовили модельеры города к открытию Дома мод,— говорит его директор Нина Николаевна Соколова.— Среди них нет и двух одинаковых.

Буквально через неделю после открытия Дома прием заказов пришлось увеличить втрое. Около семисот человек уходят отсюда ежедневно с покупками или с квитанциями на заказанные пальто, костюмы, модные шляпы...

В. ГЕРАСИЧЕВ

Инженер-экономист Алла Николаевна Миронова: — Вот он, ассортимент «Колосса»!

Картофель «...в России известен с конца семнадцатого века, распространен правительственными мерами в девятнадцатом». И далее: «Котлеты из картофеля. Жареный картофель. Картофель в мундире (см. мундир)». Это из толкового словаря.

Жареный... В мундире... Печеный... Все?

Это репортаж о состоявшейся в редакции «Огонька» дегустации и о единственном пока в стране таком заводе картофелепродуктов.

К. БАРЫКИН

Фото Б. Кузьмина

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БУКЕТ

...Пакеты с хворостом работники московского производственного объединения «Колосс» опрометчиво разложили на столе еще до начала разговора о новых разнообразных изделиях из картофеля. Кто-то открыл один и пакетов, отведал и воскликнул: «До чего же вкусно!.. Во рту тает!..» Зашелестел целлофан, и как ни убеждали нас генеральный директор «Колосса» В. Д. Потапов и его заместитель Д. Д. Королев, что начинать надо не со сладкого хвороста, ничего из этого не получилось.

Картофельные хлопья — новинка. С конвейера московского завода картофелепродуктов сходят пока что считанные тонны этого лакомства, которое так пришлось к круглому столу, где шел разговор о картошке.

Сначала кое-кто из нас отнесся к чисто картофельному столу чуть скептически, но уже первые пакеты хвороста и жареных, хрустящих ломтиков скепсис сняли. И посыпались вопросы: «Где купить хворост? Можно ли его приготовить дома? Надо ли картошку переводить в крекеры и по-заводскому приготовленный гарнир?»

— Последний вопрос заслуживает особого внимания, и с ним, по-видимому, еще не раз придется столкнуться,— сказал В. Д. Потапов.— Но, по сути, на него уже ответил покупатель: едва новая продукция нашего завода поступает в магазины, как тотчас же раскупается... Не хватает ее...

Почему? Я поехал на завод, чтобы увидеть, как делают все эти вкусные вещи и узнать, почему делают мало. Предприятие расположено на окраине столицы, в Черкизове. Я был тут несколько лет назад, когда только зарождалось новое производство,— тогда, помнится, здесь почти ничего, кроме картофельных чипсов, не выпускали. Да и цехов было меньше. А ныне несколько больших корпусов; заканчивается сооружение крупнейшего хранилища-акклиматизатора — сюда с осени начнут завозить картофельные клубни.

Приходит на завод картофельный клубень, попадает, скажем, в цех, которым руководит Тамара Эдуардовна Крынкина, а увозят отсюда многие тысячи ярких, аппетитных пакетов с продуктами столь разнообразными, что они могут составить весь дневной рацион — от раннего завтрака до ужина, включая и сытный обед. Котлеты, крекеры, хрустящий и гарнирный картофель, обжаренная соломка, разные супы, хворост, тот самый хворост — сладкий, соленый, с перцем, с корицей, с чесноком,— за технологию производства которого группа сотрудников комбината получила авторское свидетельство, заинтересовавшее многие зарубежные фирмы. Во всяком случае, русский картофельный хворост запатентован в Англии, Франции, США и в ФРГ. Все эти изделия можно назвать «экспресс-продуктами»,— они весьма помогают освобождению женщины от кухонной плиты. Суп за 15 минут. И какой суп! Угостили лапшой с белыми грибами — объедение! А еще лучше, пожалуй, с зеленым горошком. И картофельный с мясом неплохо. И пюре. Правда, тут, по-моему, еще не все ладно. Конечно, это очень удобно — если можно приготовить пюре за 2—3 минуты. Скажем, для геологической партии такое пюре просто находка. Существенно изменяет оно рацион полярников, жителей северных районов страны (не повезешь же на Северный полюс мешок с картошкой. А тут — небольшой ящик легко хранимых пакетов). И все же такое пюре не всем нравится. И могло бы быть оно вкуснее и конкурировать с таким же блюдом, приготовленным из свежего картофеля умелой хозяйкой. Но говорю я все это вовсе не для того, чтобы ниспровергнуть новинку,— просто работникам завода и тем, кто выращивает картофель для этого экспресс-пюре, предстоит еще потрудиться.

Однако, так или иначе, продукция этого необычного предприятия нигде не залеживается: раскупают мгновенно.

К 1970 году намечено довести уровень производства чипсов до 25 тысяч тонн, крекеров для хвороста — более 15 тысяч тонн. И все же этого мало. Даже для одной Москвы мало. А возить в другие города такой продукт неразумно: он очень легок, пушист, места занимает много. В большом ящике едва умещается 100 пакетиков с хворостом — представляете, как возрастает стоимость 6-копеечного пакетика от дальних перевозок. И тут сразу возникает проблема, которая напрашивается сама собой: не следует ли заводы, подобные московскому, строить в крупных районах выращивания картофеля? Не следует ли для организации такого производства использовать и мощности овощесушильных предприятий, которые из-за своей специфики загружены далеко не полный год? Это большая экономическая проблема. Расходы на хранение и транспортировку картофеля в клубнях весьма велики. Их можно значительно сократить, если осенью и в начале зимы перерабатывать возможно большую часть картофеля в полуфабрикаты. Выгодно и государству, и потребителю, и заводу, который занимается такой переработкой.

Директор завода Нина Станиславовна Егорова подчеркивает:

— Все, что мы предлагаем торговле, находит быстрый сбыт. И если вначале были у нас небольшие убытки — пора освоения! — то в прошлом году мы получили почти миллион рублей прибыли. Одна беда — мало выпускаем продукции. Обидно мало... Недостаточны производственные мощности.

Да, это действительно обидно. Я объехал десяток магазинов, того больше — киосков и палаток. И рассуждал по такой схеме: сейчас, в преддверии дачного сезона, перед большими туристскими походами, сейчас, когда все больше горожан уезжают на субботу и воскресенье за город, у всех вокзалов и автостанций должны быть киоски, в которых можно купить за 20—25 копеек пакет экспресс-супа, еще за двугривенный — «скоростное» второе и на оставшуюся с рубля мелочь — десерт: тот же сладкий хворост, скажем. Не ищите такие киоски. Нет их. Не залеживаются картофельные новинки и в магазинах. А в кафе? Я как-то спросил официантку: «Не бывает ли у вас сладкий хворост из картофеля?» Она удивленно посмотрела на меня: «Да что вы...» Но не только потому, что хвороста мало: «Разве выполнишь план шестикопеечными пакетами?»

А не следует ли открыть специальное кафе комбината «Колосс», кафе, ему подчиненное? И чтобы там можно было отведать и новый суп и какую-то другую новинку. Отведать и оценить. И тут же высказать свое мнение о ней. И купить пакет-другой. Руководители «Колосса» безуспешно пытаются открыть такое фирменное кафе. Может, Мосгорисполком и Министерство пищевой промышленности РСФСР помогут им? Думается, что такие торговые цеха предприятий пищевой индустрии могли бы более энергично расчищать дорогу своим новинкам — от фабрики до покупателя; могли бы аккумулировать предложения покупателей — что надо улучшить, изменить; быстро установить, какой товар пользуется наибольшим спросом. Пусть кафе «Колосса» станет первой такой ласточкой.

...Индустрия, перерабатывающая картофель! Она может быть у нас мощной, широко разветвленной. И тогда хозяйки станут готовить из картофеля лишь что-то такое, чего не будет в ассортименте заводов картофелепродуктов, как сейчас — из муки.

В степи, под хутором Пономаревом

Александр СУИЧМЕЗОВ

О Федоре Подтелкове и Михаиле Кривошлыкове знают все, кто читал шолоховский «Тихий Дон». На родной же им Донщине — в Ростовской и Волгоградской областях — о них вот уже около полувека поют песни, передают сказы и баллады, их именами называют станицы и проспекты больших городов, колхозы и пионерские отряды, в городе Новочеркасске, в станице Боковской их увековечили памятниками, а 11 мая, в день их гибели в 1918 году от рук белоказаков, к могилам казненных в степь выезжают артиллеристы и орудийными залпами салютуют в память о казаках-революционерах.

Герои, чья деятельность, как вспышка молнии, промелькнула всего лишь в течение полугода после падения Зимнего, удостоены высокого признания народа. Поднятые на гребень революционной волны, были они активными участниками событий, решавших судьбы революции.

В конце семнадцатого года под крыло мятежного донского атамана Каледина со всей бывшей империи стекались силы контрреволюции: от генералов Алексеева, Корнилова, Деникина до юнкеров, офицеров и даже бочкаревских ударниц бесславного батальона смерти. Они бежали на казачий юг, чтобы превратить Дон в русскую Вандею, рассчитывая на создание белых армий, на то, что Каледин поведет против большевиков все казачьи полки, дивизии, предусмотрительно ранее отозванные с австро-германского фронта. На казаков-фронтовиков в первую очередь рассчитывал сам Каледин, намереваясь покончить с властью Советов во всей России. И именно потому, что располагал Каледин такой силой, как десятки прекрасно обученных казачьих кавалерийских полков и батарей, потому что стекались к нему враги революции со всей России, североамериканская пресса назвала атамана «единственным лучом надежды», а империалисты Запада предоставляли организатору всероссийской контрреволюции и деньги, и оружие, и обмундирование. И российский их коллега Рябушинский своими миллионами щедро одарял врагов Советской власти, грозился задушить революцию костлявой рукой голода. В то время Владимир Ильич писал: «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию. Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции».

По призыву партии трудовой народ стал на защиту революции. Донские большевики пошли к фронтовым казакам и, опираясь на революционно настроенных фронтовиков, открыли им глаза. И собрались тогда делегаты всех полков, чтобы вместе обсудить, с кем идти и что защищать. Съезд казаков-фронтовиков в станице Каменской 10 января 1918 года пламенными словами открыл беспартийный подхорунжий 6-й гвардейской батареи, член дивизионного комитета Федор Григорьевич Подтелков. Вместе с беспартийным членом дивизионного комитета, прапорщиком Михаилом Васильевичем Кривошлыковым, коммунистом сотником Ипполитом Антоновичем Дорошевым и другими товарищами был он организатором съезда, ярым противником калединщины. Съезд фронтовых казаков не признал власть атамана Каледина, избрал областной казачий военно-революционный комитет. Председателем комитета делегаты съезда поставили Подтелкова, секретарем — Кривошлыкова.

В радиограмме В. И. Ленина «...Всем. Мирной делегации в Брест-Литовске особенно» тогда говорилось: «На Дону 46 казачьих полков на съезде в станице Каменской объявили себя правительством, воюют с Калединым».

На Третьем Всероссийском съезде Советов 11 января 1918 года Ильич говорил: «...внутренняя опора Каледина на Дону теперь падает не столько извне, сколько изнутри».

На калединцев в это время шли красногвардейские отряды Сиверса, Саблина под общим командованием Антонова-Овсеенко. На вотчину атамана Новочеркасск, кроме того, двигались красные отряды казаков-фронтовиков.

Вступлению в эту войну предшествовал один поучительный урок. Не искушенный еще в делах Подтелков не внял советам друзей-большевиков и возглавил делегацию фронтовиков, выехавшую к Каледину на переговоры о передаче власти ревкому. Федор Подтелков и Михаил Кривошлыков предъявили Каледину и калединцам ультиматум: безоговорочно сдать власть в области военно-революционному комитету.

Затевая переговоры, калединцы намеревались использовать это время для того, чтобы захватить революционный очаг фронтовиков — станицу Каменскую — и разгромить ревком: туда был послан отряд полковника Чернецова. Затея эта, однако, провалилась. Калединцы, посланные в Каменскую, были наголову разбиты.

Красногвардейцы геройски сражались с калединцами и юнкерами Корнилова. Убедившись в своем бессилии противостоять защитникам Октября, узнав, что его главная опора — фронтовые казаки, возглавляемые Подтелковым и Кривошлыковым, повернули против него, Каледин счел благоразумным пустить себе пулю в сердце.

Казачий и ростовский рабочий ревкомы вскоре объединились, а немного позднее была образована одобренная В. И. Лениным Донская советская республика.

Председателем Совнаркома республики был избран Федор Подтелков, а Михаил Кривошлыков стал народным комиссаром по управлению.

У колыбели Советской власти на Дону стоял Серго Орджоникидзе. Под его руководством весной 1918 года состоялся Первый съезд Советов Донской республики, получивший горячее поздравление В. И. Ленина и избравший Ильича своим почетным председателем. Но съезд шел под орудийный гул: на подступах к Ростову стояли белоказаки, дроздовцы, гайдамаки и нарушившие брестский мир кайзеровские конные дивизии.

Чрезвычайный комиссар Юга России Серго Орджоникидзе, по свидетельству З. Орджоникидзе, очень тепло относившийся к Подтелкову и Кривошлыкову, поручил им как членам Чрезвычайного штаба по борьбе с контрреволюцией возглавить экспедицию в северные округа для организации новых красных полков и отрядов, чтобы дать отпор врагу.

Эшелон с экспедицией, в составе которой были коммунисты-политработники, дошел до Белой Калитвы, а дальше экспедиция сухопутом двинулась по степным глухим дорогам. Восставшие в эти дни белоказаки, коварно обманув подтелковцев, взяли их в плен и на следующее утро, 11 мая 1918 года, на взгорье у хутора Пономарева казнили.

С исключительным мужеством, как подобает героям революции, встретили смерть вожаки революционных фронтовиков и их сподвижники.

Посмотрите на этот снимок, случайно сохранившийся с тех трагических дней. В кожаной куртке артиллериста-гвардейца 32-летний казак Усть-Хоперской станицы Федор Подтелков, в расстегнутой шинели — его боевой друг Миша Кривошлыков, юный прапорщик из агрономов, сын казака-кузнеца с хутора Ушакова, что недалеко от станицы Вешенской. За спинами обреченных — наскоро сколоченная виселица и бугорок земли из вырытой для них могилы...

Палачи уважили их единственную просьбу: последними принять смерть, чтобы увидеть, как умирают семьдесят восемь их друзей-товарищей, стоящих под дулами белоказачьих винтовок. Вглядитесь в тех, кто изображен на этом снимке. Скорбь и гнев, мужество и боль за друзей-соратников, горькое сознание своего бессилия. Какая гамма чувств, переживаний, и сколько непреклонности, какое презрение к смерти, которая уже дышит на них сыроватопресным запахом земли из свежевырытой могилы...

Они страстно хотели жить, но они не боялись смерти. Не боялись потому, что всей недолгой жизнью своей они подготовили себя к тому, чтобы победить врага, победить даже ценой своей жизни.

Подростком Кривошлыков задолго до революции писал своему другу — соученику по Персианов-

Федор Подтелков (слева) и Михаил Кривошлыков.

Памятник Ф. Подтелкову и М. Кривошлыкову в Новочеркасске.

Фото В. Каралкина.

К. Кирста.

скому агрономическому училищу А. Лавлинскову: «Товарищ! Я не положу оружия до тех пор, пока не останется ни одного врага родного мне народа. Если я не исполню своего обещания, то можешь публично назвать меня подлецом».

В Новочеркасске весной семнадцатого в страстной речи своей призывал он трудовых казаков идти в ногу с рабочими и крестьянами-тружениками, не поддаваться на провокации лживых защитников революции, вскоре, как и предсказывал юный оратор, ставших отпетыми вдохновителями и организаторами белогвардейщины.

— Бойтесь этого больше смерти,— предупреждал Михаил,— потому что лучше с честью умереть, чем позорно жить!

Этот пламенный юноша, поэт, влюбленный в Лермонтова, и стойкий воин-революционер, уже под виселицей написал записку родителям: «Папаша, мама, дедушка, бабушка, Наташа, Ваня и все родные... Я пошел бороться за правду до конца. Беря в плен, нас обманули и теперь убивают обезоруженных. Но вы не горюйте, не плачьте. Я умираю и верю, что правду не убьют и наши страдания искупятся кровью. Прощайте навсегда. Любящий вас Миша».

В этом же письме он обращается к отцу: «Папаша! Когда все утишится, то напишите письмо моей невесте... Степаниде Самойленко... Напишите, что я не мог выполнить обещания встретиться с ней».

Не выполнил обещания встретиться с любимой, а также с родителями и другой член экспедиции, ровесник Михаила — Константин Кирста. Скромный и застенчивый в общении с людьми, студент Петроградского электротехнического института, большевик с 1912 года, Костя Кирста задолго до трагической гибели под Пономаревом писал матери: «Это же счастье, мама, жить для людей и умереть за их счастье!»

И казак, бывший председатель казачьего комитета при ВЦИК Иван Лагутин, что спит вечным сном в братской могиле под Пономаревом, тоже говорил:

— Братцы! За дело наше, за народ трудовой разве жизнь свою пожалеешь?

Миша Кривошлыков и Костя Кирста отдали свои жизни, когда каждому из них едва минуло 24 года. Трагически погибли вместе с ними старый коммунист Алексей Иванович Орлов, и беспартийный казак станицы Казенской Матвей Сакметов, и казак Мигулинской станицы Петр Вихлянцев, и ростовчанин Александр Коновалов, и все их боевые друзья.

А Федор Подтелков? Этот жизнелюбивый богатырь, так удивительно сочетавший в себе волю и мужество с наивной доверчивостью, слепой верой в казачью солидарность, редкую душевную теплоту к друзьям и лютую ненависть к врагам? Он еще в детстве познал нужду, безотцовщину. А после революции он, простой казак, за короткий срок прошел путь от активного участника съезда фронтовиков до председателя Совнаркома Донской республики. В самую трагическую минуту, вместе с Кривошлыковым стоя под виселицей, Федор Подтелков вселял бодрость духа в соратников своих, стоявших у могилы. Уже с петлей на шее он громко и страстно сказал, обращаясь к белоказакам:

— Лучших сынов Тихого Дона поклали вы в эту вон яму... Но знайте, трудовой народ за Лениным идет, и Советская власть будет везде в России... Будет она и на Донской земле, которую залили вы кровью своих братьев. И одно скажу вам: к старому не возвертайтесь, не возвертайтесь к старому!

Трагическая гибель Подтелкова, Кривошлыкова и всей экспедиции от руки повстанцев, поднятых казачьим кулачеством и офицерами, глубоко потрясла Серго. Так пишет З. Орджоникидзе в книге «Путь большевика». Гибель экспедиции еще раз доказала тогда, что враг идет на любую жестокость, на все, чтобы уничтожить Советскую власть, и что глубокий смысл имели слова В. И. Ленина, писавшего незадолго до этого в письме Первому съезду Советов Дона: «Особенно горячо присоединяюсь к словам резолюции о необходимости победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. В этих словах заключается самое верное определение задач революции».

* * *

Среди поросших бессмертником холмиков у конусообразных башенок, увенчанных пятиконечными звездами, среди скорбных изваяний на братских могилах есть в Донской степи скромный памятник-обелиск на взгорье за хутором Пономаревом.

Как белоснежный маяк в безбрежном волнистом море золотоколосой пшеницы, поднялся он острием своим к самому голубовато-белесому под лучами южного солнца небу...

Тишина и покой здесь в пору налива и созревания колосьев. Лишь неугомонные кузнечики, цикады да вспорхнувшие вдруг из молодого примогильного кустарника птахи нарушают торжественность этого безмолвия.

Легкие облака проплывают по небу, и, когда смотришь на белоснежный обелиск снизу вверх, кажется, что движется он. А в тишине чудится многоголосый шум, полные скорби и гордости слова тех, кто лежит в этой земле, кто полвека назад, прощаясь с жизнью, в последний раз видел отсюда солнечный мир: эти поля и эти разбросанные по равнине курени, эту степную речушку и голубое небо.

Под тем же голубым небом, на той же, но необыкновенно преображенной земле живут нынче и трудятся, строя новую жизнь, люди, за счастье которых полвека назад отдали они свои жизни.

ТВ-68

ТУРНИР-ВИКТОРИНА

ОГОНЁК

Раздел ведет Е. МОСКАТОВ.

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

Открываем новую научно-техническую викторину. Она необычна, недаром названа турниром: в эрудиции, находчивости и остроумии будут состязаться команды, каждая из которых представляет большой, известный всей стране трудовой коллектив.

1-Й ТУР

Сегодня на наших страницах скрестят свои викторинные шпаги две команды: **Кировского завода** (Ленинград) и **завода ВЭФ** (Рига). Они подготовили по шесть вопросов друг другу и по одному заданию для вас, читатели «Огонька».

Ваша задача: во-первых, оценить вопросы каждой из команд по пятибалльной системе. Разумеется, свои мнения вы должны серьезно аргументировать, так как вопросы составлены таким образом, что оценить их по-настоящему можно лишь зная ответ. Проставляя отметки, обращайте внимание на оригинальность вопроса, популярность его изложения, ценность научно-технической информации, остроумие. Не забывайте и о таких качествах, как скрытый подвох, неоднозначность ответа и т. п.

Во-вторых, ответить на задания, придуманные командами специально для вас.

Трое читателей, у которых сумма отметок окажется ближе всего к оценкам жюри, будут отмечены редакцией. Кроме того, для вас команды установили особые призы за лучшие ответы на задания.

КОМАНДА КИРОВСКОГО ЗАВОДА

1

О Путиловском, ныне Кировском, заводе написаны сотни очерков, статей, книг. Казалось бы, о нем все известно. Однако наш первый вопрос таков: **когда и при каких обстоятельствах был основан наш завод и как он назывался?**

2

Вклад ленинградских ученых, инженеров и рабочих в развитие советской науки и техники огромен. Достаточно назвать хотя бы школу академика Иоффе, откуда вышла целая плеяда блестящих ученых. Или вспомним об уникальных творениях ленинградских конструкторов: сверхмощных турбинах, цветных телевизорах, гигантских танкерах...

Совсем недавно, например, **ленинградскими учеными был создан новый строительный материал,** который по своим свойствам приближается к бетону. Но самое удивительное: его производство доступно каждому. **Что это за материал и в какой лаборатории он был получен?**

3

В Ленинграде сотни всевозможных скульптурных изображений льва. Фигуры царя зверей украшают подъезды домов, парки, мосты. А на Свердловской набережной Невы, например, перед одним домом их собралось более двадцати.

Перед вами силуэт еще одного льва, который также имеет ленинградскую прописку. Что вы о нем знаете?

4

Источников энергии много: воды рек, ветер, уголь, нефть и т. д. И у каждого из них есть свои приверженцы и противники. Однако существует такой источник энергии, в котором нуждаются все: энергетики и агрономы, радиолюбители и генетики, космонавты и металлурги. Что вы знаете об этом источнике энергии?

5

Про него говорят: он стремителен, подвижен, расторопен, медлителен и неловок. **О ком идет речь? Угадали? Тогда сообщите нам его точное местонахождение.**

6

Великому Эйнштейну принадлежит шутливая формула X = A + B + C, которую он расшифровывал так: X — успех в жизни зависит от A — труда, B — отдыха и C — умения держать язык за зубами. По аналогии с этой формулой можно, наверное, сочинить множество других. Вот мы и **предлагаем команде ВЭФ испытать себя в остроумии, создав свою формулу.** Только одно условие: в формуле должны быть использованы лишь радиотехнические термины, обозначения или схемы. Готовы рассмотреть несколько вариантов.

ЗАДАНИЕ ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

«ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О НАШЕМ ЗАВОДЕ?»

1. Неподалеку от Кировского завода стоит скромный обелиск с датой: «5 мая 1891 года». В честь какого события сооружен этот памятник?

2. Кто из деятелей большевистской партии руководил на Путиловском заводе революционной борьбой под именем товарища Никанора?

3. Продукцию Кировского завода можно встретить не только в самых отдаленных районах нашей страны, но и за рубежом. А какие машины с маркой нашего завода находятся в Антарктиде?

4. На Кировском заводе десятки тысяч рабочих. Многие из них учатся без отрыва от производства. Перечислите все учебные заведения, которые имеются при заводе.

5. Еще в 20-е годы комсомол взял шефство над Военно-Морским Флотом. Путиловская молодежь была одним из инициаторов этого патриотического почина.

Знаете ли вы имя путиловского паренька, который, пройдя весь нелегкий путь военной службы, стал командующим флотом?

Каждый правильный и полный ответ — 5 очков. Трое из читателей, которые наберут в сумме наибольшее количество очков, будут награждены грамотами и памятными сувенирами нашего завода.

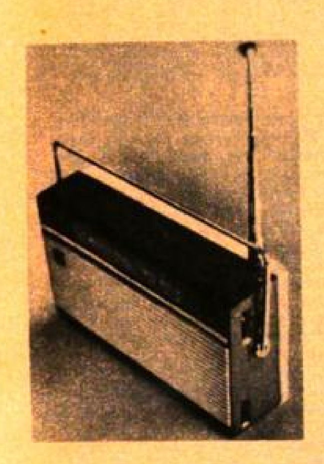

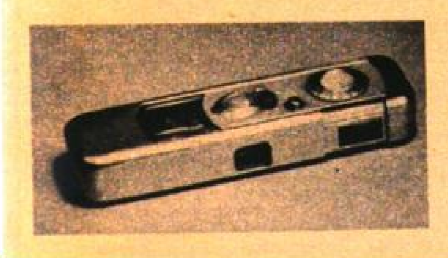
КОМАНДА ЗАВОДА ВЭФ

1

Все знают Рижский завод ВЭФ. И все же **что такое ВЭФ!** Чтобы облегчить вам решение задачи, скажите: говорят ли вам что-нибудь о ВЭФе эти фотографии?

2

Вы звоните по телефону-автомату своему знакомому. Но отвечает вам прачечная № 8. Чертыхаясь, бегаете в поисках двухкопеечной монеты, снова выстаиваете в очереди и звоните второй раз. «Алло?!» — наконец-то отвечает ваш знакомый. Но тут раздается щелчок, автомат проглатывает монету, а из трубки несутся частые гудки.

Наш вопрос: что такое ГЕРКОН! И какое отношение он имеет к рассказанному эпизоду!

3

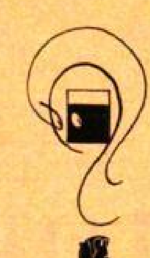
История Кировского завода — это и история нашей революции, Советского государства. Слово «Путиловский» в сознании каждого из нас живет рядом со словами: «Петроград», «Зимний», «Смольный»...

Но в истории Путиловского (Кировского) завода не только много героического, но есть трогательные и даже нелепые эпизоды. Вот пример: **однажды рабочих этого завода назвали «агентами Коминтерна». Когда и где это произошло!**

4

Что общего и в чем разница между ферритом, ферридом, ферродом и флюидом!

5

В принципе любое женское имя романтично. А человек уж так устроен, что ему нравится романтика во всем. Может быть, поэтому женскими именами называют ураганы и корабли, заводы и столовые, астероиды и стиральные порошки.

На нашем заводе тоже много романтиков. И одному из своих самых любимых изделий вэфовцы дали женское имя — Спи́дола (ни в коем случае не Спидо́ла!).

Радиоприемник «Спидолу» знает каждый. А знакома ли вам женщина по имени Спидола! В чем ей сильно не повезло!

6

Представьте себе обычный трудовой день ВЭФа. В отделе главного технолога (ОГТ), как всегда, разрабатывают прогрессивную технологию, а в соседнем корпусе плановый отдел планирует выпуск транзисторов на 1970 год...

В ОГТ имеются два телефона: внутризаводской, установленный на столе молодого начинающего технолога, и городской — 90-265, который находится в другой комнате у секретаря отдела. Очевидно, что городской телефон может работать и как внутризаводской — с номером 265 (90 — номер коммутатора). Городской телефон один на весь отдел и постоянно перегружен.

В плановом отделе есть один внутризаводской телефон, который стоит на столе у пожилого плановика. Номер этого телефона — 256.

Однажды случилось так, что абсолютно трезвый, взрослый человек, находясь в здравом уме, соединился по телефону сам с собой.

Как это могло произойти!

Небольшая подсказка: технолог и плановик — родственники.

ЗАДАНИЕ ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

Перед вами тест, который мы условно назвали: «РИГА — ВЭФ».

Отвечая на какой-либо вопрос, укажите один из перечисленных ответов, который вы считаете правильным:

1. Какой потребуется транспорт, чтобы перевезти современную автоматическую станцию на 1 500 каналов связи, выпускаемую нашим заводом: 8 самолетов ТУ-114, 3 электрокара, один банный чемоданчик, 160 железнодорожных вагонов, два 40-тонных МАЗа?

2. Что выше в Риге: петух на Домском соборе, рекламная башня завода ВЭФ, ресторан «Таллин», здание Академии наук ЛССР, часы на привокзальной площади?

3. Сколько счастливчиков на земном шаре обладают вэфовскими телефонными аппаратами: 10 млн., 1,5 млн., 4 млн., 36 млн., 17 млн.?

4. Каков рост самого высокого вэфовца: 178 см, 222 см, 198 см, 218 см, 210 см?

5. В какой день двери нашего завода открыты для всех жителей Риги и почему: 7 ноября, 22 апреля, 8 марта, 31 декабря, 9 мая?

В зависимости от степени точности ответа вы можете набрать от 1 до 5 очков за каждый ответ. Всем набравшим в сумме от 6 до 12 очков мы можем только посочувствовать. Тот, кто наберет от 12 до 20 очков, может считать себя средним рижанином. А кто соберет более 20 очков, получит от нашего завода удостоверение «почетного вэфовца». Трое же набравших наибольшее количество очков будут еще и премированы. Наши призы — специальные «Спидолы» и телефонные аппараты — ждут своих победителей.

НЕСКОЛЬКО ПРАКТИЧЕСКИХ СОВЕТОВ УЧАСТНИКАМ ТВ-68

1. Викторина больше всего подходит людям семейным. Есть кому утешить, а в случае успеха — разделить лавры победителя.

2. Неплохо, если вы имеете аттестат зрелости, диплом о высшем образовании или ученую степень. Правда, для викторины этого может оказаться недостаточно, но морально вас поддержит.

3. Для ответа используйте разные источники. Это расширит ваш кругозор и может запутать жюри.

4. Недостающие сведения смело восполняйте шуткой. Это улучшит ваше настроение.

5. Время между турами используйте, чтобы запастись справочниками, энциклопедиями, черным кофе и терпением. Последнего обычно больше всего не хватает.

6. Не пытайтесь разжалобить жюри. Москва слезам не верит.

7. В командировке прежде всего ищите приличную библиотеку и лишь потом — гостиницу.

8. Старайтесь сразу же попасть в группу лидеров. Это значительно уменьшит возлагаемые на вас домашние обязанности.

А главное — бодрость, веселье и сильное желание победить. Только и всего...

И. ДРУЧИН, В. НОВИКОВ, чемпионы викторины «Огонек» 1967 года

ТВ-68

Свои оценки и ответы отсылайте не позднее 10 июня. На конверте сделайте надпись: «Турнир».

ПО ДОРОГАМ СТАРИНЫ

Ашот **АРЗУМАНЯН**

Издали видна снежная вершина Арарата. Суровые скалы, пологие склоны гор, небольшие долины, где зачастую камня больше, чем земли... И над всем этим — синее-синее небо и палящее солнце... Армения. Камень — ее богатство. Он лежит прямо здесь, сверху, он делает землю долин и склонов разноцветной — черный базальт, розовый, желтый, серый туф... Поезжайте по дорогам старины и вы увидите, как зодчие древности великолепно использовали этот дар природы — камень — в архитектуре. А те кусочки благодатной земли, которыми природа не щедро одарила Армению, обрабатываются с великим трудолюбием — сады, виноградники, пашни. Трудолюбию и таланту армянского народа обязана неисчерпаемыми сокровищами и нынешняя культура. Прекрасны ансамбли древнего зодчества. Больше двух с половиной тысяч памятников в наши дни охраняется государством. А сколько еще есть беспризорных! Они ждут своих исследователей, официальной прописки, реставрации...

История многих сооружений неразрывно связана с историей страны, с судьбой народа.

Каждое нашествие завоевателей оставляло после себя дымящиеся руины разграбленных городов, сел, крепостей, монастырей. И народ-труженик, культура которого уходит в глубокую древность, вновь поднимал свои города и крепости, возобновлял работы в своих скрипториях и школах, и снова шли ученые споры, дискуссии в университетах, и снова возделывались поля и вырастали сады.

Армянский народ страдал и от войн между мощными соседями — Парфией и Римом, Византией и Персией, Халифатом и Византией.

Но дух строительного гения народа никому не удалось сломить. К архитектурным сооружениям, изделиям из камня, книгам армянский народ всегда относился, как к живым существам. Их оберегали, сохраняли от напастей, спасали.

В Историческом музее Еревана есть филигранно выполненная резная дверь. История ее такова: владетель Муша пригласил известных мастеров, резчиков по дереву, сделать двери для прославленного монастыря Сурб-ахбюр (Аракэлоц). Мастера закончили резьбу двустворчатой двери в 1134 году, навесили ее перед ризницей и отправились в соседний край, где их ждала новая работа.

Как же прекрасные двери Аракэлоц попали в Ереван?

...После массовой резни армян в Западной Армении к русской границе потянулись группы людей, избежавших гибели. Под стенами древнего стольного города Багратидов — Ани беженцы заметили на дороге одинокого человека, который тащил на спине огромную дверь, еле двигаясь под ее тяжестью. Оказалось, что сын игумена монастыря Аракэлоц успел спасти эту реликвию с бесценной резьбой. Когда русские войска подошли к тайнику, где была припрятана дверь, он уговорил военного врача довезти ее до Карса на обозной подводе. Но от Карса до Ани пришлось тащить тяжелую дверь на себе...

Этот же человек рассказал, что роздал старинные рукописи монастыря землякам, собиравшимся бежать в Восточную Армению, и они согласились доставить их в Эчмиадзин.

Так резная дверь знаменитого монастыря попала в конце концов в Исторический музей Еревана, а рукописи — в институт древних рукописей — Матенадаран.

...Лента шоссейной дороги к юго-востоку от Еревана тянется в горы. Ереван расширяет свои границы в сторону Норка. Машина преодолевает подъемы Авана, Вохчаберда, Гехадара. Кажется, Сарьян коснулся пейзажа своей волшебной кистью.

На тридцатом километре мы сворачиваем с магистрали направо. Проселочная дорога, обрамленная фруктовыми деревьями. Весна — розовым и белым цветут абрикосы. На высоком мысу над живописным ущельем реки Азат развалины некогда неприступной крепости Гарни — одного из выдающихся памятников дохристианского периода Армении. Первые упоминания о крепости относятся к середине I века, а построена она, наверное, еще раньше. Здесь, высоко в горах, находилась летняя резиденция армянских царей. Эта крепость более тысячи лет служила и мощным оборонительным форпостом. Сохранившиеся до нас полуразрушенные строения дали возможность археологам полностью воспроизвести ее оборонительно-фортификационные системы. На территории крепости и сейчас еще можно видеть остатки светских и культовых сооружений — дворца, языческого храма, бани, где сохранился мозаичный пол.

Под искусным резцом армянских каменотесов камень стал великолепным материалом архитектуры. Армения — это вековые строительные традиции, это талантливое, самобытное зодчество, это резьба по камню, покоряющая фантазией художника. Из века в век утверждали свое искусство армянские мастера.

В двенадцати километрах от Гарни, в узком ущелье Гегамских гор, возникает архитектурный комплекс Гегардского монастыря, строившийся на протяжении XII—XIII веков. С севера Гегард защищен громоздящимися друг на друга могучими скалами, а с другой стороны, над обрывом, высятся чистотесаные каменные стены. Главная церковь Катогикэ построена в 1215 году, с характерными для того века вытянутыми вверх, удлиненными пропорциями. Вскоре князь Прош купил монастырь и приступил к строительству пещерных сооружений. И это самое интересное в Гегардском монастыре. Здесь армянские мастера, вступив в единоборство с природой, вышли победителями. Глядя на дикие скалы, трудно себе представить, что внутри этой каменной махины, вознесенной природой к небу, существует поразительное по тонкости и изяществу искусство. Армянские мастера с поразительным умением в глубине скал на разных высотах выбили, выстроили, вырезали три здания с колоннами, с резьбой, как лучшие наземные сооружения. Внизу — две небольшие церкви с притворами, наверху — усыпальница. Церковь имеет вид неполного креста. Купол по тонкости резьбы вызывает восторженное удивление. Сколько труда вложено в это пещерное сооружение, трудно сказать. Но проходили века, а оно привлекало все больше и больше внимания к себе.

В комплексе Гегардского монастыря, как в фокусе, отражены смелые замыслы строительного искусства и архитектурные идеи времени. Монастырь в старину назывался Айриванк, то есть пещерный монастырь, а с XIII века в честь легендарного копья, хранившегося в монастыре, стали именовать Гегард, что по-русски значит «копье».

Удивительные места умели выбирать зодчие Армении для строительства монастырей. Вот и архитектурный ансамбль Ахпата в Алавердском районе высится на суровом горном плато, окаймленном глубокими ущельями. Силуэт монастырей великолепно вырисовывается на фоне неба, и рассматривать его можно на весьма далеком расстоянии.

По сведениям историков, Ахпатский монастырь был основан во второй четверти X века. Основную церковь — Ншана — начали строить в 967 году и завершили в 991 году. Здесь есть уникальный памятник архитектуры средневековой Армении. Это жаматун — притвор церкви Ншан. Его отличает необыкновенная смелость замысла и оригинальность конструктивного решения перекрытия.

Резчики по камню и в Санаине и в Ахпате создали поэмы в камне о вечно живом духе народа, о его строительном таланте. Рельефы, изображающие мастеров — строителей монастырей, или Ехегнадзорский геральдический лев, или украшения на храме. Креста на острове Ахтамар,— все они имеют одно духовное начало. Грубоватая рельефность и тончайшая нежность, экспрессия и утонченность, соединяясь воедино, рождают богатый мир образов — это и есть древнее армянское зодчество. Зодчество, которое всегда имело присущий лишь одному ему почерк.

Достаточно проехать двадцатипятиминутный путь от Еревана по Эчмиадзинскому шоссе, и вы окажетесь в Звартноце.

К нему дорога идет по равнине. Слева от дороги, у самого поворота, на противоположном берегу реки Раздан, видны руины Урартской крепости Тейшебаины. Уже много лет совместная экспедиция Академии наук Армении и Ленинградского Эрмитажа под руководством члена-корреспондента АН Армянской ССР Б. Пиотровского здесь ведет систематические археологические работы. Раскопки открывают новые страницы истории Армении, относящиеся к VII веку до нашей эры. Издалека видны остатки крепостных стен с мощными выступами, обожженные сильным пожаром стены дворца Урартского наместника.

Который раз я приезжаю в Звартноц? Разве сосчитаешь? Но первое посещение — в 1925 году — я никогда не забуду. Я учился в четвертом классе эчмиадзинской средней школы. Несколько школьников решили посмотреть развалины, что неподалеку от Эчмиадзина. Мы увидели, как очищали подступы к развалинам сказочного круглого храма. Проходили годы. И из-под холмов появлялись остатки дивных сооружений, возрождалась красота древности. Шаг за шагом ученые раскрывали перед миром историю Звартноца. Он был воздвигнут по желанию католикоса Нерсеса III, который за кипучую строительную деятельность получил в народе прозвище Шнорали, то есть Строитель. Здесь мне хочется отметить, что круглые храмы в Армении и в соседних с ней странах начали возводить только после Звартноца, а иногда и точно по его образцу.

Звартноц был разрушен арабами в конце X века. Об этом факте армянский летописец лаконично сообщает: «Был разрушен и погиб». У Асохика же мы читаем: «Царь Гагик решил увековечить образ Звартноца и построить его копию в своей столице Ани».

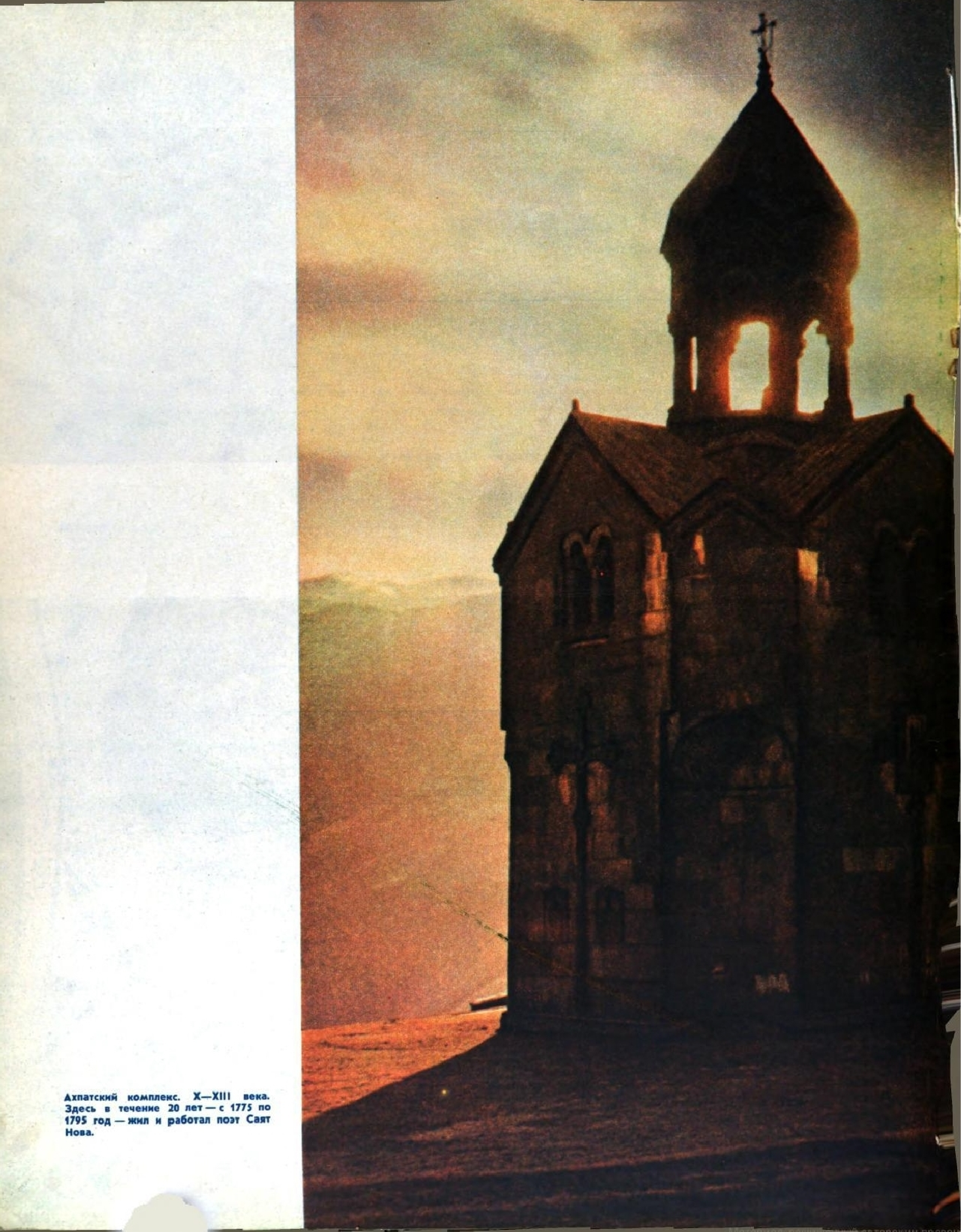
Реставрация Звартноца всецело связана с именем Тороса Тораманяна. Ученый, участвовавший в раскопках храма еще в 1904 году, стал создателем первого проекта реконструкции Звартноца. Это был смелый вариант, так как в исторической литературе, кроме восторженных посвящений, нет материалов, в которых сохранилось бы описание храма. Конечно, нет ни моделей, ни скульптур, ни миниатюр. Есть только развалины. Да еще строки очевидца, историка Себеоса о том, что «...построил Нерсес III церковь высоким строением и великолепной красоты».

Шедевр армянской средневековой культуры Звартноц, с его самобытными стилевыми особенностями, привлекал внимание многих иссле-

Храм Рипсимэ. 618 год.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Эчмиадзин. Купол кафедрального собора. Начало IV века.

Ахпатский комплекс. X—XIII века. Здесь в течение 20 лет — с 1775 по 1795 год — жил и работал поэт Саят Нова.

Арич. Монастырь XIII века. Второй этаж придела.

Храм Звартноц, построенный из туфа и базальта в 641—661 годах.

дователей. Но самое ясное и глубокое понимание этого сооружения проявил Тораманян, который по уцелевшим остаткам, фрагментам сумел создать макет громадного 45-метрового сооружения большой сложности; он справедливо утверждал, что Звартноц своей формой не похож ни на один из древних или поздних храмов.

— Если архитектура,— говорил Аветик Исаакян,— это окаменевшая музыка, то Тораманян превратил ее в живую песню. Он великолепный певец наших столь же великолепных руин и памятников.

...Любуясь памятниками зодчества, я терял понятие о времени. Я уходил в глубь веков, слышал дыхание моих предков, звуки ударов камнерезов, создавших тончайшие кружева на базальте, туфе и мраморе.

Я покинул руины храма Звартноц, строители которого славились некогда своей высокой культурой не только в Армении, но и за пределами ее. Сейчас Звартноц весь в прошлом, но это несправедливо. Звартноц должен продолжать свою жизнь. Ведь даже на его руинах зодчие учатся любви к камню, пониманию его души.

Вот уже 30 лет при памятнике Звартноц работает музей. Завершив осмотр Звартноца, можно продолжать путешествие — здесь же неподалеку по одному из крупных центров древности, городу Вагаршапату (ныне Эчмиадзин), основы которого были заложены армянским царем Вагаршаком в 117—140 годах.

Красота и простота воедино слиты в одном из самых прекрасных сооружений этого архитектурного комплекса. Храм Рипсимэ. Совершенны его пропорции, лаконичен его декорум. Арки, ниши, выступы, купол, венчающий здание,— все создает ощущение ритма, гармонии, величественности.

Классик армянской литературы, замечательный знаток истории, поэт, академик Аветик Исаакян писал: «Наш народ еще в первобытную эпоху перенял от предков некоторые основы строительного искусства, добавляя к ним свои новшества. Подвергаясь влиянию соседей, персов и народов стран Двуречья, он освоил, переработал их, дополняя новыми элементами, новым видением. Учитывая строительные материалы, климат, народ строил, создавая гармонию с пейзажем и своими умственными, духовными, бытовыми требованиями. И так, усилиями веков и накопленными достижениями был создан армянский самостоятельный стиль, признанный во всем мире».

Развивая эту мысль, Тораманян говорит: «Когда наш стиль принял совершенную форму, сам начал лучиться. С нашего каменного нагорья спустились и распространились дары искусства по Балканам, Византии, Италии, Германии, Франции. Наши беженцы-мастера, наши гонимые тондракийские умельцы и переселяющиеся земляки несли эти дары, которые явились стимулом внушения, мышления, подражания для византийского, готического, романского и даже арабского искусства».

В X—XI веках развиваются города и ремесла, армянский народ начинает участвовать в международной торговле. Через Армению проходили караванные пути. Вот почему именно в Ширакском царстве, на укрепленном самой природой горном мысу, между ущельями Цахкадзадзор и долиной реки Ахурян возник грандиозный ансамбль города-крепости Ани.

В 1068 году из-за внутренних междоусобиц, в результате нашествий иноземных орд с Запада и с Востока и вероломства Византии Ани в упорной, но неравной борьбе пал.

Многолетние раскопки, проводимые академиком Н. Я. Марром и его учеником академиком И. А. Орбели, дали возможность воссоздать картину кипучей жизни Ани — резиденции царей Багратидов, крупного центра торговли и ремесел.

Это был большой средневековый город: кварталы жилых домов, дома знати, ремесленные ряды, базарные площади, величественные храмы... Над городом возвышался дворец — двухэтажное сооружение, построенное на высоком холме. Дворец был сожжен и разрушен, и раскопки возрождают перед нами только части прекрасных парадных зал, хозяйственных помещений, бани и систему водопроводных труб, через которые подавалась вода в бассейны или фонтаны, украшавшие некогда прекрасный дворец.

Руины, конечно, привлекали внимание многих ученых разных стран. Побывавший здесь во главе экспедиции Института истории Венского университета крупный ученый Иосиф Стржиговский еще в 1913 году писал: «Ани является музеем армянского искусства под открытым небом».

— Где, как не в эпоху расцвета строительства соборов (как, например, собор в Ани), можно еще найти красоту и удовлетворение! — воскликнул другой венский ученый, Герман Абих.

...Изысканность во всем. В большом и в малом. Так относились наши предки к своим творениям и при создании величественных соборов и при строительстве маленьких часовен.

«С чего начать?» — думал я, начиная путешествие по древним дорогам Армении. Гарни, Гегард, Эчмиадзин, Ани, Ахпат, Татев... Я смог рассказать лишь о нескольких памятниках тем, кто еще не успел побывать в Армении и пройти дорогой старины.

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

Лирические признания

* * *

Я нашел этот дом
И калитку узнал,
У которой мальчишка
С девчонкой стоял.

Называл ее Вишенкой,
Милой своей.
Сгоряча обещал
Невозможное ей.

...Все как прежде:
И вишня от цвета бела,
И калитка, как прежде,
Открыта была.

У калитки, как прежде,
Мальчишка стоял
И девчонку
Несмело еще целовал.

И не знал он того,
Что спугнувший их дед —
Это он...
Это он
через сорок пять лет.

* * *

По оракулу считается:
Коль родился человек
В мае — значит, будет маяться
Он на свете весь свой век.

Мне как раз такое выпало —
Начал жизнь в нелегкий срок,
Не цветочками осыпало
Крутизну моих дорог.

Сколько лиха вызнал смолоду
До седых теперь волос.
Сколько холода и голода
Испытать мне довелось.

В споре с вечными заботами
Разменяешь силы все.
Так и крутишься, замотанный,
Как белка в колесе.

Маеты не убавляется.
Ах, да что о том тужить!
Я готов два века маяться,
Но зато два века жить.

ЖУРАВЛИ УЛЕТЕЛИ

Журавли улетели.
Сегодня в «Вечерней Москве»
десять строк нонпарели
о том, что они улетели.
Сквозняками освистан
осенний простуженный сквер,
и опавшие листья
желтеют на мокрой панели.

Журавли улетели...
Какое мне дело до них?
Я москвич,
а они
летовали на дальних болотах.
Почему же — прочел
и в тревожном раздумье затих,
будто что-то утрачено,
будто потеряно что-то.

Будто вот оно —
было у сердца и вдруг уже
нет.
На душе холодно,
и на плечи ложится усталость.
Начинаешь считать,
сколько пройдено,
прожито лет
и как мало,
до горечи мало, осталось.

Улетели...
Есть друг у меня
бескорыстный
один.
Мы с ним радость и горе
делили,
и пили немало, и пели.
Вот сейчас позвоню
и скажу:
— Дорогой, приходи.
Посидим,
помолчим.
Милый мой,
журавли улетели!

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ЧТОБ НЕ БЫЛО РАССЕРЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ...

«Десять рассерженных мужчин и женщин...» — так назывался репортаж, опубликованный в седьмом номере журнала «Огонек» за 1968 год. Речь шла о том, что еще порой омрачает быт жителей города Минска после перехода на два выходных дня.

Из Белорусского республиканского совета профсоюзов редакции сообщили, что выступление «Огонька» обсуждалось на расширенном заседании комитета профсоюза Минского автозавода. Критика в адрес Дома культуры признана правильной. Теперь тут организованы клубы выходного дня, кинопутешествий, продлено время для занятий кружков художественной самодеятельности... Кроме того, Белосовпроф после выступления журнала проверил работу других Домов культуры и клубов Минска в выходные дни. Им также предложено пересмотреть свои субботние и воскресные планы.

Заместитель министра бытового обслуживания населения БССР тов. Матюшко сообщает, что после обсуждения репортажа «Огонька» решено широко распространить опыт предварительной выдачи оплаченных талонов, практикуемый в парикмахерских Витебска; пересмотреть часы работы парикмахерских в выходные дни, чтобы создать и для парикмахеров нормальные условия отдыха; улучшить рекламу парикмахерских, находящихся в окраинных кварталах города; практиковать в больших масштабах выезды мастеров на крупные предприятия, в колхозы, совхозы; открыть парикмахерские самообслуживания.

Горисполком сообщил, что разработаны меры по улучшению субботней и воскресной торговли в Минске. Продуктовые магазины работают теперь и в общие выходные дни. Состоялась сессия городского Совета депутатов трудящихся, на которой депутаты обсудят меры по улучшению обслуживания трудящихся летом.

ПРИНИМАЙТЕ ЭСТАФЕТУ!

Спортивная весна в разгаре. Трудовая, дерзновенная весна. И вот ее гонцы — молодые бегуны из школы заслуженного мастера спорта Нины Откаленко. И молодые футболисты из львовской команды «Карпаты». И юные гимнастки, которые скоро сменят у снарядов саму Полину Астахову. И молодой пловец из Ташкента Сергей Конов.

Идет передача эстафеты спортивного мастерства — неизменный, как сама жизнь, процесс.

Каждый раз, когда расстаешься с полюбившимся тебе мастером, испытываешь чувство горечи, сожаления. Трудно примириться с тем, что тот, кто поражал нас своей скоростью, силой, ловкостью, тот, кто, казалось, всегда будет молодым, закончил свой этап спортивной эстафеты. Закончил? Сколько раз мы убеждались в том, что рано переводили на «пенсию» своих любимцев. Вот вышли на тренировочный круг молодые бегуны, а кто там стоит на краю дорожки? Нина Откаленко!

В 1962 году на кроссе газеты «Правда» прошла Нина свой последний этап и подвела итоги: 14 мировых рекордов установлено на разных дистанциях. Что же будет дальше? Теперь мы можем ответить на этот вопрос: сегодня у Нины Откаленко пятьдесят учеников в возрасте от тринадцати до двадцати лет, своя школа бегунов при Центральном спортивном клубе армии.

На снимке, который мы публикуем, мы видим учеников Нины Откаленко Люду Ус, Олю Пахольчик, Таню Маркову, Лену Лаврикову, Андрея Казакова, Толю Солдатенко. Первой слева бежит одна из самых молодых учениц Нины Откаленко — Люда Ус. Ей четырнадцать лет. Она родилась в том году, когда Нина установила свой последний мировой рекорд в беге на 800 метров. 10 лет никто не мог пробежать дистанцию быстрее чем за 2 минуты 5 секунд, теперь рекорд у английской спортсменки Эн Беккер, но разве заслуженный мастер спорта Нина Откаленко бессильна в борьбе со временем и пространством? Конечно, нет, ведь на дорожке ее ученики.

Передает эстафету своим воспитанникам и старший тренер футбольной команды «Карпаты» Борис Гончаров. 150 его питомцев — пятнадцатилетние защитники и нападающие, готовятся к сезону, и каждый надеется, что докажет свое право играть на молодежном первенстве страны 1969 года. Они понимают, что для этого надо пройти хорошую школу обращения с мячом, и не жалеют своих сил.

Хорошая школа! Вот в чем основа основ успеха. Сходят известные мастера, но то, чего они достигли, остается на вооружении учеников. Этим и велика наша гимнастика, этим она непобедима. Лариса Латынина стала старшим тренером сборной команды страны, но еще до ее ухода засверкали имена Наташи Кучинской и Ларисы Петрик. А теперь рядом с такой замечательной гимнасткой, как Полина Астахова, заняли места пятнадцатилетние Тамара Лазакова из Витебска, Люба Бурда из Воронежа, Люда Турищева из Грозного. Астаховой есть кому передать эстафетную палочку.

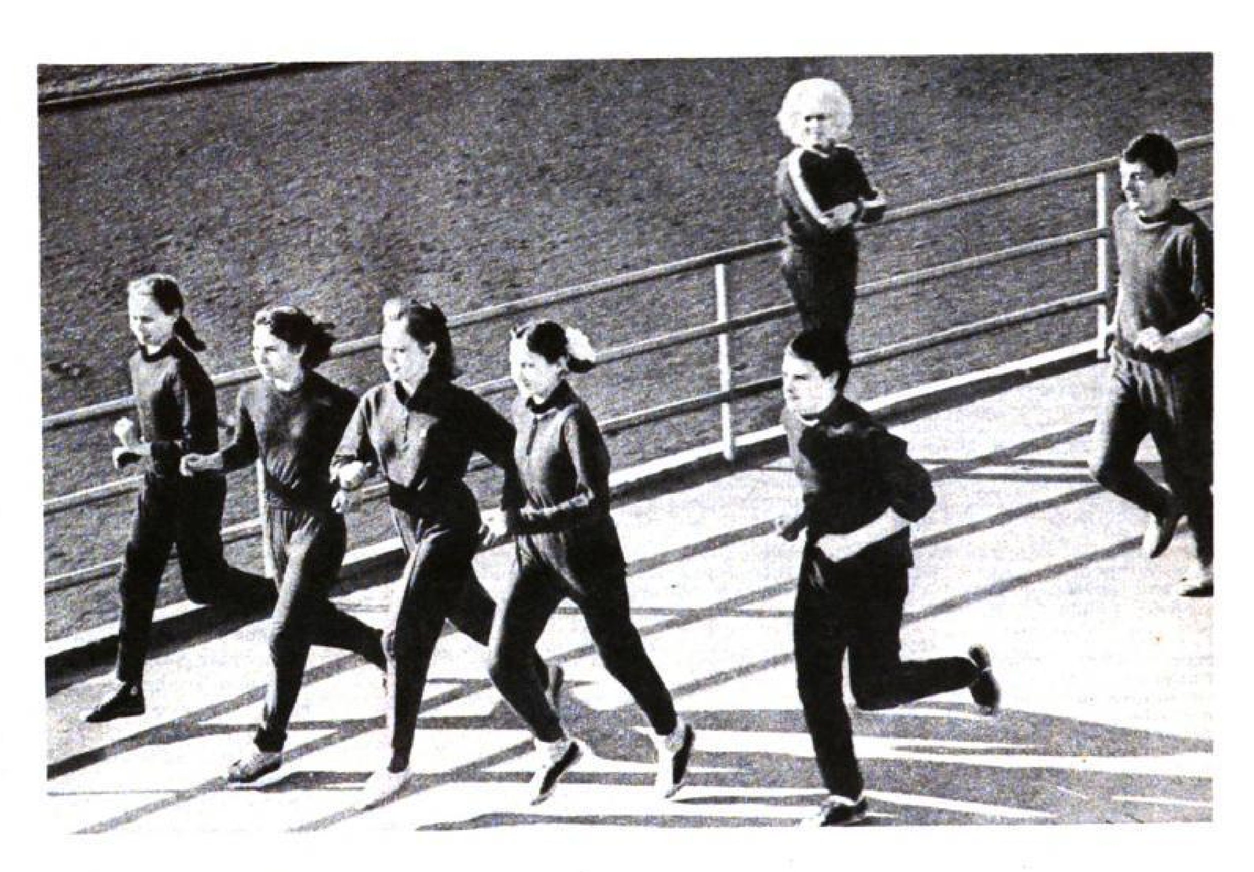

Фото А. Бочинина и Л. Кудрина.

Юдифь ГЛИЗЕР

Юдифь Глизер... Это была не просто актриса Театра Революции, который потом стал называться Театром имени Маяковского. Юдифь Глизер — целая школа. Направление. Мир образов неповторимых. Пронизанных небывало острым, яростным ощущением жизни.

Такой — полыхающей — Глизер оставалась во всех своих ролях. И умела при этом всякий раз быть новой, непохожей, удивительной...

Страстность, неистовость Глизер несла в себе с самой ранней юности, когда комсомольские и артистические ее обязанности совпали, став неделимым, органическим свойством большого, яркого таланта — человеческого и актерского...

Сегодня мы печатаем воспоминания народной артистки РСФСР Ю. Глизер о ее юности, комсомольских годах. Здесь отчетливо видно, откуда шли создаваемые актрисой великолепные образы.

Н. Толченова

ВОЗДУХ ОКТЯБРЯ

Моя жизнь началась незавидно. Золотое — не скажешь о моем детстве. Я всегда видела вокруг себя нищету, бедность, угнетение и несправедливость, злобу, грязь, болезни и слезы людей. Это наложило отпечаток не только на мои вкусы, привычки и характер, но и на творчество. То, что я делаю на сцене, всегда немного жестко, колюче и резко. В искусстве я не люблю полутонов, мне чуждо все голубое и розовое.

Родилась я в Рогачеве, маленьком, глухом городке на Украине. Мать безграмотная, вечно удрученная, измученная и плачущая; в сорок лет — седая старуха... Отец всегда был чем-то недоволен и вымещал злобу на несчастной матери. Я обычно принимала ее сторону и с ненавистью звереныша бросалась на отца.

Помню темную осеннюю ночь; по городу проходят этапные, их гонят куда-то, и мать бежит за ними, выкрикивая имя сына...

Радость в детстве была у меня одна — мечта! Я часто и охотно фантазировала. Увидев на улице хорошо одетую девочку, мысленно снимала с нее шелковое пальтишко, красивое платье и надевала это на себя. У одной девочки я отбирала нос, у другой — цвет волос, у третьей — походку и щеголяла эдакой красавицей, живя как во сне. Из этого увлекательного мира полудетских фантазий с большой неохотой возвращалась к действительности.

Мир мечтаний властно владел мною. Он, очевидно, и привел меня в конце концов к театру...

Росла я мрачной, замкнутой, нескладной и даже злой. Но никогда не помню себя пассивной. Помню себя почти всегда на улице, босой, в драке с мальчишками. С детства научилась отвечать ударом на удар. Дралась охотно и лихо. Меня даже окрестили «николаевским солдатом». А когда однажды в наш городок приехал цирк, страстно захотелось, чтобы меня украли и, переломав все кости, сделали акробаткой.

...Очень остро ощущалось тревожное время. Страну лихорадило. Война, дороговизна, недовольство населения, вой женщин на кладбище...

Однажды проснулась от шума на улице — гремела музыка, кричали: «Ура!», «Царя свалили!».

Я с наслаждением бегала с другими детьми за городовым, которого толпа водила по городу. Все улыбались. Мать тоже была веселая и добрая и почему-то купила мне шляпку. Я не знала, как ее носят, но надела и, счастливая, пошла гулять. Боже мой, что делалось на улице! Все высыпали из домов, какие-то люди разъезжали на грузовиках, неслись конные... Все ново, радостно и непонятно.

Не успела опомниться, как меня посадили в вагон и отправили в Москву, к сестрам, которые туда перебрались еще раньше в поисках работы.

Мы поселились в Марьиной Роще, в небольшой комнатке сапожника. Меня устроили в какую-то военную обмундировочную мастерскую — метать петли на гимнастерках. Как я была счастлива! Обожала свою работу, товарищей. Так же, как и остальные девушки, повязала голову красной косынкой и пела песни.

Жизнь в городе кипела, шли митинги. Мне казалось, все ждут чего-то. И вот однажды утром по дороге на работу услышала отдаленную стрельбу. Мастерская оказалась закрытой. Удивленная, возвращалась я по опустевшим улицам. Дома мать в слезах: сестра пропала. К вечеру она появилась — в шинели, за поясом браунинг, на голове папаха, глаза горят. Такой не еще никогда не видала. Она забежала на минуту и опять исчезла. На другой день потихоньку от матери я пошла ее разыскивать. Чувствовала, что сестра делает что-то очень важное, подвергается опасности...

Влияние сестры на меня было огромно. Она втягивала меня в общественную жизнь, находила работу и объясняла, может быть, примитивно, смысл классовой борьбы и происходящих событий.

Однажды она привела меня в клуб «Коммуна», посадила за стол и велела продавать политическую литературу. Мне было 13 лет, я ужасно гордилась таким важным поручением. В клубе размещался штаб; здесь шли горячие митинги, приносили сюда раненых. Это были первые дни Октября. Я, конечно, стояла за большевиков, и не только потому, что моя сестра была большевичкой. Мне нравились смелость и резкость их выступлений, определенность, с которой они разили своих врагов — меньшевиков и эсеров.

В этом же клубе разучивали революционные песни. В хор привлекли и меня. После бурных митингов мы выступали с песнями революционной борьбы. Не знаю, вдохновляли ли мы своим пением кого-нибудь на борьбу, но пели мы вдохновенно и от всей души. Так, незаметно для себя, я вошла в искусство.

Днем работала, потом бежала на общеобразовательные курсы или на лекции в Университет Шанявского, вечером — в клуб. Дышала полными легкими, спешила наверстать упущенную жизнь. Мне вообще казалось, что я не жила, а все время куда-то бежала.

Здесь, в клубе, первый раз в жизни столкнулась с новым, замечательным миром — театром. Драматический кружок ставил «Савву» и «Дни нашей жизни». Спектакли потрясли меня, я смотрела, плакала горючими слезами и ходила потом за актерами-любителями по пятам.

Ю. С. Глизер. 1932 год.

Через некоторое время пришли какие-то новые люди и заявили, что любителям нужно учиться. Нужно организовать школу и строить новое, пролетарское искусство.

К тому времени относятся два бытовых эпизода, которые никогда не забуду. Мы получаем квартиру в национализированном доме. Странное ощущение испытывала я от больших, чужих комнат с богатой мебелью. Мы бродили с мамой по квартире, боясь даже присесть. Нам стало так не по себе, что мы решили разместиться в двух самых маленьких комнатах, а остальные отдали...

Не меньшим событием было получение ордера на платье. Мне никогда ничего не шили, я всегда носила то, из чего вырастали старшие сестры. А тут произошло нечто сказочное. Прихожу по указанному адресу в помещение, заваленное мехами и богатыми одеждами, предъявляю ордер и слышу в ответ: «Выбирай любое». Глаза у меня разбегаются, и в этой куче вещей выбираю себе, конечно, то, что больше блестит. Это оказалось шелковым дамским манто. В нем прощеголяла я не одну лютую московскую зиму. Вид у меня, вероятно, был уморительный: манто, красная косынка и валенки.

Постепенно втягивалась я в общественную работу, была даже выбрана в районный Совет. Вступила в комсомол.

В Москве в то время возникло множество всяких театральных студий и школ. Вот и стала я бегать по всем этим студиям и школам. Узнаю, где объявлен прием,— и туда! Выдержу испытание — и в другую.

В этой экзаменационной чехарде, кажется, сама не заметила, как попала в студию Центрального Пролеткульта, реорганизованную потом в 1-й Рабочий театр. Дали стипендию, и я принялась за учение.

Как хорошо! Ухожу с головой в жизнь студии. Целый день нахожусь на занятиях, очень стараюсь.

В инсценировке рассказа Джека Лондона «Мексиканец» получаю небольшой эпизод. Яркий, жизнерадостный спектакль, поставленный В. Смышляевым и С. Эйзенштейном, имел у публики большой успех.

Играла, ни над чем не задумывалась. Просто наслаждалась, окунувшись в новую для себя стихию театра. Все мне здесь нравилось: процесс гримирования, театральный костюм, новое ощущение, возникающее от пребывания на сцене перед публикой, закулисная лихо-

радка... Одним словом — запах рампы...

Первый год — сплошной праздник. Я была полна сил и надежд и не могла надышаться жизнью. Чувство полнокровия мною владело, вероятно, вдвойне, ибо я ощутила право на реальную, подлинную жизнь, которую дала нашей семье революция.

Революция развязала все до того скованные силы и гнала их из глубин на поверхность. Тяга к культуре была огромная!

Надо было видеть, с каким энтузиазмом, как самоотверженно, несмотря на холод и голод, обучались ребята искусству. Мы были преисполнены веры и бодрости и как-то не ощущали ни холода, ни голода. На субботники ходили с песнями, разгружали дрова, расчищали рейным способом, через специальные организации, были нелепы, и Ленин иронизировал над теми фантастами и торопыгами, которые считали, будто можно словно из пистолета выстрелить сразу пролетарской культурой.

В области преподавания царил порядочный хаос. Чему-чему нас только не учили! И кто нас только не учил!.. Эксперименты шли на разные лады и толки, причем каждый защищал свою точку зрения как единственно правильную. В Пролеткульте было множество преподавателей и множество систем. Эта разноречивая педагогика всей своей путаницей обрушивалась на наши юные головы.

Конечно, нужно было время, чтобы все устоялось. А пока шло весеннее половодье. Жизнь бурлила

В роли Мамаши Кураж.

снег на железных дорогах; мало говорили о еде и много об искусстве. Мы считали себя агитаторами и работниками культурного фронта и мечтали о таком театре, который был бы близок рабочему классу, помогал ему в борьбе и вдохновлял его. Мы ходили в прозодежде, сшитой из мешков; топали по Москве в обуви на деревянной подошве, как голландские рыбаки. С удовольствием ели котлеты из мороженой картошки, жевали воблу и пили чай с повидлом.

Жизнь Пролеткульта протекала бурно и путано.

Нам, малокультурным, а то и совсем некультурным ребятам, объясняли, что Пролеткульт и есть та организация, которая создает новую, грандиозную пролетарскую культуру. Нам говорили, что только мы, дети рабочих и сами рабочие, сможем создать новое пролетарское искусство.

Пролеткультовским теориям в свое время дал резкую оценку В. И. Ленин. Утверждения, что пролетарскую культуру можно построить каким-то лабораторно-оранже- и клокотала. Обстановка в театрах была боевая и воинственная.

Диспуты, знаменитые московские театральные диспуты!

Маяковский сотрясал аудитории громоподобным голосом, высмеивая намертво своих противников. Неистовый Всеволод Мейерхольд, худой, нетерпимый и желчный, дрался непримиримо, как лев.

Луначарский произносил блестящие речи, стараясь поддержать растерявшихся «правых» и умерить пыл «левых». Он понимал, что как бы горячи и искренни ни были намерения «левых», но без преемственности всего лучшего в искусстве прошлого не обойтись никому, что разрушать слепо все старое только на том основании, что оно старое, нельзя!

Зрители сидели в театрах в нетопленных залах в шубах и валенках, но с горячими сердцами.

Я никогда не забуду этого времени!.. Новый мир возникал и появлялся в муках рождения. Великое и суровое историческое время. Я счастлива, что дышала твоим воздухом!

ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА ЭКРАН

РОЛЬ, СЫГРАННАЯ ИННОЙ ЧУРИКОВОЙ

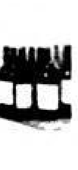
В фильме, который называется «В огне брода нет» (студия «Ленфильм»), Инна Чурикова играет санитарку Татьяну Теткину. Играет удивительного человека времен гражданской войны. Играет так, что становится виден и ощутим не только сам этот сложнейший человек — одновременно нежный и грубый, темный и талантливый, застенчивый и безбоязненный. Человек-герой, чья большая, красивая душа распахнута в будущее. И этому будущему принадлежит...

Нельзя пересказать содержание роли, блистательно сыгранной Чуриковой. Актерское исполнение освещает, повторяю, не только образ героини. А, что гораздо трудней (и конечно, ценней!), позволяет почувствовать образ эпохи. Образ тех людей, для коих действительно не было «брода» — пути для отступления в огненном море гражданской войны!.. Когда надо было, они шли в огонь, как шла некрасивая и в то же время прекрасная, обаятельная, искренняя Таня Теткина — героиня Инны Чуриковой.

Н. ПАВЛОВА

ПУСТЬ ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

Пора осени, пора падающих листьев, пора молодого вина... Хороши славные грузинские вина, неповторим их букет, их цвет — подлинно золотой... И с каким удовольствием смотрят старые рабочие, виноделы Грузии, патриоты своего дела, как работает молодой их начальник! Пройдет время, вино взыграет, обретет настоящую спелость. Поэтому пусть падают листья, раз уж осень пришла! Деревья-то все равно будут стоять! И на них распустятся новые, крепкие, яркие листья. Так устроена жизнь...

С мягким юмором и добротой говорят о жизни создатели кинокартины «Листопад» (сценарист А. Чичинадзе, режиссер О. Иоселиани; киностудия «Грузия-фильм»).

Интересно, что главные роли в фильме постановщики отдали непрофессиональным актерам. Одна из главных ролей, Нико, поручена Рамазу Георгобиани, студенту физического факультета Тбилисского государственного университета. Героиню играет студентка Тбилисской консерватории пианистка Марина Карцивадзе.

Н. СВОБОДИНА

К солнцу, как зеленые ростки...

Пьеса М. Светлова «Двадцать лет спустя» идет в Центральном детском театре в постановке Геннадия Печникова. Это вторая режиссерская его работа после спектакля «Как закалялась сталь».

— Хотелось вновь провести юного зрителя через революцию,— сказал Геннадий Михайлович.— Показать молодых ребят, почти ровесников тех, кто сидит в зале, отдавших свои жизни, свои сердца борьбе. Еще беспомощные, как маленькие зеленые ростки, они тянутся к солнцу — к революции, но гибнут при первом же столкновении с врагом. В помыслах же своих это люди, сильные духом. Будущая жизнь представляется им заполненной неукротимым дыханием боя. Все они мечтают об этом, хотя все они разные: порывистый и смешной «мушкетер» Сашка в отличном исполнении А. Хотченкова; скромная и тихая Дуня — артистка Т. Мурина; два брата, поэтичный «Налево» и веселый «Направо»,— их играют А. Бордунов и А. Комиссаров...

К ним прежде всего и тянутся зрители — дети, публика самая чуткая. Нетерпимая к какой бы то ни было фальши на сцене.

Н. АЛЕКСЕЕВА

На снимке: А. Хотченков в роли Сашки.

Фото Л. Еллинской.

ЧТО СТАРИКАМ НАДО

Мария ХАЛФИНА

4. СОН БЕЗ СНОВИДЕНИЙ

Когда знакомые женщины начинают жаловаться на детей, на их эгоизм и бездушие, плачутся, рассказывая о семейных распрях и скандалах, Лидия Павловна сочувственно вздыхает. Она искренне жалеет их, этих несчастных матерей.

Что может быть хуже, если в семье нет мира? Это же самое важное в жизни человека — мир в семье. Тогда и работа идет на лад и никакие трудности не страшны.

Она их очень жалела, но в глубине души не понимала, как это можно: плакаться перед чужими людьми, жаловаться на детей, рассказывать о них плохое?

Конечно, дети по молодости лет, по горячности могут иной раз и сделать что-нибудь не так и сказать не то, а мать... на то она и мать, чтобы не допустить в семье до греха.

О себе Лидия Павловна говорила: «Мне на Сережу грех обижаться. Всем бы матерям таких сыновей».

Она гордилась Сережей. Несмотря на пережитые трудности и лишения, он у нее получился удачный: настойчивый, серьезный и очень способный к наукам.

Отца Сережа не знал. Так уж сложилась жизнь, что не сумела Лидия Павловна по-простому, по-хорошему выйти замуж, засиделась в девушках, а когда уже перевалило за тридцать, выпало ей недолгое счастье.

Всего полгода длилась их горькая тайная любовь. А потом, вызванная анонимным письмом, приехала жена, привезла детей, двух девочек-подростков. Приехала для расправы. Готовая на все: на скандал, на драку,— лишь бы сохранить семью, не позволить какой-то жалкой машинистке, вековухе несчастной, при живом отце осиротить двух детей.

Не от позора и не от страха перед скандалом бежала тогда Лидия Павловна из родного города. И его, единственного, не побоялась бы она поставить под удар — пусть бы пришлось им уехать на край света... Не скрыла бы она от него, что через полгода родит ему сына,— все могло обернуться иначе. Но она знала, что, как бы далеко он с ней ни уехал, половинка его сердца останется там, с брошенными детьми и... с немилой женой, с которой, плохо ли, хорошо ли, прожил он без малого шестнадцать лет.

Бежала она куда глаза глядят, потому что не было у нее на свете близкого человека, с которым можно поделиться такой бедой.

Бежала налегке. Через плечо связанные ремнем чемодан и тючок с постелью, в одной руке дорожная сумка, в другой главное ее достояние — старенькая машинка «Ундервуд».

Через полгода родился Сережа. Стало легче — отпустила смертная тоска, притупилась боль. Нужно было работать, очень много работать, чтобы Сережа ни в чем не нуждался, чтобы у него было все, что имеют другие, отцовские дети.

Обжиться на новом месте Лидия Павловна не успела. Началась война. Эвакуация волокла ее с пятилетним Сережей на руках от Киева до Омска. В Омске их с эшелона сняли. Сережа бредил, задыхался, а на последнем перегоне затих, перестал плакать и просить водички. Двое суток Лидия Павловна просидела на ступеньках крыльца детского изолятора. Из-за строжайшего карантина родных дальше крыльца не допускали.

К концу третьих суток к ней вышла пожилая нянечка и сказала, что дыхание у Сережи прочистилось, только что он поел каши, выпил полстакана киселя, дай бог не сглазить, доктор сказал: похоже, парнишка все-таки выживет... Лидия Павловна не заплакала, не сказала спасибо за добрую весть. Она закрыла глаза и прислонилась к перилам крыльца. Потом поднялась и пошла в город искать работу и хоть какое-то пристанище, чтобы было куда выписать Сережу из больницы, если он все-таки выживет.

В тот же день ее взяли машинисткой на большой машиностроительный завод и койку дали в рабочем общежитии. В коллективе ее очень ценили за грамотность, за мастерство, за ровный, ласковый характер, за ненавязчивую готовность помочь любому в трудную минуту.

После болезни Сережа стал совсем тощенький и прозрачный. Спасти его могло одно — хорошее питание. Прокормиться машинкой в те трудные времена было невозможно. Лидия Павловна ходила на разгрузку вагонов, расчистку путей от снега, потом ей подвернулась постоянная, очень выгодная работа.

Жена старого профессора, эвакуированного из Ленинграда, пожилая, рыхлая женщина, пригласила Лидию Павловну через день по вечерам «помогать ей по хозяйству». Называть Лидию Павловну приходящей домработницей у деликатной профессорши не поворачивался язык.

Вскоре она порекомендовала Лидию Павловну еще в два дома. В конце концов распределились все вечера недели, и выходной день был полностью загружен. Работой этой Лидия Павловна очень дорожила. Хозяйки не только позволяли приводить с собой Сережу, но и усиленно его подкармливали.

Прошло несколько лет. Сережа пошел в школу, и через него Лидия Павловна познакомилась со старенькой учительницей.

На окраине города у Анны Алексеевны была небольшая квартирка. Сама она занимала спаленку, а проходную столовую сдала Лидии Павловне. Вскоре они стали жить одной семьей.

Лидия Павловна привела в порядок старый, запущенный домишко, разработала давно заброшенный огородный участок; он для их маленькой семьи стал большим подспорьем.

Всем своим одиноким, истерзанным сердцем привязалась она к чужой доброй старухе, ходила за ней, как не каждая родная дочь ходит за больной матерью. А потом, когда пришел неизбежный срок, схоронила, оплакала, и родная могила еще крепче привязала ее к новому гнезду.

Учился Сережа неровно. В начальных классах он мог служить натурой для плаката «Пионер — всем детям пример». А в шестом классе вдруг задурил, и настолько, что на педсовете дважды ставился вопрос о его пребывании в школе.

Седьмой он все же закончил с хорошими оценками и с пятеркой по поведению, а в восьмом опять вышел из колеи.

А для Лидии Павловны целью и смыслом жизни было «создать для Сережи условия», «вывести в люди», «дать ему высшее образование».

Жилось трудновато, но все же жили они не хуже людей. Теперь Лидия Павловна уже не ходила по домам «помогать по хозяйству». Кормила машинка. Заказов было в избытке. За ценой она не гналась, а качество давала отличное.

Как бы поздно, засидевшись над уроками, ни ложился Сергей спать, из кухни доносился неутомимый стрекот «Ундервуда». Матери всегда нужно было закончить «очень срочную работу».

Сережа никогда ничего не просил, но мать не могла видеть его голодных, упрямо-печальных глаз, когда он чего-нибудь очень хотел. И всегда в нужный момент у него появлялось все необходимое, о чем он мечтал, что видел он у других мальчиков, тех, у которых были отцы.

Студентом третьего курса Сергей женился. Неразумный шаг, но что поделаешь? Первое, настоящее чувство. Сережа никогда в этих вопросах не проявлял легкомыслия.

Втайне Лидия Павловна давно мечтала о том дне, когда Сережа «встанет на ноги» и приведет в дом молодую. Она даже имя для будущей милой невестки подобрала. Оленька или Наташа... а еще лучше Любушка... Любаша — скромная, застенчивая, ясноглазая. Войдет и будет называть мамой.

На деле все получилось несколько по-иному. В комнату уверенно и без тени смущения вошла тоненькая интеллигентная дурнушка с очень красивыми неласковыми глазами. И имя у нее было какое-то не очень милое — Лариса.

Со свекровью она держалась в меру при-

См. «Огонек» №№ 14, 16, 17, 18.

ветливо и называла ее по имени и отчеству.

Лидия Павловна ничем не проявила своего разочарования. Невестка была трудолюбива, чистоплотна, экономна — качества в молодой женщине ценнейшие,— а главное, она любила Сережу.

Что еще нужно матери? Вот только обращаясь к Ларисе на «ты», Лидия Павловна на первых порах ощущала какую-то неловкость.

Но потом ничего, привыкла. Молодые поселились в маминой спальне, а мама перебралась в проходную столовую.

Поднималась она в шесть часов утра. Нужно было успеть прибрать в доме, приготовить для ребят горячий завтрак и обед. Самой ей дома обедать не приходилось. Комбинат, где она продолжала работать, находился в Новом городе. Трамвая в их сторону еще не проложили, а пользоваться автобусом она считала для себя недопустимым расточительством.

Ровно в восемь она будила молодых и легкой трусцой бежала на службу.

А вечером, прибежав домой, спешила переделать всю «черную» домашнюю работу: вытопить печь, постирать, помыть пол.

К приходу молодых в маленьких теплых комнатках царила свежая, всегда словно предпраздничная чистота; на кухонной плите, источая аппетитные запахи, ждал горячий ужин. За ужином Сергей рассказывал, как прошел день. И хотя для матери в его рассказе уже не все было понятным, она могла слушать его без конца. Что-нибудь, тоже очень интересное, добавляла немногословная Лариса, потом и Лидия Павловна рассказывала о своих служебных делах.

У нее на работе почему-то всегда случалось много забавного, а посмеяться Ермаковы любили. Даже несмеяна Лариса нет-нет и зазвенит своим негромким мелодично-хрустальным смехом.

Этот час драгоценного отдыха за семейным столом был наградой за длинный, утомительный день. После ужина молодые садились за книги, а Лидия Павловна, помыв посуду и поплотнее прикрыв дверь, чтобы не мешать детям заниматься, примащивалась за кухонным столом со своим дряхлым «Ундервудом».

Лишняя копейка теперь стала еще нужнее.

Питание ребятам требовалось хорошее: ведь они так много работали, а у Ларочки то туфлишки совсем прохудились, то платьишко ей к празднику нужно сшить свеженькое.

У молодых на долгие годы вперед все было строго спланировано: когда они окончат институт и на какой завод добьются назначения; к какому сроку Сергей на этом заводе сможет создать свою экспериментальную лабораторию; когда они произведут на свет первого сына.

И вот в этом-то, последнем пункте плана они и просчитались. Запроектированный сын решил появиться на свет значительно раньше намеченного срока. Были упреки и ссоры, были неумелые попытки избавиться от беды, но истекли все сроки, и пришлось готовиться к встрече незваного гостя. На супружеском совете молодые решили: выход один — маме придется оставить работу.

У Лидии Павловны оборвалось сердце, когда ее познакомили с этим решением.

— Вы с ума сошли, ребята?!— Она растерянно переводила взгляд с невестки на сына.— Как же мы будем жить? И потом... мне же пенсию могут дать...

Молодые невесело молчали.

— Да и совсем не обязательно бросать работу...— ободренная их молчанием заспешила мать.— Вы не бойтесь, я управлюсь. Он вам не будет мешать, я сама буду его в ясли носить...

У Ларисы округлились глаза.

— В ясли?!— спросила она негромко.— Я надеюсь... вы пошутили, Лидия Павловна...

Голос ее звучал спокойно и, как всегда, неумолимо вежливо, но и Сергей и мать знали, что таится за этим внешним спокойствием.

Лидия Павловна уронила руки на колени, и тут же этими маленькими, изуродованными непосильной работой руками завладел сын.

Нежно перебирая и поглаживая мамины пальцы, Сергей заворковал милым своим, молодым покоряющим баском:

— Все от тебя теперь, мамуленька, зависит. Только от тебя. Не бросать же Ларке институт. А ясли, конечно, отпадают, она права. Малышу нужен полноценный уход. Перебьемся два-три года, окончим институт, и все образуется. А пенсия... ты не обижайся, но ведь это же гроши. Нам твоя помощь нужна сейчас... Ты должна нас выручить...

Должна... Ну, конечно, должна... Кто же еще, как не она, может им помочь?

Вместо ожидаемого сына родилась Люсенька. Еще одна заноза в сердце. Родилась Люсенька в срок, но чахленькая, словно недоносок.

Просто удивительно было, что такое хиленькое, такое крохотное существо могло так оглушительно вопить, требуя от окружающих полного и беспрекословного подчинения.

Лидия Павловна считала, что, когда пупочек зарос, можно время от времени давать ребенку прокричаться, но Лариса с первых же дней установила непреложным законом: ни при каких обстоятельствах Люсе нельзя давать плакать. Ее нельзя сравнивать с другими, здоровыми детьми. Ребенок слабенький, хрупкий, требующий особого, индивидуального подхода.

Наступила новая, нелегкая полоса жизни. Молока у Ларисы не было, Люсеньку Лидия Павловна выкармливала искусственно. Нужно было успеть управиться со всеми домашними делами, сбегать в консультацию с бутылочками за молочными смесями,— готовить их дома Лариса не разрешала,— и все это между делом, потому что основным занятием было умиротворять Люсеньку, не давать ей кричать. И самое главное — нужно было на две студенческие стипендии ухитриться сводить концы с концами.

И опять до глубокого ночного часа стрекотала в кухне мамина машинка. Вставать же теперь приходилось еще раньше. Люсенька поднималась ни свет ни заря, нужно было уловить момент ее пробуждения и вовремя унести в кухню, чтобы она своим утренним ревом не разбудила Сережу и Ларочку, дала бы им поспать лишний часок перед уходом в институт.

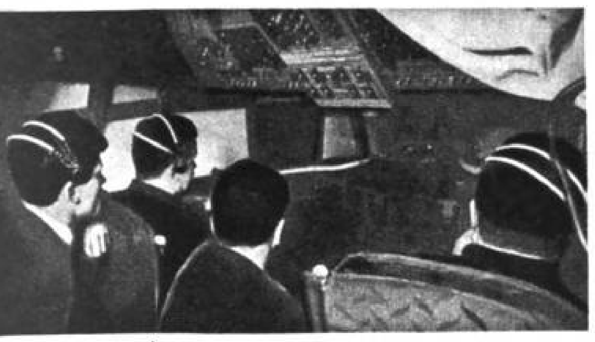
Лариса после родов еще сильнее похудела. Сергей засел за дипломный проект — здоровый, спокойный сон был для них необходим. Понемногу мать научилась, особенно когда Люсенька болела, обходиться почти без сна.

Правда, с утра поташнивало и покачивало от слабости, но с этим можно было справиться. Главное, что в институте у ребят дела шли отлично, а у Люсеньки вовремя прорезались зубки, и болела она не чаще, чем «другие, здоровые дети».

Окончив институт, Сергей с головой ушел в любимое дело, завод для него стал самым интересным и значительным местом на земном шаре. Через год окончила институт и Лариса.

С годами рос достаток, но возрастали и расходы.

Получили в центре города трехкомнатную

Экипаж Станислава Иосифовича Мужило в полете на тренажере.

Фото автора.

В АВАРИЙНОМ РЕЙСЕ

А. ГОЛИКОВ

Внуковский аэропорт столицы. Сквозь снегопад с трудом просматриваются огни ночного старта. Погода плохая. Аэропорт выпускает воздушные корабли, но не принимает их. Я поднимаюсь на борт самолета, который уходит в рейс на Симферополь.

Двери пассажирских салонов закрываются, и бортпроводница приветствует пассажиров воздушного лайнера «ИЛ-18». Она сообщает высоту предстоящего полета, скорость, просит пристегнуть ремни на креслах и не курить во время взлета и набора высоты. Я же, пользуясь разрешением командира корабля, иду в пилотскую кабину.

Наш самолет поведет опытный экипаж. Командир корабля Станислав Иосифович Мужило и второй пилот Фома Дмитриевич Старухин летают с 1941 года. Оба — участники Отечественной войны. Штурман Георгий Николаевич Полох и бортмеханик Лев Александрович Славгородский уже больше десяти лет летают по воздушным трассам.

В пилотской кабине идут последние приготовления. Зачитывается инструкция, предусматривающая действия каждого авиатора перед взлетом. Убедившись, что все в порядке, что все готовы к полету, командир корабля дает команду запустить двигатели. Бортмеханик нажимает какие-то кнопки, и... «первый пошел!..», «второй пошел!..», «третий пошел!..».

Выруливаем на старт. Бортмеханик двигает вперед секторы газа. Гул двигателей нарастает, и самолет начинает взлет. Земля стремительно убегает назад.

— Сто, сто двадцать критическая,— сообщает штурман командиру корабля,— скорость разбега.

Критическая — это та скорость при разбеге самолета, превысив которую уже нельзя безопасно прервать взлет. Еще несколько секунд — и Мужило плавно берет штурвал на себя. Мы в воздухе.

Все идет нормально. В пилотской кабине полумрак, лишь слабо светятся стрелки приборов.

И вдруг... Пронзительно кричит сирена. На приборной доске тревожно замигали красные лампочки. Пожар! Горит первый двигатель. Как всегда в таких случаях, пламя бушует где-то внутри и о грозящей опасности летчиков предупреждают только приборы.

— Выключить первый! Винт во флюгер! Включить противопожарную систему! — звучат команды.

Бортмеханик Славгородский действует четко, быстро, не теряя ни секунды. Двигатель выключен, лопасти его винта поставлены параллельно набегающему воздушному потоку, создавая наименьшее сопротивление. Противопожарная система весьма эффективна, и через считанные секунды сигнальные лампочки гаснут — пожар ликвидирован.

Непосредственная опасность миновала. «ИЛ-18» на трех двигателях может свободно продолжать рейс. Но Станислав Иосифович Мужило, сообщив во Внуково о пожаре и о том, что он потушен, просит разрешить посадку на ближайший аэродром: когда на борту пассажиры, нельзя допускать ни малейшего риска, ведь неизвестно, чем вызван пожар, вдруг снова появится пламя.

Лучше всего было бы вернуться во Внуково. Но для посадки этот аэродром закрыт. Нас направляют в Шереметьево* — тоже рукой подать. Штурман рассчитывает новый курс, самолет разворачивается, и тут отказывает второй двигатель. Стрелка счетчика оборотов движется в обратную сторону и замирает на нуле. Не работают два двигателя с одной стороны. Это уже сложная ситуация. Самолет резко кренится на левую плоскость.

На новую опасность летчики реагируют мгновенно. Лопасти второго аварийного двигателя тоже становятся во флюгерное положение. Оба пилота соединенными усилиями удерживают машину на курсе. Это нелегко. Их, что называется, прошибает пот. Но «ИЛ-18» — отличный самолет: летит на двух двигателях, не теряет высоты и слушается рулей.

Медленно тянутся минуты аварийного полета. Наконец начинаем снижаться. Резкий звонок сообщает: проходим дальнюю приводную радиостанцию. Второй звонок: проходим ближнюю. Вот и освещенная прожекторами полоса. Самолет идет к земле с креном, но летчики мастерски производят посадку. Аварийный полет благополучно завершен.

А пассажиры?! Они, вероятно, основательно переволновались, а возможно, что ничего и не знали о грозящей опасности. Ни то и ни

квартиру. Две комнаты, исключая бабушкину, требовалось заново обставить. Нужно было прилично одеваться: к этому обязывало положение. Подрастала Люся и тоже требовала немалых расходов. Полновластным распределителем кредитов теперь стала Лариса. На хозяйство она давала в обрез. У бабушки порой ум за разум заходил, как дотянуть до получки. Выручала кормилица-машинка. Старые клиенты не забывали Лидию Павловну. Заказов хватало.

Только вот сил становилось все меньше, и сноровка уже стала не та. А по-прежнему хотелось, чтобы, придя домой, дети могли хорошо поесть и отдохнуть и чтобы Люсенька при них поменьше хныкала и привередничала.

В домашние дела Лариса Львовна не вмешивалась.

Только в одном она непререкаемо требовала подчинения своей воле: Люсю нельзя раздражать, нельзя наказывать. При ее нервной конституции любая форма грубого давления может вызвать тяжелый кризис.

Все попытки бабушки приучить девочку к самостоятельности и порядку натыкались на каменное противодействие матери.

И Люсенька очень рано поняла, каким мощным козырем она владеет против всех бабушкиных козней.

— Вот я скажу маме, как ты меня мучаешь! Я спать хочу... у меня головка болит!— ныла она, когда бабушка пыталась заставить ее вечером собрать разбросанные по всей квартире игрушки. И не желала ложиться в постель, и жаловалась, и истерически рыдала, когда мать приходила домой.

В результате — несколько дней угнетающего отчужденного молчания Ларисы, холодный взгляд, пресекающий любую попытку к объяснению. Лидия Павловна не боялась невестки, конечно, нет, просто не хотелось в семье грех заводить, хотя и горько было сознавать, что внучка-то растет урод уродом.

Всему приходит свое время. К концу шестого десятка наступило неизбежное. Сначала отказало сердце. Чаще всего по утрам, когда домашние дела обступали со всех сторон, где-то в левом подреберье возникала боль. Не очень острая вначале, постепенно она опоясывала грудь, вонзалась в плечо и левую руку, отнимала дыхание. Казалось, вот сейчас, еще одна последняя минутка, и настанет конец. В холодном поту, в смертной тоске, посеревшая и уже полумертвая от боли и страха, лежала она в ожидании этой последней своей минуты. После приступа долго дрожали и подламывались ноги, из рук все валилось.

Неумытая Люсенька с хныканьем бродила по неубранной квартире, изнывая от безделья и скуки. Она не умела жить интересно без бабушкиной помощи.

А бабушка вышла из строя. Пришлось взять приходящую домработницу. И тут начали обнаруживаться странные вещи. Выяснилось, что за восемь договорных часов домработница Катя никак не успевает управиться со всеми домашними делами; что в сумму, ассигнованную Ларисой Львовной на хозяйство, уложиться невозможно; что Люся ни одного часа не может обходиться без посторонней помощи и обладает способностью любого, самого уравновешенного человека довести до белого каления своими требованиями и капризами.

Пришлось Ларисе Львовне самой включаться в ненавистное ей домашнее хозяйство.

Внешне она ничем не проявляла недовольства или раздражения, но жить подле нее становилось все более неуютно. Даже Сергей Николаевич теперь все чаще по вечерам стал задерживаться в своей лаборатории.

И вечерние встречи за семейным столом утратили свою былую прелесть.

Чтобы не мозолить ближним глаза, бабушка отсиживалась в своей «отдельной» комнатке, в которой они жили вдвоем с Люсей. Больное сердце лишало ее возможности двигаться, но у нее оставались еще две доступные ей радости: рукоделие и ее дряхленький «Ундервуд».

Всю жизнь рукоделие было для нее видом отдыха и особого удовольствия. Она не только умела вышивать на любой манер: и гладью и крестом,— оказалось, что она владеет чудесным древним искусством кружевницы. Певуче постукивают старинные кленовые коклюшки, сплетаются, перекрещиваются тонкие нити, и на тугой подушке, утыканной стальными булавками, возникает дивной красоты узор.

Лариса Львовна, считавшая, что любовь к рукоделию говорит «об интеллектуальном убожестве женщины», бабушкины дары — кружева-паутинки — принимала благосклонно. Ни в каком магазине такую прелесть не купишь ни за какие деньги.

Кроме того, сидя за рукоделием, бабушка разрешала еще одну нелегкую задачу — удерживала подле себя Люсеньку. Особенно ценно это было по вечерам, когда Сергею Николаевичу и Ларисе Львовне нужно было позаниматься или просто спокойно отдохнуть, а Люсеньке на сон грядущий требовалось похныкать и покапризничать. Наверное, ни одна кукла в мире не имела таких изысканных нарядов, как Люсины куклы, и ничья другая внучка не слушала столько бабушкиных сказок под мелодичный перезвон кленовых коклюшек.

Время от времени, когда позволяло больное сердце, бабушка отправлялась в поход к старым своим клиентам и брала немного работы.

Совсем немного, только чтобы не переводилась, хоть и небольшая, но все же своя, собственная копейка.

Но пришла новая беда. Осенью Лидию Павловну свалил ревматизм. Четыре месяца кочевала она из клиники в клинику. Потом ее выписали домой, хотя изуродованные болезнью суставы еще сильно болели и, что самое страшное, опухшие пальцы рук почти совсем перестали ей повиноваться.

Люся очень скучала без бабушки, но, когда ее привезли из больницы, Люсе казалось, что привезли какую-то не ту, не ее бабушку — такая она стала маленькая и старая... И глупая.

Лидия Павловна не понимала, какие горькие перемены принесла ей старость. Неверными стали движения, отказывала память, появлялась навязчивая старческая болтливость.

Но она ничего не понимала и упорно цеплялась за свое привычное место в жизни. Она пыталась еще хоть в чем-нибудь, хоть чуточку быть полезной.

И всем мешала и вызывала в окружающих раздражение.

Однажды, когда бабушка, тяжело дыша и нудно шаркая подошвами старых Ларисиных тапочек, полчаса бродила по столовой с тряпкой в руках, Лариса Львовна не выдержала:

— Боже мой! Лидия Павловна, ну кому это нужно? Идите к себе, отдыхайте!

Люся быстро и немного испуганно взглянула на мать, на бабушку. Нет, бабушка не обиделась, она молча пошла к двери, только Люсе показалось, что бабушка стала еще меньше ростом. И еще Люся заметила, что бабушка после этого случая входила в столовую, только когда звали кушать и изредка вечером, если там находился папа.

Побыть около сына, поговорить с ним теперь доводилось не часто. Он всегда спешил, всегда был переполнен своим, личным, и в этом личном места для матери уже не оставалось.

Как-то в поликлинике ей повстречалась Сережина лаборантка. Приветливо поздоровавшись, она поздравила мать с радостью. Ну как же! У Сергея Николаевича такие успехи на работе, его представили к премии, о нем недавно в газете писали, неужели Лидия Павловна не читала?

— Ну, что вы! Как же...— через силу улыбаясь, возразила мать: — Говорил Сережа... и газету показывал...

Разве можно было признаться чужому человеку, что не пришел Сережа порадовать ее своей победой? Замотался... Забыл. А может быть, просто в голову не пришло, какого торжества, какого праздника лишил он мать.

Раньше Лидия Павловна почти не умела плакать. Времени, что ли, не хватало. А теперь слезы текли сами собой. Но плакать в одиночку скучно. Нужно, чтобы кто-то добрый и понимающий сидел рядом... и погоревал бы вместе с тобой, и подбодрил: «Потерпи немножко, скоро лето, пожаришь на солнце свои косточки, подлечишься, и пойдет дело на поправку...»

Как-то в особенно горькую минуту, когда совсем уже непереносимо болели руки, Лидия Павловна пошла в комнату сына. Ларисы Львовны не было дома. Сергей Николаевич куда-то очень спешил. С озабоченным лицом он торопливо завязывал перед зеркалом галстук.

Он очень спешил, и он уже привык к мысли, что мать стара, больна, что в ее возрасте положено плакать и жаловаться на старческие недуги.

— Доктора, Сереженька, говорят, что одними лекарствами теперь уже не поможешь...— всхлипывая и суетливо отирая опухшими пальцами слезы, спешила выговориться мать.— Я думала, может, в больницу опять лечь, полечиться, а они говорят, ни к чему...— Лидия Павловна не решилась сказать сыну, что доктор, кроме покоя и лекарств, настоятельно рекомендовал грязевое лечение. Но ведь грязи — это курорт!

— Ну, вот и хорошо... вот и правильно...— рассеянно пробормотал Сергей Николаевич, разыскивая в коробочке затерявшуюся запонку.— Отдыхай, отдыхай, мама... и поменьше расстраивайся. Что тебе еще нужно? Ты отдыхай...

Время от времени Сергей Николаевич сам заходил в комнату матери, но эти визиты уже не приносили ей радости. Он словно повинность отбывал. Он уже отвык делиться с матерью тем, что составляло основной смысл его жизни. Труд его давно перерос в творчество, мучительное и радостное. И что в этих трудных и сложных делах мог понимать человек, уже впадающий в детство?

Чаще всего они говорили о Люсеньке. Косясь, как ему казалось, незаметно на часы, Сергей Николаевич вяло толковал о странной неспособности Люси к математике и что английский ей тоже дается трудно. Придется, видимо, искать репетитора.

Люся в семье по-прежнему считалась слабенькой, хотя за последние годы она очень окрепла и выглядела даже упитаннее других, «здоровых» детей. Деликатно поддакивая сыну, Лидия Павловна каждый раз взволнованно обдумывала, не попросить ли у него немного деньжонок.

Но тут же отказывалась от этой соблазнительной мысли.

Во-первых, деньгами в семье заправляла Лариса Львовна, сын оставлял себе только на карманные расходы, а во-вторых, он мог по-

другое. Пассажиры... не поднимались в воздух. Да и летчики тоже. Выйдя из пилотской кабины, мы оказываемся в просторном светлом зале. Вдоль стен стоят сложные электронные приборы, пульт управления с телевизионным экраном, а посередине — «ИЛ-18», точнее, передняя его часть, где помещается пилотская кабина. Все вместе это называется Универсальный пилотажный летный тренажер.

С пульта управления старший пилот-инструктор тренажера Михаил Павлович Лозгачев может создавать «в воздухе» любые аварийные ситуации. Для летчиков они происходят так же, как в настоящем полете и, разумеется, совершенно неожиданно. Прежде чем отправиться в «рейс» на Симферополь, я попросил Михаила Павловича сделать «полет» аварийным», и он просьбу выполнил. И погоду соответствующую дал: «снегопад, Внуково самолеты не принимает».

На этом тренажере экипажи пассажирских лайнеров обязаны налетать ежегодно определенное количество часов.

Командир корабля Станислав Иосифович Мужило, только что испытавший все прелести «аварийного» рейса, говорит:

— Польза от таких тренировок большая. Я, например, летаю четверть века, и, слава богу, ни разу в воздухе пожара не было. И в полете, конечно, его для тренировки не устроишь. А здесь вот сегодня испытали пожар, да еще второй двигатель отказал. Навыки получили очень ценные...

нять ее неправильно, мог подумать, что она жалуется на невестку.

А Лариса Львовна никогда ей в деньгах не отказывала. Беда была в том, что все эти новые лекарства «от сердца» очень дорогие. Как-то она принесла от врача два рецепта. Лариса Львовна просмотрела их и, усмехнувшись, пожала плечами:

— Для чего же вы на одно лекарство выписываете два рецепта? Запасы решили делать?

— Это же не я, это, Ларочка, доктор. Оно, говорит, очень полезное, а бывает в аптеках редко...— торопливо начала объяснять Лидия Павловна.

— Ну хорошо, хорошо! — перебила Лариса Львовна.— Сколько же вам нужно?

— Да я, Ларочка, точно-то не знаю... Все они теперь какие-то дорогие...

— Двух рублей, я надеюсь, достаточно? — Она порылась в сумочке и положила на стол две помятые бумажки.

Вообще-то Лидия Павловна рассчитывала получить три рубля. Щеточка зубная у нее совсем вытерлась, и еще очень хотелось сходить в баню.

Никак не могла она со своими несчастными суставами приспособиться к глубокой и скользкой домашней ванне.

Конечно, если попросить, Ларочка не откажет, даст, но просить на баню язык не поворачивался. Вскинет Ларочка изумленно тонкую бровь: «Кто же ходит в баню, если есть собственная ванна?!»

И правильно, если разобраться, любой здравомыслящий человек расценит такую причуду как нелепую, старческую блажь...

В то ясное, в меру морозное утро Лидия Павловна в самом наилучшем настроении отправилась в поликлинику. Ночью она славно отдохнула, руки почти не болели, и сердце не мешало, а под утро ей приснилось что-то очень хорошее. В квартире уже никого не было, только в кухне, готовя обед, негромко напевала домработница Катя.

Из поликлиники, очень довольная и проголодавшаяся, она зашла в аптеку, потом еще посидела в скверике, отдохнула немного, полюбовалась на спящего в коляске румяного малыша.

Уже подходя к дому, вспомнила, что сегодня на второе Катя готовила любимые Сережины голубцы в сметане, и настроение у нее стало еще лучше.

Она не очень спешила, потому что была суббота, короткий день, обедали позднее, но все же не сумела рассчитать времени и к обеду опоздала.

А делать этого не полагалось. Семья сидела за столом.

В спешке Лидия Павловна, не переобувшись в коридоре в домашние туфли, ввалилась в столовую в своих разношенных, подшитых ботах.

Торопливо просеменив на свое место за столом, она оживленно и пространно начала рассказывать, как принимала ее сегодня новая врачиха — такая молоденькая, такая милочка, и имя словно специально для нее придумано — Ия Витальевна...

Лариса Львовна налила тарелку супа, твердо поставила ее перед бабушкой, твердо и коротко сказала: «Кушайте». Бабушка тревожно и вопросительно взглянула на невестку: что это, господи, какие-то они сегодня все надутые, уж не поссорились ли перед обедом? Она очень хотела есть, но еще сильнее хотелось ей поделиться своей радостью: ведь это же просто удача — попасть к такому милому врачу. Продолжая рассказ про милочку доктора, она торопливо и жадно глотала суп, потом выловила аппетитный хрящик и стала звучно обсасывать жирное, хорошо уваренное мясо. Сын, опустив глаза, хмуро доедал суп. Лариса Львовна, страдальчески сжав губы, отодвинула тарелку и положила ложку на стол. Тогда Люсенька, и сердясь и жалея бестолковую бабушку, с жестокой ребячьей прямотой оборвала ее увлекательный рассказ:

— Ну, бабушка! Ну чего ты кости хватаешь, когда у тебя и зубов совсем нету! Смотри, у тебя жир по подбородку течет!

— Людмила!—угрожающе пророкотал отец.

— Как можно, Люся?! — укоризненно простонала мать.

— Ну, а чего она, как маленькая?! Смотреть противно...— уже со злыми слезами в голосе закричала Люся.

— Выйди из-за стола! — рявкнул Сергей Николаевич.— Будешь есть в кухне, пока не научишься держать себя за столом!

Лариса Львовна медленно отодвинула стул.

— Извините меня, но я тоже, видимо, не умею держать себя за столом...— и, натянуто улыбаясь, пошла вслед за рыдающей Люсей в кухню.

Отшвырнув салфетку, выскочил из-за стола и Сергей Николаевич. Грохнув дверью, закрылся в спальне.

Лидия Павловна посидела еще немного за опустевшим столом... Есть уже не хотелось, но все же обидно было, что не успели голубцов покушать... Дура старая, сидела бы себе спокойно, а на нее, на старую бестолочь, разговоры напали... Ведь видела, что Сережа сидит такой суровый, видно, на работе что-нибудь не поладилось, и Люсенька была расстроенная, иначе с чего бы она так на бабушку накричала. Она подождала еще немного: может быть, обойдется? Вот выйдет сейчас Сережа, позовет Люсю, побранит ее сколько положено, и все помирятся... а голубцы и разогреть недолго...

Поздним вечером лежала она в своей темной комнатке и все казнила себя: вот ведь что, старая, натворила, девчонку из-за стола выгнали и спать уложили в столовой одну на диване.

Тревожно и напряженно вслушивается она в ночную тишину. Сережа такой нервный, вспыльчивый. Наговорит в горячке чего не надо, а Лара обиду прощать не умеет. Не раз уже бывало, что она после ссоры по неделе с Сережей не разговаривала. Сережа вида не подает, а в душе, конечно, мучается. Оба, глупые, мучаются. Смотреть на них — сердце разрывается, а помочь ничем не можешь... не нужна им теперь твоя помощь...

Но мать напрасно тревожилась. Никакой семейной ссоры не произошло.

— Ты сейчас раздражен, взвинчен, и я тебя понимаю...— говорит Лариса Львовна, сидя перед зеркалом и накладывая на лицо ночной крем: — Но ответь мне на один вопрос: многие ли старухи пользуются такими жизненными условиями, как Лидия Павловна? У нее отдельная комната, хорошее питание, абсолютный покой. Одета, обута. Разумеется, мы не имеем возможности покупать для нее новое, но я отдаю ей вещи, которые еще вполне могла бы носить сама. Я не понимаю, что еще нужно человеку ее возраста? В чем мы можем себя упрекнуть? Люся, разумеется, заслужила наказание, но нужно быть справедливым, Сережа... Ведь порой ты и сам с трудом сдерживаешься, а Люся — ребенок и многого еще не в силах понять... Боже мой, что делает с человеком старость,— горестно вздыхает она.— Ведь еще совсем недавно она была совершенно другим человеком. Как она была аккуратна, чистоплотна, сколько было в ней деликатности, такта... И самое ужасное, что она совершенно не понимает, как с ней трудно!

А бабушка все не могла уснуть. Откуда она берется, эта проклятая бессонница? Десятки лет она недосыпала, тысячи часов недоспала, теперь только бы и наверстать. Никто тебе не мешает... никому ты не нужна... спи себе на здоровье, а сна нет, хоть глаза коли... И лезет на память такое, что уже давно пора забыть. О чем нельзя вспоминать, особенно в бессонную ночь...

Как это было, когда Сережа в школе висел на волоске... Такой был всегда умненький, спокойный мальчик, а потом словно подменили ребенка... С хорошими детьми раздружился... учителей перестал уважать... Дерзкий стал, заносчивый, скрытный... Как она мучилась, пытаясь дознаться: что ему нужно, чего ему не хватает?

Ее вызывали в школу. Сначала классный руководитель, потом завуч, потом сам директор. Ей разъясняли, внушали, требовали, чтобы она повлияла на сына. Вместе с Сережей ее «выводили на педсовет».

Это была голгофа. От Сережи требовали немногого: чтобы он попросил прощения и дал слово... А он стоял перед ними и молчал.

А было еще и такое. Встретился ей человек... Очень хороший человек... умный и добрый. И красивый... И по годам ровня. Ей даже перед людьми было неловко — так она тогда расцвела вдруг и похорошела. Он мог заменить Сереже отца, но Сережа с первой встречи люто его возненавидел.

Как-то она вернулась домой поздним вечером, помолодевшая, оживленная, и Сережа понял: сейчас все решится, сейчас она ему скажет. Он забился в угол постели и, ощетинившийся, несчастный, стискивая зубы, чтобы не разреветься навзрыд, твердил хриплым от слез голосом: «Мне теперь все равно... делай, что хочешь... а я уйду!» Она прекрасно знала, что никуда он не уйдет и не сделает ничего страшного, но она знала и другое: никакого счастья у нее не получится. И как раз в это время у него начали налаживаться дела в школе... Какая уж там любовь, если ребенок опять мог выйти из колеи...

Уже в смутной полудремоте припомнилось совсем недавнее. Ранняя весна... Сережу вызвали в трест, он опять придумал что-то очень интересное и ценное для завода. Она сидит в кухне, чтобы не прокараулить его, ей не терпится узнать: как все это там было, в этом самом тресте? Как его принимали, хвалили, наверное, благодарность выносили...

Он приходит возбужденный, сдержанно сияющий. В руке у него два букетика ранних подснежников. Маленький он так любил живые цветы, и она всегда приносила ему весной букетик самых первых, ранних подснежников. Лучась благодарной улыбкой, мать смотрит на букетик — сейчас она нальет в голубую вазочку воды и поставит милый Сережин подарок на тумбочку, у самой постели.

— Лариса пришла? Людашка дома? Ну, а ты как? — спрашивает на ходу Сергей Николаевич и, не дожидаясь ответа, уходит в комнату.

Цветы он принес жене и дочери.

Сергей Николаевич спит без сновидений. Спокойно и крепко, как положено спать здоровому усталому мужчине.

А что, если бы вдруг под утро ему приснился сон... путаный, зыбкий, нелепый...

Вот он в заводской кассе получает зарплату, шутит с миловидной кассиршей, не спеша пересчитывает солидную пачку денег, и вдруг... чепуха какая-то, совсем это не заводская касса, а бабушкина спаленка... Но в руке та же пачка денег... Он отделяет несколько бумажек и кладет их перед матерью.

Оказывается, это ее пенсия. Та самая пенсия, которой он ее в свое время лишил... Небольшие деньги, но вполне достаточные, чтобы вернуть ей давно утраченное чувство независимости.

Тут опять все смещается, куда-то уплывает... Он уже на улице, он ведет под руку мать, бережно ведет, приноравливая свой широкий шаг к ее мелким, семенящим шажкам. Они не спешат, у них есть в запасе время, чтобы до начала сеанса еще попировать в буфете. Он приносит ей на картонной тарелочке пирожные... Смешно, но это те самые «наполеончики», какие она приносила ему когда-то в дни получки...

Снова путаница, какая бывает только во сне. Он приходит вечером домой. В коридор выскакивает Люся, виснет у него на шее.

«Как себя бабушка чувствует?»— спрашивает он тихонько.

«Она опять плакала...» — шепчет Люся, и Сергей Николаевич, крякнув, идет в комнату матери.

«Что-то устал я сегодня зверски, ничего уже в голову не лезет...— говорит он, с хрустом потягиваясь.— Слушай, мам, как ты смотришь насчет в картишки перекинуться? За вами с Люськой должок, вы же меня в прошлый раз три раза подряд в дураках оставили... Реванша жажду!!!»

Он тасует карты и рассказывает ей, какие великолепные парни работают в его лаборатории, как он с их помощью придумал еще одну занимательную штуку.

И — странное дело — оказывается, она все понимает... все прекрасно понимает.

Разные сны могут привидеться человеку, особенно под утро.

Но Сергей Николаевич спит без сновидений.

Окончание следует.

В. Цвирко. (Минск). БЕРЕЗИНА.

М. Саидов. (Ташкент). К СВЕТУ! (ЛИКБЕЗ)

Э. Калниньш. (Рига). НА ДИСТАНЦИИ.

ПОТУСТОРОННИЕ НРАВЫ

ГАНГСТЕРЫ ПОДАЮТ В СУД

В. НИКОЛАЕВ

ПРОЦВЕТАЮЩИЙ БИЗНЕСМЕН

Джозеф Серрито — преуспевающий американский бизнесмен. Это мужчина среднего возраста, с широкой открытой улыбкой на чуть расплывшемся лице. Проживает в Санта Клара Вэлли (штат Калифорния), занимается продажей иностранных и американских автомобилей, а также владеет авторемонтными мастерскими. Образ жизни ведет оседлый: имеет свое дело в этих краях уже 25 лет.

Мистер Серрито — американец вполне добропорядочный. Уважает закон, исправно выплачивает подоходный налог, никогда не вступал в конфликт с полицией. Живет тихо, хотя и на широкую ногу, как это и положено человеку преуспевающему. Гостеприимен и общителен. Друзья его дома являются в основном тоже бизнесменами: владелец центра по прокату автомашин, владелец фабрики по химической чистке одежды, владельцы ресторана, пекарни, фруктовых плантаций...

Солидный дом Серрито, почему-то покрытый позолотой, стоит в центре большого зеленого массива, въезд в который возможен только через могучие железные ворота. Эти ворота и сусальная окраска дома, конечно, не говорят об утонченном вкусе владельца, но являются, согласитесь, чудачеством вполне безобидным.

Так бы вот спокойно жил и поживал, делал бы спокойно деньги мистер Серрито, не заведи он судебной тяжбы, удивившей не только его соседей. Никогда не знавший дорогу в суд, Серрито явился туда и, как говорится, вчинил иск. Он обвинил в клевете всемирно известный американский журнал «Лайф». В своем заявлении в суд он указал на то, что эта клевета наносит ему, бизнесмену, материальный ущерб. В соответствии с размером своего дела, а также, исходя из масштаба клеветы, он оценил этот ущерб в ... семь миллионов(!) долларов. Не каждый день даже «Лайфу» предъявляют такой счет.

Суть дела «Серрито против «Лайфа» состоит в двух словах в следующем: «Лайф» назвал его одним из руководителей Коза Ностры.

ПРОЦВЕТАЮЩАЯ КОРПОРАЦИЯ

Среди многочисленных фирм и корпораций, существующих в США — стране так называемого свободного предпринимательства, есть весьма своеобразная организация — Коза Ностра. По размерам своих финансовых операций она принадлежит к самым крупным корпорациям США. Ее годовой доход составляет почти 50 миллиардов долларов! Что это значит по американским масштабам? А вот что: эта сумма превышает доходы всех(!) автостроительных монополий, вместе взятых. Эта сумма больше, чем стоимость всех(!) акций, продающихся в течение года на нью-йоркской бирже.

Но самое удивительное состоит в том, что Коза Ностра — это не фирма по производству, скажем, ракет или прохладительных напитков, а всеамериканский преступный синдикат.

Его существование — неотъемлемая черта американского образа жизни Время от времени тема Коза Ностры проходит по страницам американской прессы и по экранам кинотеатров в качестве острой приправы в детективных историях как взятых из жизни, так и беллетризованных. В прошлом году была предпринята, кажется, первая попытка подойти к этому синдикату не с точки зрения уголовной сенсации, а по-научному, с государственной точки зрения. Специальная комиссия при президенте Джонсоне собрала материал об этой корпорации.

Собранные комиссией факты не открывали Америки, но привели разрозненные ранее данные о Коза Ностре в некую более или менее стройную систему. Преступный синдикат состоит из 24 полунезависимых «семей», в каждой из них — от 20 до 1 000 членов. Во главе «семьи» стоит босс. Восемь таких боссов составляют верховный коллегиальный орган Коза Ностры — «комиссию». За каждым боссом стоит его заместитель, за ними идут «капитаны», возглавляющие «взводы». Последние состоят из «солдат» — рядовых гангстеров. По такой цепочке полиции даже при желании нелегко добраться до босса. Безопасности руководителей Коза Ностры способствуют и другие обстоятельства. Во-первых, все они давно и прочно вторглись в легальный бизнес, вложив в него средства, заработанные на преступлениях. Во-вторых, организация ежегодно ассигнует на подкуп полиции 4,5 миллиарда(!) долларов. Наконец, в-третьих, членов организации ждет за измену только одна кара — смерть. Обычной мелкой уголовщиной, вроде краж и грабежей, синдикат не занимается. Шантаж, вымогательство, подряды на убийство, спекуляция наркотиками, содержание игорных домов, продажа зарубежным, главным образом, латиноамериканским, диктаторам крупных партий оружия, участие в переворотах, устраиваемых в Латинской Америке,— вот основные источники доходов синдиката.

Обо всем этом и было рассказано в «Лайфе» на основании материалов, подготовленных комиссией при президенте Джонсоне. В том же номере журнала и было сказано, что Джозеф Серрито является одним из 24 боссов Коза Ностры. Больше в журнале о его особе не было сказано ни слова.

НА ЧТО ЖЕ ОБИДЕЛСЯ СЕРРИТО?

Ну, назвали его одним из руководителей Коза Ностры. Такой ярлык в современной Америке звучит скорее комплиментом и грозит Серрито разве только тем, что образ его попадет в детективы и кинобоевики. Жизни его, как видно из приведенного выше рассказа о Коза Ностре, ничто не угрожает: для таких, как он, у американской полиции руки коротки.

Все дело в том, что в иске Серрито «Лайфу» звучит не страх бандита-наглеца, а обида американского бизнесмена. Как же это, мол, так? Он четверть века добросовестно играет роль делового человека, можно сказать, уже вошел во вкус и делает деньги, не нарушая закона, с неменьшим удовольствием, чем наживая их на преступлениях. Его деятельность бизнесмена у всех на виду, а вот другая, преступная, сторона его жизни никого не должна касаться, коль скоро руки закона до нее не добрались. Таков ход мыслей Серрито. Правда, его адвокаты, составлявшие заявление в суд и подавшие туда его, пишут весьма утвердительно только об одной жизни своего клиента, вовсе не касаясь второй: «Мистер Серрито является бизнесменом в Санта Клара Вэлли вот уже 25 лет и ни сейчас, ни когда-либо не был членом какой-либо преступной организации».

А такое утверждение может стоить 7 миллионов редакции «Лайфа», если она его не опровергнет. И хочешь не хочешь, приходится опровергать. Поэтому в «Лайфе» публикуется несколько основанных на документах и фотографиях полос, рассказывающих о другой, настоящей жизни мистера Серрито.

Вот большая фотография: Серрито что-то оживленно обсуждает с пожилым джентльменом в темных очках. Это Фрэнк Гарофало, один из руководителей итальянской мафии. Снимок сделан в 1964 году в сицилийском городе Палермо. Это трогательное свидание двух коллег запечатлел полицейский фотообъектив, оснащенный хорошим телевиком. Итальянская полиция любезно предоставила снимок «Лайфу».

История заокеанской поездки Серрито очень любопытна. Его командировка была вызвана такой настоятельной необходимостью, что пришлось идти на риск быть запечатленным на полицейской пленке, правда, итальянской. А это не так страшно, ибо власти Италии до сих пор безуспешно требуют, чтобы Серрито предстал перед их грозными очами, а он, естественно, того не желает. Американские же полицейские власти по закону не имеют права взять и доставить его своим заокеанским коллегам.

А дело тогда, в 1964 году, было в том, что в самой верхушке Коза Ностры разгорелась ожесточеннейшая борьба за власть. Босс гангстеров Нью-Йорка Джо Бонанно решил расширить свои владения за счет других гангстерских боссов. Те, естественно, воспротивились. В результате Бонанно был ими похищен и посажен под арест. А Серрито был послан в Палермо, чтобы доложить о создавшейся ситуации сицилийской мафии и получить там соответствующие инструкции.

«Лайф» приводит несколько подобных фактов, говорящих о руководящей роли Серрито в Коза Ностре. Вот один из них: выписка из регистрационной книги отеля Кейси в городе Скрэнтон (штат Пенсильвания) от 13 ноября 1957 года. В этот день вблизи этого города состоялся съезд боссов Коза Ностры. Запись в отеле Кейси рассказала о том, что туда одновременно прибыли пять боссов, в том числе и Серрито. Гостиничные счета показали, что платил за всех один из дружной пятерки, босс местных гангстеров Бафэлино.

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

Эти и другие подобные доказательства, возможно, помогут «Лайфу» выиграть судебное дело и не платить 7 миллионов Серрито. Но этих же доказательств явно не хватит на то, чтобы засадить гангстерского босса за решетку. В его судьбе, как в капле воды, отражены все противоречия так называемого мира свободного предпринимательства, где царит одна мораль: деньги не пахнут.

Вот свидетельство, взятое из доклада руководителя Федерального бюро расследований (ФБР) Эдгара Гувера:

«В последние годы крупнейшие преступники покинули темные убежища гангстерских банд и влились в главное русло американской жизни. У этих преступников есть колоссальные средства. С этими деньгами они вступают в сферу законного бизнеса. Они проникают даже в некоторые профсоюзы. Используя эту свою новую «респектабельность» и богатство, гангстеры в состоянии оказывать определенное влияние на правительство, бизнес и профсоюзы и тем самым расширить сферу взяточничества и коррупции».

Красноречивое признание! Судебное дело, затеянное гангстерским боссом Серрито против журнала «Лайф», лишний раз подтверждает справедливость приведенного выше признания Гувера. После того как «Лайф», используя официальные материалы, чуть приподнял завесу молчания над Коза Нострой, ее руководители решили сделать ход конем и вчинили иск журналу от имени Серрито.

Что ж! На гангстерских боссов в США давно нет управы. И главный виновник создавшегося положения — сам строй, их породивший. Ведь они не просто гангстеры, а к тому же еще и бизнесмены. А какой суд сумеет провести грань между уголовным и легальным бизнесом? Да и где она, есть ли она, эта грань, в США?! Не случайно уже стало афоризмом изречение: «Все крупные состояния нажиты нечестным путем». Возможно, придет и такой день, когда боссы Коза Ностры потребуют, чтобы акции их синдиката продавались и покупались на нью-йоркской бирже наравне с акциями других компаний. А пока можно только констатировать, что в так называемой американской демократии произошел новый качественный сдвиг: теперь гангстеры подают в суд (правда, не сами, а через своих адвокатов).

Иван ГАЙДАЕНКО

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЗАБЫТЬ НЕ М

Перед вечером мы снялись с Одессы на Ялту. Белоснежный лайнер переполнен музыкой, красками одежд и шумом говорливых пассажиров. Круиз по Крымско-Кавказскому побережью с иностранцами — путешествие веселое, занятное и немного грустное.

Над стеньгами мачт прошумела крыльями лебединая стая. На палубе свист, улюлюканье, хлопки в ладоши. Задрав головы, наши пассажиры развлекаются; интересно вспугнуть молчаливых странников неба. Мы люди! И все для нас, для нашей забавы. Нам все позволено. Мы высшие существа!

Свист, улюлюканье не утихают. Упругие крылья не дрогнули, их взмахи остались плавными и размеренными, гордые птицы даже не удостоили взглядом шумящих людей на палубе.

В бинокль мне хорошо видны стреловидные шеи задумчивых жителей озер, видны их глаза: черные, немигающие, устремленные вдаль. И лебеди совсем не белые, они лилово-розовые. В сказочный цвет их окрасило солнце, упавшее в море и плывущее в его прохладной синеве.

Куда держат путь безмолвные пилигримы? За солнцем им не угнаться, от темени ночи им не уйти. Кто прогнал их с родных озер, кто разорил их гнезда? Зверь, человек? Лететь на зимние кочевья рано, над морем еще дремлет мягкий и тихий август. А может, вещие птицы почуяли ранние холода? Опять холода. И весна была поздней, и лето слезилось дождями, неужели снова зима осмелилась попрать право тепла?

На меня смотрит Марта — молодая немка, длинноногая, смуглая от загара.

Марта стоит у купального бассейна, не сводит глаз с мостика. Она плавно машет разведенными в стороны руками. Наверное, хочет сказать мне: «Как жаль, что я не птица, что я не с ними». А может, другое у нее на уме.

У меня ноет левое плечо, сверлит, печет огнем в кости. На непогоду, что ли? Где-то под затянувшейся раной бродит осколок крупповской стали.

Странная немка, что ей от меня надо? Смотрит и смотрит, ждет, чтобы перехватить взгляд. Только снялись с Одессы, она явилась в радиорубку. В ее люксе почему-то перестал работать трансляционный динамик. Все время работал нормально и вдруг скис. Пойду проверю.

На столе в каюте коньяк, ананасы, бананы, яблоки. Кого-то ждут две налитые рюмки. Орет включенный на полную мощность вполне исправный динамик. С удивлением смотрю я на пассажирку с причудами: пьяная ты или шизофреничка? Поворачиваюсь резко и ухожу.

В сиреневых брюках, в розовой гипюровой кофточке она явилась на мостик, принесла несколько цветных фотографий: разноцветные квадраты цветов — их целое море — и в центре — белый гарцующий жеребец. В седле — амазонка вся в черном с хлыстом в руках. Поводья натянуты, удила раздирают рот жеребцу. На другом снимке — аэродром, грузят цветы.

Где-то на Эльбе, под Гамбургом, Марта разводит цветы, плантации в сотню гектаров: розы, тюльпаны, астры, камелии, гладиолусы, флоксы...

Утонченная натура, обезумевшая от красы земной, утонувшая в эстетике природы, отрешенная от прозаического мира, вся поглощенная бархатом красок и тонкостью ароматов?!

Было бы так, да деньги. Деньги на соках земли, на лучах солнца, деньги на красках радуги. Жестокая проза, и ни росинки поэзии.

Сумасбродная вдова ворочает миллионами. Сейчас она играет влюбленную.

Она приглашает меня в ресторан.

— Благодарю вас, я не смогу, служба...

Она капризно надула губы.

— Я пожалуюсь на вас капитану...

Кто знает, что можно еще ожидать от нее, какие коленца вздумает выбросить?

Пока что она стоит у купального бассейна и смотрит, смотрит. Откровенно похотливая улыбка раздвинула ее губы, оголила края зубов, мелких и острых, как зерна белого маиса.

Ноет плечо. Сверлит, печет в кости.

Все пассажиры шумно бросились к борту. В море резвится стайка дельфинов. Изогнутыми торпедами они вылетают из воды и снова заныривают в море.

— Менаж а труа (любовь втроем),— лукаво шутит Марта на ломаном французском.

— Торпедо командо,— замечает Гайке, пожилой миллионер из Бонна, он считает дельфинов,— айн, цвай, драй!

И в этом счете, в его произношении слышится что-то солдатское.

Я вижу кованые ботинки и лаковые сапоги, пахнет гарью пороха...

Гайке — пассажир второго люкса.

— Вы обязаны выделить мне надежного частного детектива,— категорически потребовал он от нашего капитана.— Оплата по соглашению. Со мной банковский чек на крупную сумму, и вы должны гарантировать безопасность моей персоны и моего состояния.

Капитан рассмеялся:

— Сдайте, пожалуйста, свой чек в камеру хранения.

— Там нет даже полицейского, нет сейфа с сигнализацией.

Теперь Гайке успокоился. Его чек под сохранную расписку взял в свой жиденький сейф — обыкновенный железный ящик — третий помощник капитана.

Гайке сопровождает старый, ленивый бульдог — пассажир равноправный, он имеет билет, свой паспорт о здоровье и международное свидетельство о прививках. Спит в люксе на второй кровати, пользуется комфортом, питается лучшими блюдами ресторана. Живет собака!

Угасает солнце. В небе остановилось белое застывшее облачко, похожее на одинокий айсберг в океане. В прогретой солнцем голубизне еще парят зоркие бакланы. Под их крыльями покачивается белый клотик мачты, развевается красный флаг. Острый нос лайнера распушил белые усы пены, мелкая водяная пыль играет последней радугой.

Лебеди. И наш белый лайнер похож на лебедя, он тоже лилово-розовый, освещенный лучами заходящего солнца.

Лебеди. Сколько легло таких «лебедей» на дно морское! Я вспоминаю белые лайнеры, палубы, усеянные пассажирами. Словно флаги расцвечивания, пестрят разноцветные косынки и платья, а ночью — огни, огни и музыка из корабельных салонов. И все оборвалось... Поблекли краски: землистые лица людей, серые одежды, белые бинты и гипсовые упаковки, красные кресты на бортах, на палубах, тусклые огни, грохот взрывов и скрежет рваного железа, рев воды в пробоинах, надрывные крики захлебывающихся, беспомощных людей в бинтах и гипсе, кромешная тьма и придонный черный холод воды.

Сколько погибло их, белых и черных «лебедей»?!

Когда-то всегда под вечер или ранним утром, озаренные солнцем, они выходили за Воронцовский маяк и гудками прощались с родной гаванью, надеясь, что вернутся в свой дом через неделю или через десять дней.

Без гудков, не попрощавшись, они уходили от нас навсегда. Причудливыми скалами лежат они сегодня на смертельно израненных боках, обросшие ракушками, водорослями. В трюмах, машинных отсеках копошатся крабы, в каютные зеркала стучат туполобые рыбы, озорные дельфины бьют плавниками по медному колоколу на баке. Тот колокол сиял когда-то, как солнце, и был звонким-звонким. И теперь он звенит, но звенит глухо, тоскливо, один дельфиний слух способен улавливать эти звуки. И только изредка, в самую тихую ночь, ласковая волна легким всплеском доносит и к нашему уху сонный, отрывистый звон.

Утонуло солнце. От его жара почернела синева. Ночь навалилась на море, на небо. Ночь тихая-тихая, с глазастыми звездами.

— Дамы и господа!

Никак голос нашего капитана. Да, это он, с поднятым бокалом в руке, весь в белом. Сияют золотые нашивки на его погончиках. И все вокруг отдает белизной: белые скатерти, белые конусы салфеток, белые куртки официантов, светлые наряды дам и только темные костюмы мужчин. Сверкает хрусталь, столовое серебро, до едкого блеска начищена медь и никель труб и саксофонов. Букеты гвоздик красными пятнами крови обрызгали столы.

— Дамы и господа! Было время, когда мы встречались на войнах, знакомились в плену, концлагерях и тюрьмах. Пусть никогда это не повторится...

Ресторан первого класса взрывается бурей аплодисментов.

— Радостнее возить веселых туристов, чем хмурых солдат, приятнее пить шампанское, чем ржавую воду из котелка. Пусть же наши знакомства начинаются рукопожатиями, приятными путешествиями с цветами на стадионах, выставках, фестивалях. За ваше здоровье, уважаемые дамы и господа!

Как листва на сильном ветру, шумят аплодисменты, подкрепленные многоголосым говором.

Гайке протягивает свой бокал к бокалу капитана:

— Цум воль!

— За большой дружба врагов вчера — друзей сегодня,— провозглашает Марта.

Ах, как хочется мне ответить и Марте, и Гайке, и всем, всем:

— Чтоб нашим детям никогда не довелось воду делить по граммам. И вы за это в первую очередь в ответе, уважаемые дамы и господа!

Все пьют. Пьют водку, коньяк, шампанское. «Боржоми» пьют немногие, но и те звонко чокаются.

Всплеск звонкой воды... Откуда-то издалека, из самой черной, непроглядной ночи морского дна едва доносится гудение колокола. Мне слышится перезвон склянок погибших кораблей. Медь, придавленная толщей водного простора, звенит глухо и жалобно.

В тишине ночи, в ее тьме таится что-то тревожное. Мне кажется, что море заволновалось, оно грохочет, шипит, пенится. Свистит, завывает ветер. Под ударами осатанелой воды скрипит, стонет железо. На гребнях волн взлетает неказистое судно. Вокруг овальное пятно белой взмыленной воды. Сквозь каскады брызг и водяной пыли проглядывают контуры одинокой мачты и мостика. Низко плывут изорванные клочья туч. Иногда в просветы меж облаками заглядывает с неба любопытная звезда.

Я вижу, как из черной вспененной пучины вырисовываются мокрые головы людей, они открывают рты, шевелят губами. Чья-то поднятая рука. Она машет мне из воды, приветствует или зовет к себе. Чьи-то руки, сложенные в мольбе, руки, сжатые в кулаки, руки с растопыренными пальцами...

Из воющего мрака я слышу человеческие голоса. Они перекрывают грохот моря.

Чья-то рука мягко ложится мне на плечо. От руки веет подогретым запахом дорогих французских духов.

...Оборвался гудок, последняя волна накрыла кричащих людей, все исчезло, смолкло. Тихая звездная ночь и застывшее, молчаливое море. Рядом Марта. Я слышу ее дыхание и легкий запах шампанского. Снова ноет плечо, печет, сверлит.

Марта тянет меня в ресторан. Там уже паясничает джаз: как летящая бомба, ноет кларнет, взрывами ухает тромбон, лязгают медные тарелки, автоматными очередями стрекочет барабан, надрывно орет труба, стонет, захлебывается саксофон. Наконец, пианист исполняет свою партию, играет без мысли, без огня — колотит по клавиатуре, чтобы погромче да поотрывистее. Словно на иголках, на горячих углях подпрыгивает, вертится король джаза — ударник. Смеется, хохочет, заливается саксофон. Весело! А мне грустно.

Где сейчас лебеди? Приземлились на каком-

огу

то берегу или плывут дальше по звездам? Почему они улетают так рано? Неужели наступят холода? Так было в сорок первом, и лебеди тогда улетали в августе.

Марта ушла оскорбленная, разгневанная. Я один. Я, море и ночь. И снова перед глазами все, что забыть не могу и не забуду, пока смотрят глаза и стучит сердце...

• • •

Гудящий, сотрясающий гром рвет и вздыбливает воду, землю, небо. Кто увидел клуб огня в вихре черного дыма и пыли, тот услышит и раскаты грома, того миновала смерть.

Воронки, ямы и ящики с адресами, битый камень, скрученное, покореженное железо, станки, машины и тюки с адресами. И люди в брезентовых робах: потные, пыльные, покрытые гарью. Они не чувствуют тяжести ящиков и тюков, не ощущают боли ссадин и порезов. Кажется, хрустят, скрипят их хребты и кости, потрескивают натянутые, как струны, жилы, напряженные мышцы.

Это причал. К нему привязан низкорослый, обшарпанный и ржавый теплоход «Пахарь». Громкое слово «теплоход», дырявое корыто с осанистой трубой, поставленной по недоразумению с крупнотоннажного судна. Моряки с больших океанских судов посмеиваются: «Пахарь»... времен деревянной сохи».

Правда, теперь к «Пахарю» отношение уважительное, словно он звание адмирала получил. Раны. К ранам доверия больше, чем к самим подвигам, документам и орденам. Раны — непосредственные свидетели жарких сражений и побед. А ран у «Пахаря» поди сосчитай: тридцать девять рваных — осколочных, девяносто восемь пулевых — навылет и бессчетное количество касательных. Пробоины в бортах матросы заколотили деревянными чопами, и они торчат снаружи, как бородавки. В надстройке и в рубках ровные полосы прошитых дыр, старпом называет их «дополнительной системой вентиляции».

Заканчивается погрузка. И, как назло, на разные голоса завыли гудки и сирены, заухали зенитки. На щуплых грузовых стрелах плывут, покачиваясь, ящики. По нетесаным доскам кто-то наспех намазал кузбассланом: «Большая земля». А ниже, под кривой и разорванной чертой,— адрес отправителя: «Одесфронт». Буквы кривые, горбатые, и читать надпись можно как угодно, хочешь, читай «одесфронт», хочешь — читай «одесфрант». Война не дружит с каллиграфией, грамматикой и излишней точностью адресов.

Война войной, а корабельная жизнь течет по расписанию, как в мирное время. Скоро обед. В небольшой столовой «Пахаря» Любовь Николаевна накрывает стол. У серванта с посудой стоит Полинка — дочь Николаевны. Ей лет восемнадцать: озорная смазливая девчонка.

— Бабушке прикажи радио не выключать,— строго наставляет Любовь Николаевна,— и сама не очень геройствуй, во время налетов прячьтесь в подвал... И прошу, Полина, закрывайте комнату. Да смотри мне, не потеряй ключи, ты умеешь...

— Ну, что ты, мамочка, я не маленькая...

Украдкой Полина шарит рукой в ящике серванта, незаметно достает там ключ и зажимает его в руке.

— Гляну на палубу, мама.

— На палубе не болтайся, мешать будешь. Капитана проведай, к Валентину зайди...

— Есть, мамочка! — Полина подошла к столу, вынула из вазы несколько роз и убежала. Николаевна только улыбнулась ей вслед.

На моем столе в радиорубке большой букет роз — красных, белых и розовых. Их принесла с берега и поставила в стеклянную вазу Любовь Николаевна.

— Это тебе, зятек.— Так всегда говорит она мне, даже когда подает обед. А мне становится жарко от этих слов, и я отвечаю односложно, невнятно:

— Спасибо.

— Маркони, к вам можно? — Это она, голос Полины.

— Мгу,— отвечаю ей и чувствую, как тело мое становится тяжелым, неповоротливым, а язык словно прилипает к нёбу.

Она смерчем влетает в радиорубку. На миг останавливает быстрый взгляд на букете роз, присоединяет к нему свои красные-красные и бросает мне колючее:

— Здравствуй, отшельник!

Я чувствую, как лицо мое становится красным и потным, особенно горят уши. И пока я собрался ответить ей «здравствуйте!», Полина заговорила снова:

— Вы... знаешь, Валентин. Я потеряла ключ от квартиры. Ой и нагорит мне от мамы! — Она протягивает мне плоский ключ от английского замка.

Я чувствую ее взгляд на себе, неравнодушный взгляд, обжигающий, и мне страшно поднять глаза.

— Как же теперь... Как же в квартиру? — выдавливаю я.

Она смеется.

— Через окно. Просто...

— А это высоко?

— Второй этаж.

— Можно разбиться...

Смех ее становится еще звонче, и я никак не могу найти самого себя, обуздать робость. Ясное дело — смеется она надо мною. Смешной я, смущенный и растерянный.

— Чепуха. У дворника лестница есть, складная,— сыплет она слова сквозь смех и переходит на шепот заговорщика:

— Быстро-быстро ключ такой сделать можешь? Чтобы мама не знала... Точно-точно такой...

Она протягивает мне ключ почти к самому носу, и я вижу ее добрые, смеющиеся глаза. От их блеска мне хочется провалиться через все палубы, и я мямлю, что-то жую, вроде:

— Ключ? Ключ я не умею... подделывать, это мастера...

— А,— разочарованно машет рукой Полина,— одна досада! — И смерчем унеслась на палубу.

Опять ушла. Какой же я бестолковый телок! Не знаю, зачем выхожу из рубки.

У входа в машинное отделение стоит Борис, ладно скроенный парень, отличный моторист. Приглаживая волосы, он издали следит за Полинкой, а когда она проходит мимо, Борис говорит ей невзначай:

— Решая сложную задачу, вас огорчила неудача!

— Вы угадали.— Полина остановилась.

— Умею читать мысли на расстоянии.

— Интересно. А ключи делать умеете?

— Что за вопрос? Конечно. Слесарь — моя старая специальность.

Полина протянула ему ключ.

— Вот. Точно такой и быстро...

Она смотрит на ключ в руках моториста, а Борис смотрит на ее лицо, в светлые глаза, на ямочки щек.

— Пожалуйста. В два счета, для меня это семечки... Пойдем в каюту, сниму размеры.

Размеры. Ну и хитер, сатана. Какая-то неот-

ложная необходимость гонит меня в мою каюту. Наши каюты рядом, нас с Борисом разделяет одна переборка, она настолько тонкая, что слышно, как за ней шумит вентилятор, кажется, я даже вижу все, что происходит там...

На листе ватмана лежит ключ. Карандашом Борис сосредоточенно обводит его очертания, кронциркулем точно обмеривает бородки и углубления, записывает миллиметры на бумаге и, улыбаясь, спрашивает:

— А два ключа сделать можно?

— Два? Зачем?

Борис хитровато снизал плечами, передернул бровями.

— Так... про запас.

— Нет, я больше терять не буду.

— Хорошо. Завтра готово.

— У-у-у. Как долго! А сегодня, сейчас нельзя?

Лицо Бориса становится серьезным, даже хмурым. Он смотрит ей прямо в глаза.

— Если ключ от вашего сердца...

Вспыхнула Полина, насупилась, глубокая складка залегла на ее лбу, метнула в него сердитые глаза.

— Ясно, договорились.— Оробел Борис, кажется, отступает. А может, тактика успокоения?

— В рейсе ключ отдайте маме, а мамин я возьму с собой,— сухо говорит она Борису и протягивает руку за ключом.

— Еще не все измерено.— Не отдал он ключ.— И сердиться не надо. Вам совсем не к лицу, клянусь адмиралом Фонфорбомбрамстеньговым.

Не удержалась Полина, рассмеялась. Смешная фамилия.

— Как, как этого адмирала?

— Фонфорбомбрамстеньгов, тот самый, который путал кранец и транец, вельвет и вельбот, барокко и Марокко, шпагат со шпигатом, Бостон с кингстоном, Темзу с пемзой и Аддис-Абебу с Бебой из Одессы.

Смеется Полина, громко и заразительно. Улыбается Борис, протягивает ей ключ на ладони и вдруг хватает Полину за руку, рывком притянул к себе.

На лице Полины растерянность, оцепенение. Большие, испуганные глаза смотрят на Бориса. И хлынули слезы, горячие девичьи слезы обиды. Она закрыла лицо руками и выбежала из каюты. Грохнула дверь.

— В море, уходите в море! — орет начальник причала.— Идут эшелонами.— И он тычет забинтованной рукой в небо.

Рокочет небо, охают зенитные батареи, сверкают всполохи огня, раскрываются черные шапки взрывов.

Прижавшись к матери, рыдает Полина. Они стоят на причале у самого трапа, прощаются. Любовь Николаевна сама вот-вот разрыдается.

— Не надо, доченька. Успокойся, Полюшка, все будет... Иди, моя девочка... Мы скоро...

Уходит Полина. Идет она боком, машет рукой, всхлипывает.

— Бабушка пусть не экономит,— кричит ей вдогонку Любовь Николаевна, незаметно утирая пальцами слезы,— топленое масло в буфете, в самом углу...

Полина кивает в ответ головой, потом вздрагивает, резко поворачивается и бежит по причалу к проходной. Кажется, она увидела Бориса, своего обидчика. Он стоит на шлюпочной палубе с поднятой рукой и чуть-чуть вертит в воздухе ладонью.

Смелый парень Борис, упорный, не умеющий отступать. Матери она, как видно, не пожаловалась, значит, победа близка.

Зачем, почему начальник причала выгнал нас в море? Ведь человек живет на суше, по ней он свободно ходит, на ней он строит города, и суша — родной его дом, а в своем доме хозяин знает каждый закоулок, в своем доме легче укрыться от беды. Но война живет своими жестокими законами: судно в море — мишень движимая, в нее попасть труднее, чем в недвижимую, а кроме того, нельзя засорять порт всякой мелкотой, которая и груза берет мало, а в случае гибели причальную линию сокращает на много метров.

Под бомбежкой снялись мы на Новороссийск. Выползли тихо и незаметно. Первый наш курс пролег от Одессы до мыса Херсонес. Никто не подозревал, что курс на Сарыч нам прокладывать не доведется. Никто не знал, что немцы уже в Скадовске и оседлали Тендровскую косу.

Перед нами лежит безбрежное море: тихое и голубое. Устало ползет приземистый «Пахарь». Бубнит труба. В прозрачной голубизне крутится винт и вьет бесконечную серебристую спираль из пузырьков. Чуть-чуть шевелится красный флаг на кормовом флагштоке. Ниже — тупо срезанная корма несет на себе скромное имя «Пахарь» и еще ниже, почти у самого буруна,— порт приписки, Одесса. За кормой тянется белесая полоса кильватера.

И вдруг морского работягу обгоняет гордый лайнер. На его белых бортах красные кресты, как кровь, проступившая через бинты. Острый форштевень огромным лемехом пашет и пашет море, беспрерывными отвалами разворачивает по сторонам синеву. Лайнер всегда остается рысаком. Он белый, как лебедь, и всегда по-лебединому горд, хотя на нем много горя и судьба его так же неведома, как и у рабочего «Пахаря». Каюты заполнены ранеными, палубы и трюмы — эвакуированными женщинами, ребятишками. Мрачные люди с тревогой и печалью смотрят сверху вниз на маленький обшарпанный «Пахарь», похожий на морской самовар, на самоходную печку-«буржуйку», от которой больше дыма, чем тепла.

По мостику «Пахаря» ходит капитан — пожилой, щупленький, убеленный сединами. На нем белоснежный китель с золотыми галунами и белая фуражка, увенчанная крабом золотых колосьев с красным флажком Совторгфлота в центре.

У штурвала стоит матрос. Он совсем еще юн. По-детски гладко и мило его лицо, слегка обрамленное серебристым пушком. На крыле мостика старпом: тонкий, высокий, разглядывает в бинокль лайнер.

Ходит и ходит по мостику капитан, поглядывает на «рысака», на старпома, а тот никак не оторвется от бинокля.

— Великая морская держава,— ворчит капитан,— а наш лапоть шесть узлов еле мусолит. Крейсерская скорость, гм?

Конечно, он завидует лайнеру, завидует по-доброму, потому что даже капитаны паромов, самоходных барж и земснарядов не любят, когда их обгоняют, и все они в этот миг не прочь, чтобы их суда имели скорость торпедных катеров.

Мечется капитан по мостику: вперед и назад, назад и вперед. Опять недовольно бубнит себе что-то под нос.

Подошел к штурману, стоит у него за спиной, укоряюще качает головой. И понес старпома, вымещая на нем все свое негодование:

— Видали такое, гм? Кадры решают все! Старший помощник называется! Ну и помощники пошли!

Оторопело смотрит старпом на капитана, часто моргает веками.

— Война, Вячеслав Петрович, да-с.— Продолжает разнос капитан.— А старпом эвакуированных дамочек разглядывает в бинокль... Вахту несет...

— Я... Обводы... Обводы смотрел... лайнера,— оправдывается штурман.

— Знаю я эти обводы... Жену только в эвакуацию отправил. Пороть вас надобно, достопочтенный. Гм?

Я и рулевой едва сдерживаем смех, отворачиваем лица, кусаем губы, прикрываем рот рукой.

Старпом крайне возмущен.

— Степан Сергеевич! При матросе, при... Я умоляю вас...

— Чего умоляете? Боитесь авторитет потерять? Прежде, чем что-то потерять, надо его иметь. Гм? А вид! — Капитан дергает его за китель, хлопает пальцами по голому животу штурмана.

Внешний вид штурмана неряшливый. Он без головного убора, на голом теле — синий, измятый и расстегнутый китель с тремя золотыми нашивками.

— Вы, дорогой, похожи...

— Степан Сергеевич! — стонет старпом, ежится, словно ожидает удара.

— Да знаете вы, каким был офицер в мое время? — не унимается старик.— Гусар в подметку ему не годился. Морской офицер! Четкий, подтянутый, всегда по форме. Орел! А вы? Вы похожи на пирата, убегающего от возмездия.

Гнется старпом под хлесткими словами капитана, как под бичом. Давится смехом рулевой. Смех вырывается у него из-под кулака, прижатого к губам.

На «Пахаре» пианино стояло по правому борту, в углу маленькой, уютной кают-компании. Здесь столовалась вся команда. Только капитан обедал в своем крошечном салоне. Я был единственным маэстро. Вообще я был тогда утонченным романтиком и даже немного заносчивым со своими увлечениями и взглядами на жизнь, на чистоту идеалов.

В тот день играл я «Карнавал» Шумана. Аккорды звучали то тише, то громче, пальцы легко и привычно скользили по клавиатуре. Обед был в разгаре.

За столом перед тарелкой с горой обглоданных мослов сидит Борис, обгрызает кость. Рядом — Дмитриевич, хмурый, молчаливый механик, поглощенный музыкой. Любовь Николаевна хлопочет у буфета. Шаркая ногами, в кают-компанию еле втискивается кок — «Папочка».

— Ну, как жаркое — антик-лимон?

— По всем правилам английского Ллойда,— отвечает Борис.

— Дай бог не хуже по военному времени,— замечает Любовь Николаевна. А Папочка заглядывает в сливное ведро. Оно почти пустое.

Это хороший признак, сияет Папочка.

— Теперь порядок, а недавно переводили пищу...

— Мяса маловато, одни кости,— вставляет Люба.

Папочка подмигнул ей.

— Остались бы кости, мясо будет!

Папочка смотрит на тарелку с горой мослов, стоящую перед мотористом.

В кают-компанию вбежал небольшой пес-дворняга, значит, боцман где-то близко.

— Старался ради барбоса,— шутит Борис,—

Станислав **СТРИЖЕНЮК**

Куда возвращаются лелеки[1]

— Откуда я взялся, мама?
— Тебя аист принес!
(Из детской любознательности.)

1

Ну, а зыбка из лозы-то сделана,—
как в гнезде, баюкают младенца.
Выметена чисто хата белая,
пахнут свежей стиркой полотенца.
Покачают малыша —
убаюкана душа.
Ему в зыбке тесно.
Сохнет в миске тесто.
Взялся я, мама, откуда?
Кто же ответит мне?
Отблески детского чуда —
зайчики на стене.
Опустеет зыбка: время мчится!
Зайчики застынут на стене.
Но качать пустую не годится —
есть такая присказка при мне.
Где немало гнезд, я знаю место.
Я от ласк чужих чуть не ослеп.
Ну, я разве вылеплен из теста,
что меня целуют, словно хлеб?
Тропки манят за леса и реки —
то бегут, то змейками ползут.
Возле облаков летят лелеки —
и ответов в клювах не несут.

2

Черногузый батька,
построй, построй хатку,
построй мельничку и пруд,
еще с луком грядку!
Летают лелеки, летают,
в дорогу меня провожают.
— Тебе за моря иль за реки? —
несется с высоких небес.
Как будто боятся лелеки,
чтоб мой горизонт не исчез.
Я им отвечать не умею.
Иду с узелочком в руке.
Иду я, пока зачерствеет
горбушка в моем узелке.
Летают лелеки, летают.
А люди меня донимают...
Им, людям, не терпится чуда,
им вроде одна лишь беда:
— Откуда ты, хлопчик, откуда?
Зачем?
Для чего?
И куда?..
Не знаю, зачем. Но откуда...
Там — хата. Лоза. Водоем.
На крыше лелека-приблуда
стоит, как на сердце моем.
Но люди опять совершают
ошибку —
плечами пожмут и исчезнут во мгле.
Нельзя колыхать опустевшую
зыбку —
я людям навстречу иду по земле.

3

Мы души сделали богатыми.
Уходит личное во тьму —
в эпоху космоса и атома
лелеки вроде ни к чему...
Селяне...
Бросили орала мы.
Век разлучил со многим нас.
Засеял память интегралами
и в свет повел через Донбасс.
Овеял бризами индустрии,
до звезд вознес, не отпустив
ни детских снов, ни детской грусти
в сельскохозяйственный архив.
И рассказать архивам некогда
среди рабочей суеты,
какими мы гордились реками,
какие снились нам сады!
Ах, реки!

[1] Лелека (укр.)— аист.

любит Минер кости.— Он протягивает дворняге кость, пес смотрит на нее, скалит зубы, но не подходит к Борису.

— Минер косточку хочет,— ласково обращается к барбосу Любовь Николаевна. Собака угодливо вертит хвостом, шевелит ушами, берет из ее рук кость, ложится на пол и начинает с усердием грызть.

В кают-компанию входит боцман — Федя-Вася, средних лет моряк, ничем особо не приметный.

— О, привет, Федя-Вася! — по-пионерски салютует ему Папочка.

— Салют, Папочка! Как живем-можем?

— Живем не горюем, самолетов не чуем. Вот рука что-то болит в суставе.— Папочка размахивает своей огромной рукой.

— К непогоде, наверное,—высказывает предположение Борис.

— Да отвратит судьба свой лик суровый от всех идущих в море кораблей! — голосом пастора причитает боцман, воздев руки к небу.

— Да отвратит! — как заклинание произносят Папочка и Борис, и все вместе смеются.

Я очень люблю Шумана, и мне обидно, что эти люди не слушают музыку. Почему они такие черствые? Только один механик слушает, как завороженный.

Борис попытался ногой опрокинуть Минера, пес огрызнулся.

— У, злюка — Минерище!

— Откуда имя такое — Минер? — спрашивает Люба.

— Биографические подробности,— уклонился Федя-Вася.

— Военная тайна,— шутит Папочка.

— С детства в каюте боцмана жил, а «мины» подкладывал в каюте капитана и...— Борис глазами показал в мою сторону.

Я вижу отражение его лица в полированной черной доске пианино.

Все рассмеялись, кроме механика. Оборвался аккорд. Я грохнул крышкой пианино, резко поднялся и, ни на кого не глядя, шагнул к двери кают-компании.

— Духовный мир! — бросил им всем на ходу и вышел в коридор. Прекратился смех. Все на минуту притихли. Только ворчал Минер, следя за ногой Бориса, и аппетитно скреб зубами по увесистой кости.

Пока я поднимался по трапу, мой слух уловил еще несколько реплик.

— Обиделся Валентин Савельевич, нехорошо,— с сожалением проговорила Любовь Николаевна.

— А, интеллигенция.

Это Борис.

— Зефирная барышня.

Голос Папочки.

— Рафинад.

Заключил Федя-Вася.

Молча поднялся механик, молча вышел и громче обычного хлопнул дверью кают-компании.

На мостике я встретил Вячеслава Петровича.

— Спасибо, Валя,— сказал он тихо и крепко пожал мне руку,— ты так сегодня играл, так играл... Как бог...

Он бросил взгляд в сторону капитана и добавил почти шепотом:

— Кончится война, обязательно буду учить музыке своих девочек.

У старпома их двое — Светлана и Марина.

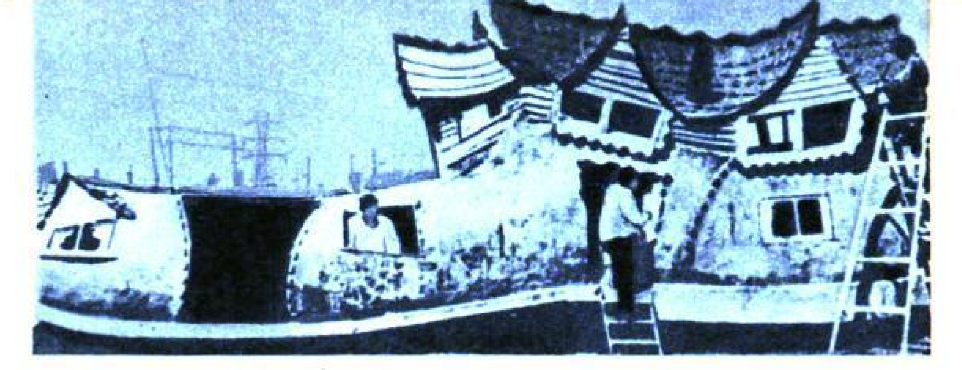
Продолжение следует.

Сколько неповторного
несете вы среди плотин!
Пойми: в бассейне моря Черного
сто речек есть...
Но Днепр — один!

4

Куда прилетают лелеки?
Известно — в родительский дом,
А он хоть далёко навеки,
Все ж близко — в сознанье моем.
Летают лелеки, летают,
как будто меня провожают.
Кружáтся над хатой упрямо
и белые перья трясут.
Глядит поседевшая мама:
а может, меня принесут?..
Немалый путь пройден и прóжит.
А будущий — в нашей руке.
И черствой не стала, быть может,
горбушка в моем узелке?..
Бессоннице маминой внемлю
и птиц умоляю:
— Пора!
Коль с Марса — несите на Землю!
Коль с Волги — на склоны Днепра!
Душою большой и богатой
надеется мама весь век,
что вы закружите над хатой,
где нет, может, нынче лелек...

Перевел с украинского Ив. РЯДЧЕНКО.

БАШМАК ДЛЯ ЖИЛЬЯ

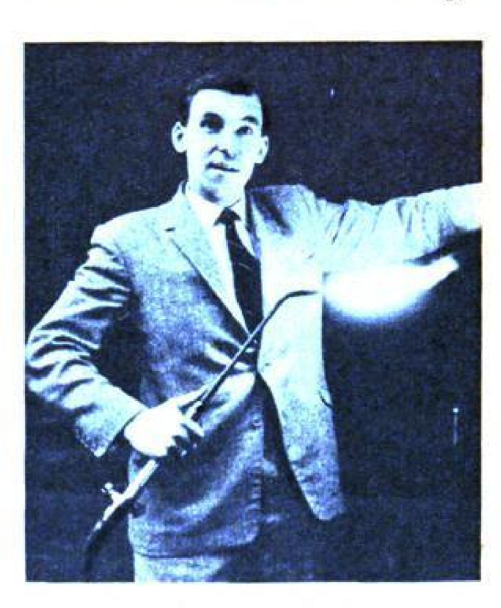
Австралийский архитектор Дон Эванс построил дачу в виде ботинка. Дом снабжен мощным автомобильным мотором и может самостоятельно передвигаться.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЛИПОВОЕ ПЛАТЬЕ

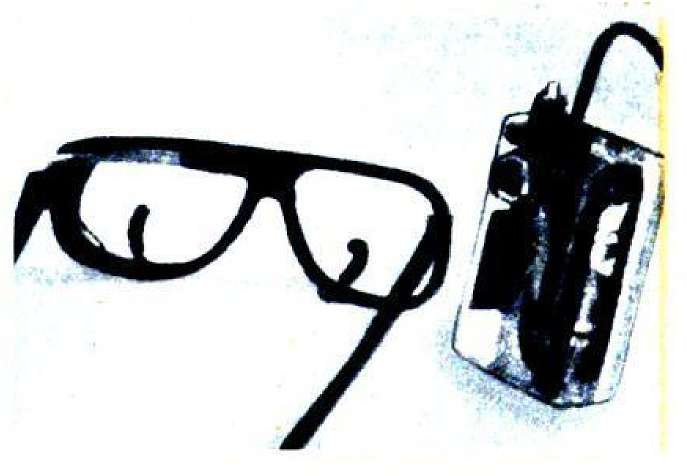
Итальянский модельер Доменико Альбион решил заняться деревянной одеждой. Он считает, что дерево — очень удобный материал для костюмов и платьев.

НЕ БОЮСЬ ОГНЯ!

Пламя от газовой горелки не страшно для этого человека. Его костюм сделан английским портным из огнезащитного материала.

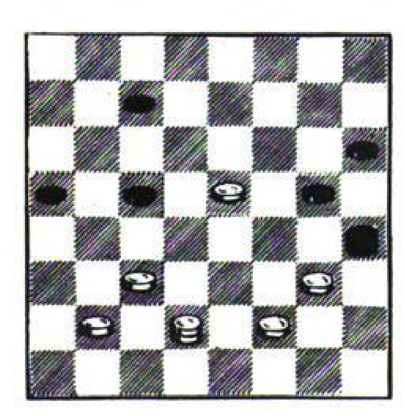

МИНИ-ДВОРНИКИ

Француз Морис Девилье сконструировал миниатюрные дворники для очистки стекол очков. В движение они приводятся при помощи электрической батарейки.

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО.

ШАШКИ

Концовка

Б. Могилевский (Житомир).

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки Б. Литвака, напечатанной в № 17 «Огонька»: 1. d4—e5! h8—g7 2. d2—c3!! g7—h6 3. e5—f6! e7 : e3 4. c5 : e7 d8 : f6 (если 4... a3 : c5, то 5. e7—f8 и выигрывают) 5. c3—d4!! и при любом ответе черных белые проходят в дамки и выигрывают.

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

До чего же все-таки было бы здорово, если бы пушки всегда использовались именно так — для торжественных салютов! Гремят, а всем весело: пришли друзья. Салют наций возвестил о прибытии в Индию с визитом дружбы отряда кораблей Тихоокеанского флота. Вот они входят в мадрасский порт — крейсер «Дмитрий Пожарский», ракетный корабль «Гордый», противолодочный корабль «Стерегущий». Их уже ждут — на причалах рабочие порта, смуглые темпераментные докеры. Среди них совсем потерялась маленькая группа служащих советского консульства и торгпредства, пришли встречать своих. Немалый путь отмахали тихоокеанцы — за кормой тысячи миль. Афанасий Никитин, тот за три моря ходил, а потомки его пришли в Индию через восемь морей и два океана. После официального церемониала командующий флотом адмирал Н. Н. Амелько сошел с крейсера и сказал собравшимся в порту:

— Немалый путь мы проделали, но и мили кажутся короче и жара не страшна, когда идешь к друзьям.

Поход протекал на редкость спокойно. Нептун выстелил перед кораблями гладкую голубую дорогу, даже ни разу и не качнуло. А вот на берегу моряков встретило бурное людское море. Город заголубел от матросских воротников, как будто океан плеснул на улицы. Хоть и много оказалось среди моряков знатоков английского языка, но их явно не хватало. Не беда — в дело пошли разговорники, часто беседы шли «на пальцах», и что удивительно — отлично понимали друг друга люди — через день уже весь Мадрас знал слова «дружба», «мир», «доброе утро», «товарищ»...

Сегодня наших ребят пригласили к себе на обед индийские матросы.

— Ну и печет! — говорили про здешние кушанья. А обед, между прочим, проходил в форте Сент Джордж, том самом, который был не так давно бастионом колонизаторов. Именно отсюда и начали они закабалять добрый и талантливый народ. Но времена меняются. Теперь народ сам стал хозяином своей страны, приобрел на нашей планете множество друзей, и одно из подтверждений тому — визит советских кораблей.

Переход из Мадраса в Бомбей показался совсем незаметным, каких-то четыре дня. Еще от тех впечатлений не остыли, а тут новые: бомбейцы встречали не менее горячо. И тут слово «дружба» открывало добрым ключиком сердца людей.

И тут было много встреч, бесед, новых знакомств и полного взаимного понимания.

Были и «бои» — на футбольных полях, волейбольных и баскетбольных площадках.

Каждый день корабли были открыты для посещений, и через них шел буквально поток людей. За дни стоянок в Мадрасе и Бомбее на кораблях побывало несколько десятков тысяч жителей. И гости и хозяева старались познакомить друзей со своим искусством. И когда, скажем, в городе шел концерт ансамбля Тихоокеанского флота, на крейсере выступали индийские артисты, покоряя моряков своими поистине чудесными танцами. И финал всегда выливался в демонстрацию самых теплых и дружеских чувств.

Много было высказано в эти дни добрых слов и добрых пожеланий. И, оценивая визит, бомбейская газета «Фри пресс джорнел» писала: «Во всех отношениях русские моряки завоевали в городе настоящий успех. Мы видели, как целые отряды их гуляли по городу, привлекая к себе дружественный интерес местного населения, куда бы они ни пошли. Как моряки, люди эти были чрезвычайно трезвы. Мы смотрели в их глаза и видели в их взоре серьезность и рвение... Принимая во внимание то достоинство, с которым они себя вели, разрешите выразить надежду, что подобные визиты станут регулярными».

Улицы Мадраса заметно оживились.

На кораблях сегодня гости...

Представители профсоюза портовиков пришли приветствовать советских моряков. На борту крейсера «Дмитрий Пожарский» их встречает командующий КТОФ адмирал Н. Н. Амелько.

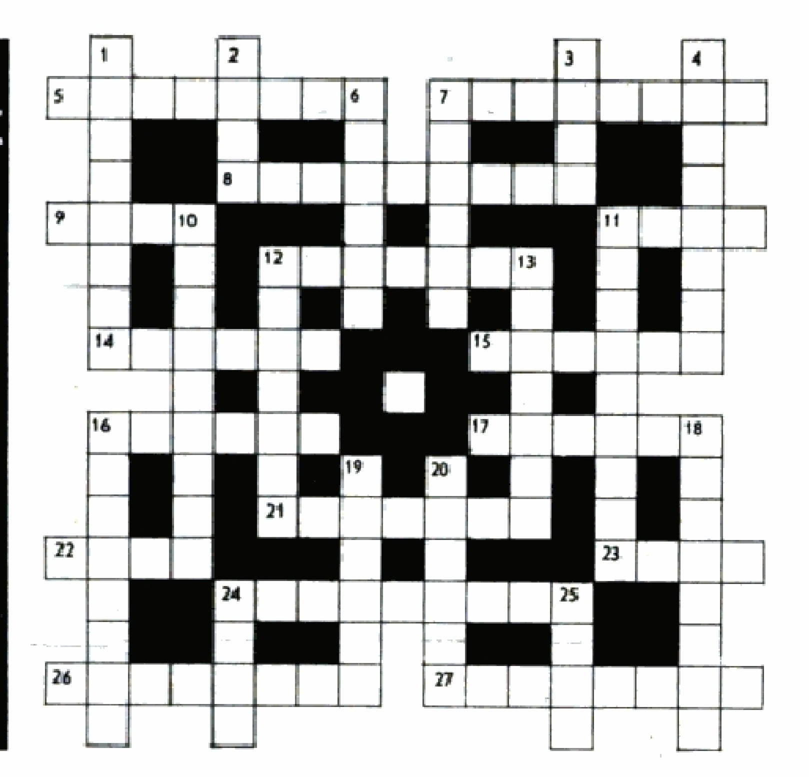
Встреча в мадрасском порту.

ДНИ ОТКРЫТЫХ СЕРДЕЦ

Русский сувенир для маленькой жительницы Бомбея.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Полуостров в СССР. 7. Птица отряда куликов. 8. Картина И. М. Прянишникова. 9. Электрод. 11. Широколиственное дерево или кустарник. 12. Краткое изречение. 14. Химический элемент. 15. Периодический подъем уровня океана. 16. Советский летчик. 17. Автор балета «Дон-Кихот». 21. Горный массив на Кавказе, возвышающийся над Гаграми. 22. Пьеса В. Маяковского. 23. Курорт в Крыму. 24. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 26. Раздел зоологии. 27. Актер, народный артист СССР.

По вертикали:

1. Французский баснописец. 2. Пресноводная рыба. 3. Басня И. А. Крылова. 4. Советский писатель. 6. Русский металлург. 7. Озеро в Целинном крае. 10. Оформление театральной сцены. 11. Собрание однородных предметов. 12. Штат США. 13. Навес над витриной. 16. Приток Волги. 18. Герой русских былин. 19. Украинский смычковый инструмент. 20. Роман Л. Фейхтвангера. 24. Минеральная хромовая краска. 25. Полудрагоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

7. «Гугеноты». 8. Башкирия. 9. Готика. 10. Адажио. 11. Эмаль. 14. Кодекс. 16. Грибов. 17. Евпатория. 22. Декарт. 23. Диалог. 24. Халва. 25. Цитата. 27. Эворон. 28. Колобжег. 29. Виньетка.

По вертикали:

1. Суворов. 2. Перигей. 3. Сова. 4. Яшма. 5. Динамик. 6. Чичиков. 12. Магдалена. 13. Лермонтов. 15. Сервант. 16. Ганимед. 18. Геликон. 19. Саратов. 20. Майонез. 21. Волонка. 26. Анжу. 27. Этна.

●

На первой странице обложки: Слесарь Ярославского завода топливной аппаратуры, коммунист Евгений Антонов.

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Солнечный денек.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00402. Сдано в набор 23/IV-68 г. Подписано к печ. 6/V-68 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 598. Заказ № 1110.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Этот графоман завалил нас своими произведениями.

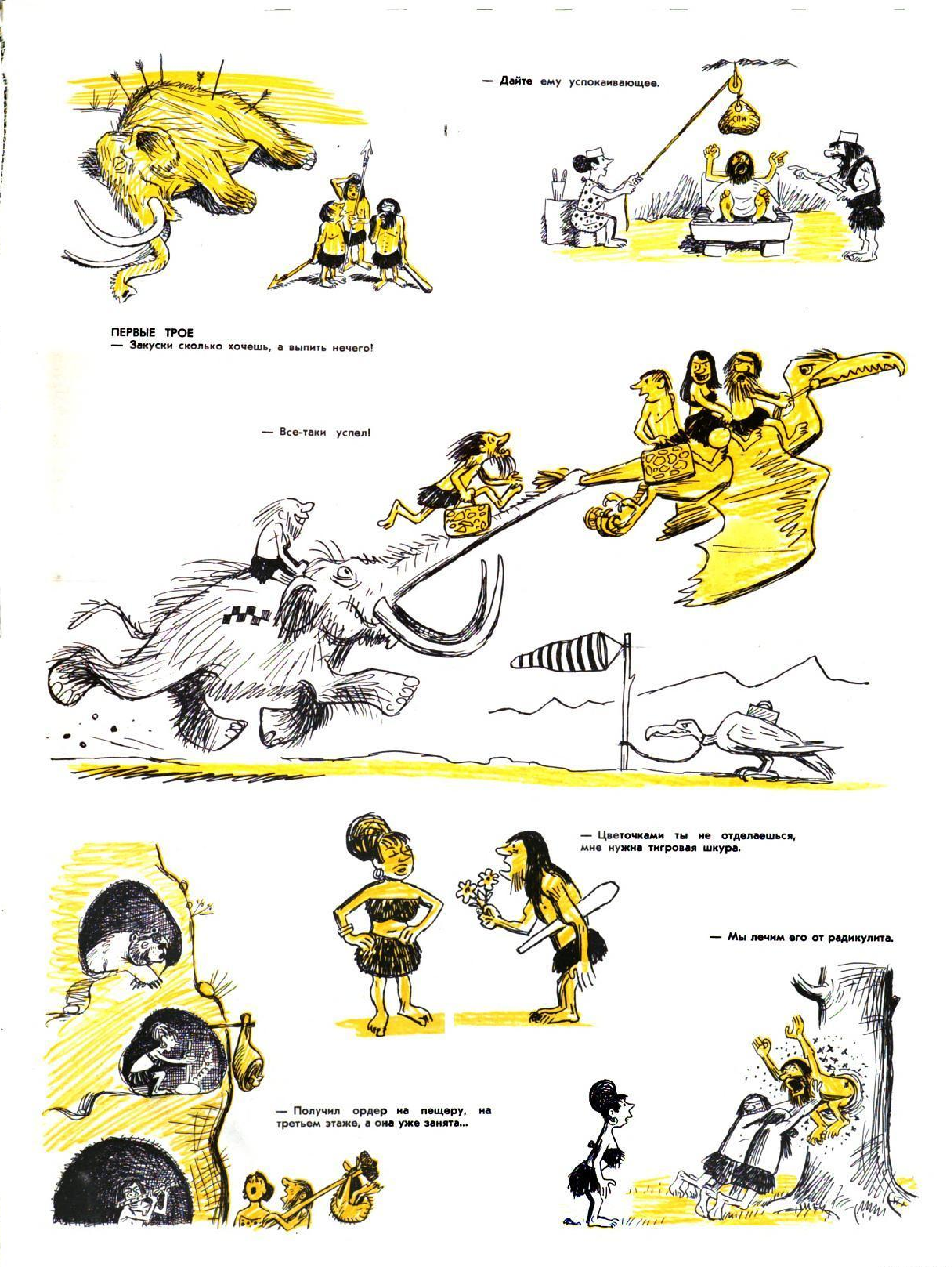
Весенний вернисаж

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Он из Бюро прогнозов. Сказал, что оледенение наступит через миллион лет.

СПИ
— Дайте ему успокаивающее.
ПЕРВЫЕ ТРОЕ
— Закуски сколько хочешь, а выпить нечего!
— Все-таки успел!
— Цветочками ты не отделаешься, мне нужна тигровая шкура.
— Мы лечим его от радикулита.
— Получил ордер на пещеру, на третьем этаже, а она уже занята...

Цена номера 30 коп.